

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

**ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ НАУКА 0+
XXIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»**

22–26 апреля 2019 г.

**Том II
Филология**

Часть 2

**Актуальные проблемы русского языка и литературы.
Актуальные проблемы русистики.
Медиадискурс и языковая личность.
Коммуникативная стилистика текста**

Томск 2020

ББК 74.58

В 65

- В 65 Всероссийский фестиваль науки НАУКА 0+. XXIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (г. Томск, 22–26 апреля 2019 г.) : В 5 т. Т. II: Филология. Ч. 2: Актуальные проблемы русского языка и литературы. Актуальные проблемы русистики. Медиадискурс и языковая личность. Коммуникативная стилистика текста / ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет». – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2020. – 148 с.

Научные редакторы:

Болотнова Н.С., д-р филол. наук, профессор

Болотнов А.В., д-р филол. наук, профессор

Карпенко С.М., канд. филол. наук, доцент

Песоцкая С.А., канд. филол. наук, доцент

Савенко А.С., канд. филол. наук, доцент

Материалы публикуются в авторской редакции

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82-1/-9, 82.0
ГРНТИ 17.82

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМИКСОВ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛАНА МУРА

LITERARY AND ARTISTIC POTENTIAL OF COMICS ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF ALAN MUR

А.В. Козорез, Е.Ю. Плотников

Научный руководитель: С.А. Песоцкая, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: массовая культура, комикс, художественно-литературный потенциал, цветовая гамма, рисовка, фабула, супергероика.

Key words: mass culture, comics, artistic and literary potential, color spectrum, drawing, plot, superheroes.

Аннотация. Целью этой статьи является рассмотрение творческого потенциала комиксов в художественно-литературном отношении. Постулируется тождественность понятий комикс и графический роман. Комиксы анализируются в сравнении с произведениями художественной литературы; приведены доказательства принадлежности комиксов и графических романов к литературе. Выделены основные структурообразующие черты комикса как жанра. Произведения Мура рассматриваются авторами статьи как классика данного жанра, позволяющая раскрыть характерные особенности жанра и место автора в его развитии.

Комикс (от англ. comic «смешной») – рисованная история, рассказ в картинках, сочетающий в себе черты таких видов искусства, как литература и изобразительное искусство – так звучит определение комикса, данное Владимиром Сахновым при попытке перевести выражение Уилла Айснера «sequential art» [1]. Однако в нашей работе основополагающим является определение, сформулированное автором комиксов и теоретиком Скоттом Макклаудом: комикс – сопоставленные в определённом порядке графические и прочие изображения, призванные передать информацию и/или вызвать у зрителя (читателя) эстетический отклик [2]. Данное определение представляется нам более уместным в контексте рассуждений о комиксах.

Основным аспектом литературной критики комиксов является сущность их влияния на мышление, которое является порождением клиповой культуры.

Характерные особенности комикса определяются историей его развития, в том числе его принадлежностью к клиповой культуре. Комикс выражает собой культуру инфантилизма, для которой характерно сокращенное представление информации, когда идея произведения самоочевидна, так ее анализ уже совершен тем, кто ее презентует, а не производится непосредственно читателем. Задача читателя сводится только к восприятию готовой идеи.

В нашей работе мы постараемся проанализировать современный комикс и рассмотреть его с точки зрения переосмысления его литературно-художественной ценности.

Рассмотрим комикс как продукт деятельности искусства. В ходе работы нами были выявлены аргументы, которые подтверждают его принадлежность к искусству [3]:

– *Визуальные средства выражения*

Комиксы – это, прежде всего, картинки, поэтому форма и цвет играют здесь первостепенную роль. Графические новеллы насыщены красками, которые формируют то или иное настроение (см. прил. А). Форма также несет смысловую нагрузку. В частности, чтобы подчеркнуть агрессивность героев или злодеев, художники наделяют их заостренными частями тела – когтями, клыками, шипами и т.д.

– *Типографика*

Начертание текста и надписей в комиксах – это средство выражения экспрессии, воздействия на читателя. Примерами использования таких средств являются: форма и цвет шрифта, размер букв и интервал между ними, положение текста относительно других элементов изображения. Скажем, если художник хочет подчеркнуть эмоциональность сцены, он часто выделяет отдельные реплики персонажей ярким цветом, броским и увеличенным начертанием. Напротив, в эмоционально-нейтральных сценах шрифт подчеркнуто сдержанный, единообразный и маловыразительный, не отвлекающий от смыслового содержания.

– *Мультипликационность*

Графическая часть комиксов далека от реалистичности. И дело не только в том, что в них описываются фантастические технологии, существа и герои. Сама рисовка достаточно схематична и гиперболизирована, часто вплоть до гротесковых форм. Это своеобразное художественное средство, позволяющее авторам расширить рамки выражения своих идей. При этом сформировался уникальный графический стиль комиксов, который отличает их от обычных иллюстрированных книг, журналов и другой литературы.

– *Интеграция графики и текста*

Слово и изображение в комиксах тесно связаны между собой, создавая единое повествование. Графическая и текстовая часть неразрывны: отсутствие хотя бы одного из них разрушает смысл и последовательность истории, в то время как в обычном литературном произведении иллюстрации могут быть удалены без нарушения фабулы. Картинка задает обстоятельства, последовательность и общее действие, в то время как филактер (облачко со словами) выражает конкретное взаимодействие между персонажами, их мысли и общий смысл происходящего.

– *Массовость*

Комиксы – одно из первых явлений зарождающейся массовой культуры на Западе, наряду с кино и эстрадной музыкой. Графические новеллы никогда не претендовали на элитарность. Соответственно, степень «интеллектуальности» первых комиксов была сравнительно низкой, потому что они зарождались в те времена и в той среде, которым был несвойственен высокий уровень образования. Отсюда упрощенные, понятные обывателю образы, концепты, слова, короткие реплики, отсутствие длинных рассуждений. Со временем, когда уровень грамотности и эрудиции населения возрос, изменились и комиксы: идеи, отражающиеся в сюжетах и героях, стали сложными, неоднозначными.

Если принадлежность комиксов к искусству, как правило, не вызывает сомнений, то их принадлежность к литературе принято оспаривать. Такая позиция аргументируется направленностью комикса на массового потребителя, отсутствием высокой мыслительной нагрузки при чтении, первостепенностью визуализации происходящего. Однако нами были выведены составляющие комикса, которые в полной мере доказывают справедливость отнесения его к литературному жанру [3]:

– *Нарративность*

Под этим термином в философии и литературоведении понимается последовательное изложение некоторых событий, связанных между собой, от завязки до финала. Это в корне отличает комиксы от литературных произведений с иллюстрациями, где графическая составляющая отражает только один момент сюжета и не создает сама по себе фабулы. «Убийственная шутка» использует визуальные приёмы, которые позволяют использовать комикс для изображения динамики происходящего (см. прил. Б).

– *Использование вербальных средств передачи информации*

Текстовая часть комиксов задействует большое количество средств выразительности и образности, таких как ирония, восклицания, риторические вопросы, эмоциональные обращения, эпитеты, метафоры, гиперболы, эллипсисы, умолчания и многие другие. Широко применяются также жаргонизмы и выражения уличного сленга. Таким образом, выполняется несколько функций: повествованию придается определенная

динамика – например, в кульминационных моментах авторы комиксов широко используют восклицания и гиперболы, усиливающие эмоциональный накал, а в менее напряженных частях сюжета применяют умолчания, художественные преуменьшения, делающие ход истории более спокойным и размеренным; повышается выразительность речи главных героев, формируется индивидуальность последних, характер, настроение в определенный момент времени, что усиливает включенность читателя в сюжет и его увлечение происходящими в комиксе событиями.

– *Наличие действующих лиц*

С традиционной литературой комиксы роднит присутствие в сюжете протагониста, антагониста, спутников героев, второстепенных персонажей и т.д., которые определяют сюжет и динамику повествования. В зависимости от конкретного произведения внешний облик и личность действующих лиц могут быть прорисованы как схематично, так и очень подробно. Таким образом, часто расставляются читательские акценты в восприятии тех или иных персонажей.

– *Архетипичность персонажей*

Герой комикс-произведений – это не просто конкретное действующее лицо. Это воплощение определенных коллективных абстрактных представлений. В комиксах родился и новый архетип – супергерой, современный аналог античных или варварских полубогов и героев, обладающий сходными сверхъестественными качествами.

– *Жанровая принадлежность*

Жанровое деление графических новелл сходно с литературным. Так, существуют научно-фантастические, мистические, детективные, эротические и другие виды комиксов. В то же время многие комиксы представляют собой смесь этих жанров.

– *Использование приёмов организации повествования*

К числу таких приемов относится использование параллельных сюжетных линий, когда одновременно реализуются несколько сюжетов без разделения на главы. Подобный приём был использован Уильямом Фолкнером. Комикс способен реализовать художественную задачу автора иными средствами. К примеру, литературная избыточность, как правило, заключается в предоставлении читателю информации, ненужной для сюжета, с целью лучше раскрыть персонажа, с помощью мелочей дав возможность взглянуть на мир его глазами. С использованием художественных средств, таких как цветовая гамма, визуальные эффекты и детализация обстановки [4] эту задачу можно также решить, например, предоставив читателю самому открыть для себя «потаённые углы разума» героя, рассмотрев его комнату. Изобразив это на рисунке, мы предоставим разуму читателя простор для открытий. Выводы, сделанные таким образом, как правило, ценятся читателями больше. Такой приём применяется в комиксе Алана Мура «V – значит Вендетта». Также V – персонаж,

символизирующий анархию – это пример применения приёма олицетворения. Также в «Вендетте» используется ряд метафор. Таким образом, то, что может быть представлено в комиксе, иногда равноценно текстовому описанию.

– *Актуальность и связь с объективным миром как особенность проблематики*

Помимо всего вышеприведённого характерной особенностью жанра является большее количество научных допущений.

В то время, когда зародился жанр научной фантастики, несмотря на значительные прорывы в науке (что и явилось подоплёкой для возникновения данного жанра), технический прогресс шёл куда медленнее, и людям просто не казались бы правдоподобными истории с большим количеством научных допущений. Современный же человек живёт в эпоху, в которой технический прогресс движется очень быстро и ему уже не так сложно поверить, что завтра будет изобретено то, что казалось невозможным вчера. Таким образом, темп технического прогресса оказал сильное влияние на жанр современного комикса. Научная фантастика всё ещё сохраняет сформировавшуюся особенность жанра – ограниченное количество научных допущений. Что касается спекуляции на научных теориях, этот недостаток встречается и в литературе, ведь часто смысл допущений заключается в другом: поставить человека в гипотетическую ситуацию и посмотреть, как он себя в ней поведёт. К такому приёму как раз часто апеллирует научная фантастика.

Алан Мур поднимал в своих работах множество сложных тем. На примере «Мираклмена» можно проследить, как Мур постепенно развивал тему сверхчеловека. В «Хранителях» Мур поднял значительное количество тем, от оправдания средств целями до бессмысленного ребячества в красочных костюмах на фоне человеческой мании враждовать. Описать их кратко представляется нам невозможным. Проблемы смена поколений, человеческой жестокости, взаимоотношений мужчин и женщин, утраченного времени, и это только краткий список самых явных тем, поднимаемых «Хранителями». Развиваются эти темы вместе с событиями холодной войны. В «Убийственной шутке» автор подводит читателей к мысли, к которой сам пришел еще во время работы над «Хранителями»: между супергероями и сверхзлодеями гораздо больше сходства, чем различий. Роли распределились почти случайно: при ином раскладе Джокер мог бы стать легендарным борцом за справедливость, а Бэтмен – злодеем.

Выделим основные особенности проблематики и поэтики, определившие масштабность «Хранителей» и роль автора произведения как классика жанра [5, 6]:

– новый взгляд на супергероику, взгляд с позиции бессмысленности веры в высшие силы на фоне человеческого безумия;

- дискредитация супергероев, представление их как клоунов в костюмах (что демонстрируют персонажи Комедиант и Роршах);
- демонстрация конфликтной сути человека;
- идея спасения мира как трудная работа, которая зависит от каждого в обществе, а не от отдельных, якобы особенных людей.

Мур объединил в «Хранителях» всё лучшее, что было в его работах ранее, продемонстрировав переосмысленный подход к супергероике.

«Хранители» применяют многие из вышеупомянутых приёмов, в том числе динамику изображения, символику цвета и олицетворение масштабных явлений как персонажей. Весь комикс эксплуатируется тема часов (watch), образ которых каждый раз раскрывается по-разному. К тому же слово watch переводится как «смотреть», намекая на реальное бессилие персонажей. Именно хранители «подняли планку качества» столь высоко, что этот опыт ещё не смог никто повторить. Всё вышеприведённое доказывает, насколько неоднозначен комикс.

Таким образом, Мур пересмотрел комиксы как жанр, представив их серьёзным средством выражения своих идей. С такого «пересмотра» началась история современного комикса в целом. К примеру, персонажи Бэтмена и Джокера раскрылись со своей драматической, человеческой стороны, стали менее плоскими и в дальнейшем служили в комикс – индустрии средством выражения более серьёзных идей.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

- Комикс – новое эволюционное направление литературы, сформированное на стыке с изобразительным искусством.
- Несмотря на предполагаемую простоту и направленность на массового потребителя, комикс способен быть глубоким и осмысленным.
- Имея большой потенциал развития, со временем комиксы будут способны удовлетворить любого читателя, независимо от интересующего его контента: каждый найдёт среди комиксов что-то важное для себя.

Литература

1. Сахнов, В. Определение комикса, как вида искусства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://comics.com> (дата обращения: 25.04.2019).
2. Макклауд С. Понимание комикса / С. Макклауд. – М.: «Белое яблоко», 2016. – 216 с.
3. Всё о рисовании комикса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://disima.ru> (дата обращения: 25.04.2019).
4. «Провиденс» Алана Мура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medium.com> (дата обращения: 25.04.2019).
5. Федеральное государственное унитарное предприятие Международное информационное агентство «Россия сегодня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru> (дата обращения: 25.04.2019).
6. Комикстрейд полезный ресурс о комиксах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://comicstrade.ru> (дата обращения: 25.04.2019).

Приложение А

В «Лиге выдающихся джентльменов» активно используется приём изменения посылки читателю с изменением цветовой гаммы. Угрожающие красные тона переходят в загадочные фиолетовые, поддерживая напряжённость восприятия текста.

Приложение Б

Использование раскадровки для изображения динамики рассуждений антагониста и расстановки акцентов в его речи.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

УДК 81'38
ГРНТИ 16.21.55

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ЖАНРЕ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ ХОККУ

EXPANSE AS A TEXT CATEGORY IN THE GENRE OF JAPANESE POETRY *HAIKU*

О.В. Андреева

Научный руководитель: С.М. Карпенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: пространство, текст, текстовая категория, хокку.

Key words: space, text, text category, haiku.

Аннотация. В статье представлен анализ текстовой категории пространства в жанре японской поэзии хокку. Определены тематические группы репрезентантов категории пространства: 1) реалии природного мира; 2) природные явления; 3) быт и нравы японцев. Выявлены особенности художественного пространства в хокку.

Целью статьи является анализ репрезентации текстовой категории пространства в жанре традиционной японской поэзии хокку. Хокку – стихотворение, строящееся с учётом метрического закона и являющееся самостоятельным жанром. Как правило, это нерифмованное трёхстишие из 17 слогов (5–7–5), не исключаящее отступлений от строгой системы написания, но «способное вместить в малом многое» [1, с. 189–201]. В качестве материала взяты тексты жанра хокку в переводе русского филолога и исследователя японской классической литературы В.Н. Марковой, так как в этом переводе наиболее точно отражены особенности воплощения японского языка при сохранении метрической формы [2, с. 61]. Проанализировано 60 хокку следующих авторов: Мацуо Басё (40 хокку), Косуги Иссё (5 хокку), Такараи Кикаку (10 хокку), Дзёсо (5 хокку). Под текстовой категорией понимается «отражение определённой части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [3, с. 533]. Категория пространства реализуется во всех текстах, так как пространственные характеристики присущи всем объектам действительности. В жанре хокку представлено

художественное пространство, специфика которого обусловлена особенностями эстетической сферы коммуникации.

Репрезентация текстовой категории пространства в хокку малоизучена. Можно выделить исследование Дудиной Е.П. «Категория пространства и времени в японских переводах (на материале ранней поэзии О. Манделштама)», в котором автор отмечает тенденцию японского текста к созданию пространства бесконечности [4].

Рассмотрим реализацию категории пространства в поэзии М. Басё. Нами проанализировано 60 хокку, содержащих лексемы с пространственной семантикой. Категория пространства чаще всего представлена в исследуемых текстах с помощью одиночных существительных или существительных с предлогом, глаголов пространственного перемещения, наречий с пространственной семантикой, топонимов. Приведём примеры.

1. Существительное с предлогом: *на полях, в небе, на горе, на ветру, под облаками, под луной, на берегу, в лесу, по воде, в пуху, под вишней* и др. Например: 1) *О, сколько их **на полях!** / Но каждый цветет по-своему – / В этом высший подвиг цветка!* 2) *Нынче выпал ясный день. / Но откуда брызжут капли? / **В небе** облака клочок.*

2. Имя существительное: *ворота, сад, гора, дерево, вишня, поле, сосна, ива, небеса, сердце, мост, земля, цветы, клен, дорога, колодец* и др. Например: 1) ***Ворота** прилива. / Омывает цаплю по самую грудь / Прохладное **море**.* 2) *Глубокою стариной / Повеяло... **Сад** возле храма / Засыпан палым листом.*

3. Глаголы пространственного перемещения: *побежал, метнулся, двинулся. Чистый родник! / Вверх **побежал** по моей ноге / Маленький краб.*

4. Наречия с пространственной семантикой: *там, вдали, позади, вдалеке, куда-то, вперёд* и др. Например: 1) *Летние травы / **Там**, где исчезли герои, / Как сновиденье.* 2) *Сад и гора **вдали** / Дрогнули, движутся, входят / В летний раскрытый дом.*

5. Топонимы: *Фудзи, храм Сумадэра, Нара, Исоноками, Исэ* и др. Например: 1) *Лишь вершину **Фудзи** / Под собой не погребли / Молодые листья.* 2) ***Храм Сумадэра**. / Слышу, флейта играет сама собой / В темной гуще деревьев.*

6. Имя прилагательное: *сорный, зимний, осенний, летний, весенний, дождливый, ветренный* и др. Например: 1) *Стаял **зимний** снег. / Озарилась радостью / Даже лица звезд.* 2) *Как нежны молодые листья / Даже здесь, на **сорной** траве / У позабытого дома.*

На основе проведённого анализа выделены тематические группы репрезентантов категории пространства: 1) реалии природного мира; 2) природные явления; 3) быт и нравы японцев.

Рассмотрим данные тематические группы. *Природные реалии*, изображённые в хокку: *поле (цветочное), гора, дерево, трава, земля, ива, краб, цветок, деревья* и др. Группа реалий природного мира включает в себя объекты, находящиеся в окружающей среде. К реалиям природного мира относятся живые существа, растения, ландшафт. Нередко в хокку данной группы актуализируется смысл единения с природой, необходимость её защиты. Это ключевая тема в жанре хокку, так как она является наиболее значимой для менталитета японцев. В группу реалий природного мира входят: 1) небесное пространство (*облако, небо, луна*); 2) водное пространство (*река, ручей, родник, море*). С этой группой связаны репрезентанты категории времени, называющие времена года (*осень, весна, зима, лето, снег, зной, жара* и т.д.).

Группа *природных явлений* выражается в тексте следующими лексемами: *дождь, снег, цунами, полнолуние, ветер, молния*. Она выступает отдельно от группы реалий природного мира и обретает самостоятельность, так как часто в хокку пространство представлено не только материальным объектом, но и событиями, происходящими в природной среде.

Тематическая группа, включающая лексемы быта и нравов народа Японии: *поле, хижина, флейта, храм, веер, упрямый, рис, война, справедливый* и др.

Рассмотрим особенности репрезентации категории пространства на основе перечисленных выше тематических групп.

1. Пространство, обозначающее *природные реалии*:

Ива склонилась и спит.
И, кажется мне, соловей на ветке...
Это ее душа.

Пространство в данном хокку представлено существительным «ива» и сочетанием «на ветке», что позволяет читателю конкретизировать художественное пространство – действие происходит на земле, на дереве. Лексема *душа* использована в переносном значении: «душа – сущность, основа чего-либо» [2, с. 71]. Птица, сидящая на ветке дерева, олицетворяет бессмертную душу ивы. И если дерево принадлежит земле, недвижимо, то птица, как и душа, свободна и способна летать, подниматься в небо. Таким образом, внимание читателя переносится с земного пространства на небесное. Пространство в данном хокку расширяющееся.

Видели всё на свете
Мои глаза – и вернулись
К вам, белые хризантемы.

Маркером пространства в хокку является существительное «хризантемы». Хризантемы, воспетые автором, имеют связь с землей и являются символом Японии. Лирический герой, повидавший всё в этом мире, переходит от мирового пространства к пространству родной страны – Японии,

воплощённой в хокку с помощью образа хризантемы. На основе этого можно сделать вывод, что пространство здесь сужающееся.

Обратимся к теме времён года, тесно связанной с категорией пространства.

*Заплатила дань
Земному и затихла,
Как море в летний день.*

В данном трёхстишии категория пространства представлена с помощью лексемы «море». В тексте представлено открытое пространство – пространство *летнего* спокойного моря. Это расширяющееся, реально видимое художественное пространство.

*Желтый лист плывет.
У какого берега, цикада,
Вдруг проснешься ты?*

Репрезентантом пространства этого трёхстишия является глагол «плывёт», благодаря которому в сознании появляется ключевой образ воды. Водное пространство представлено и другим маркёром – существительным «берега». Пространство в данном хокку открытое, так как основные его образы – вода и осенняя природа (жёлтый лист символизирует осеннее время года). Пространство в хокку сужается от водного пространства к берегу.

Рассмотрим хокку, в котором изображено *небесное пространство*:

*В небе такая луна,
Словно дерево спилено под корень:
Белеет свежий срез.*

В данном трёхстишии маркёры пространства можно разделить на две группы. Первым маркёром пространства выступает предложное сочетание «в небе», вторым уточняющим маркёром является лексема «дерево», при помощи которой внимание читателя переключается с небесного пространства на земное. Этот приём часто встречается в японской литературе, так как небо является центром художественного пространства в текстах хокку и символизирует бессмертные души, а земное пространство выступает в значении конечности существования. В хокку реализовано значение лексемы *небо*: «пространство или – по религиозным представлениям – место пребывания Бога» [2, с. 589]. В японском фольклоре небо является средоточием мифических духов и богов, в числе которых и сама Луна, к которой часто обращаются в своём творчестве японские поэты.

Пространство в данном хокку является открытым – в трёхстишии оно представлено как реальное художественное пространство, простирающееся от неба до земли. Вместе с тем оно сужается, начиная с бесконечного неба и заканчивая срезом дерева. Это реальное видимое пространство.

2. Тематическая группа репрезентантов категории пространства *природные явления*.

*Намокший, идет под дождем,
Но песни достоин и этот путник,
Не только Хаги в цвету.*

Лексема «под дождём» указывает на открытость пространства, так как ассоциативно переносит внимание читателя в пространство природы. Также в данном хокку пространство является сужающимся – от простора неба и его воплощения в явлении дождя – к Хаки, японскому городу. Это реально видимое художественное пространство.

*И поля и горы –
Снег тихонько всё украл...
Сразу стало пусто*

В данном хокку пространство репрезентировано такими существительными, как «поля» и «горы», обозначающими основное место действия. Уточняет данные лексемы и акцентирует внимание читателя лексема «снег», называющая природное явление. Пространство расширяется, вниманию читателя представлены не только природные реалии, но и снежный пейзаж. В данном хокку представлено открытое пространство.

3. Тематическая группа *быт и нравы Японии*.

*Хижина рыбака.
Замешался в груди креветок
Одинокий сверчок.*

В данном трёхстишии маркерами категории пространства является существительное «хижина» и существительное с предлогом «в груди». «Хижина» – прямое обозначение «небольшого дома, избушки (обычно в сельской местности)» [2, с. 891]. Лексема фокусирует внимание читателя на пространстве быта. В хокку представлено сужающееся пространство: от хижины рыбака к закрытому пространству улова рыбака (*в груди креветок*), в котором застрял сверчок.

*Глубокою стариной
Повеяло... Сад возле храма
Засыпан палым листом.*

Пространство в хокку представлено лексемами «сад» и «храм». В контексте трёхстишия при помощи этих слов создаётся картина быта Японии: от абстрактного пространства старины и истории до пространства японского быта, сада и храма, что позволяет сделать вывод о сужающемся пространстве.

Таким образом, на основе анализа текстовой категории пространства в жанре японской поэзии хокку можно сделать следующие выводы:

1. Преобладающими репрезентантами пространства в хокку являются существительное с предлогом (*в воде, на ветру, в небе, в поле, во мраке, на дне* и др.), что составляет 45% от общего количества репрезентантов и одиночные существительные (*ветка, нога, мост, душа, дом, гора, островок* и др.), составляющие 41%. Реже встречаются глаголы (3%), так как

для данного жанра характерны не действие и динамика, а статика образов. Прилагательные составляют 6% (*одинокий, свежий, жёлтый* и др.).

2. Выделены тематические группы репрезентантов категории пространства: 1) реалии природного мира (небесное и водное пространство); 2) природные явления и 3) быт и нравы жителей Японии. Для хокку, в которых представлены реалии природного мира и природных явлений, характерно расширяющееся открытое пространство, противопоставление разных пространственных планов. Расширяющееся пространство изображено при помощи антитезы *земное/небесное*, а открытое пространство отражает состояние природы, показывает её масштаб. Для хокку, в которых показаны быт и нравы жителей Японии, характерно сужающееся закрытое пространство, которое используется для описания скромной и простой, но наполненной трудом жизни простого человека.

Литература

1. Дьяконова, Е.М. Поэзия японского жанра трехстиший (хайку): происхождение и главные черты / Е.М. Дьяконова / Труды по культурной антропологии. – Москва, 2002. – С. 189–201.
2. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х т. – Москва: Русский язык, 2000. – 1233 с.
3. Матвеева, Т.В. Текстовая категория / Т.В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожинной. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – С. 533–536.
4. Дудина, Е.П. Категория пространства и времени в японских переводах (на материале ранней поэзии О. Мандельштама) / Е.П. Дудина // Япония. Ежегодник, 2014. – С. 262–273.

УДК 81'38
ГРНТИ 16.21.21

РОЛЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

THE ROLE OF INTERTEXTUAL ANALYSIS IN THE FORMATION OF LINGUO-CULTUROLOGICAL COMPETENCE OF PUPILS

А.А. Вегнер

Научный руководитель: С.М. Карпенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, интертекстуальный анализ, роман «Двенадцать стульев», художественный текст, интертекстуальные элементы, интертекст.

Key words: linguo-culturological competence, intertextual analysis, the novel “Twelve chairs”, literary text, intertextual elements, intertext.

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся при использовании метода интертекстуального анализа на занятиях элективного курса в средней школе. Предложены задания для интертекстуального анализа романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» в старших классах. Выявлено основное назначение интертекстуальных элементов в романе: 1) передача колорита исторической эпохи; 2) сатира на общество, 3) пародия на общеизвестные лозунги, газетные штампы; 4) раскрытие образов героев. Доказано, что умения и навыки, приобретённые при проведении интертекстуального анализа, имеют большое значение для формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся.

В Федеральном государственном образовательном стандарте уделяется большое внимание развитию личности обучающихся посредством усвоения учебных универсальных действий: познавательных, регулятивных и коммуникативных, «обеспечивающих овладение ключевыми компетенциями» [1, с. 5]. Выпускник школы в соответствии с компетентным подходом в образовании, обладая знаниями, умениями и навыками, должен уметь применять их в профессиональной деятельности.

Одной из значимых предметных компетенций является лингвокультурологическая, которая объединяет в себе коммуникативную, языковую, лингвистическую и культуроведческую компетенции [2, с. 454] и определяется как «знания идеальным говорящим – слушающим всей системы ценностей, выраженных в языке» [3, с. 73]. Лингвокультурологическая компетенция – это совокупность знаний и умений, благодаря которым ученик способен «воспринимать и интерпретировать языковые факты как факты культуры на вербально-семантическом, тезаурусном и мотивационно-прагматических уровнях» [4, с. 157].

Основной единицей культуры, неотъемлемой её частью является текст. В пространстве культуры текст «приобретает свою полную окончательную определённость: только зная культуру, в которую включается данный текст, мы получаем возможность постигнуть его наиболее глубокие смысловые пласты» [5, с. 169]. Овладеть языком как «сокровищницей культуры» позволяет интертекстуальный анализ текста [6, с. 139]. Человек способен узнать элементы «чужого» текста только в том случае, если он владеет кодами культуры. Цель интертекстуального анализа – определить, какую позицию занимает автор художественного произведения по отношению к источнику [7, с. 6], что является важным фактором для «формирования эстетического смысла» произведения [8, с. 103].

В качестве материала для интертекстуального анализа предлагаем сатирический роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Интертекстуальный анализ на основе указанного произведения можно проводить в рамках элективного курса «Лингвистический анализ текста» в старших классах. Произведение отражает исторический период существования НЭПа в СССР, является печатью культуры той эпохи. Данный

роман, как и вторая часть дилогии авторов «Золотой теленок» – источник большого количества цитирований, как в публицистике, так и в других художественных текстах: «...без интертекстуальных богатств «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» уровень массового дискурса советских десятилетий оказался бы существенно иным» [9, с. 51]. Роман не только выступает прототекстом для многих интертекстуальных включений, но и сам «ориентирован на уже существующее в литературе» [10, с. 100]. «Двенадцать стульев» содержит в себе множество литературных цитат, аллюзий и реминисценций из произведений писателей XIX в. (М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, А.А. Фета, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова) и первой половины XX века (А.Т. Аверченко, Н. Тэффи, В.П. Катаева, М.М. Зощенко). Роман представляет собой богатый материал для интертекстуального анализа.

Опираясь на методику интертекстуального анализа художественного текста [8, с. 103–104], сначала следует определить со старшеклассниками сигналы «чужого» в тексте и охарактеризовать связи с текстом-источником. Выделим фразу, с которой начинается роман: «*В уездном городе N...*». Обращая внимание учащихся на то, что слова, которыми начинается художественный текст, несут в себе большую смысловую нагрузку, предлагаем подумать, в каких произведениях мы встречаем такой же зачин, как в «Двенадцати стульях», и каково значение данной фразы? Конечно, ученики вспомнят поэму Н.В. Гоголя «Мертвые души»: «*В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка...*», рассказ А.П. Чехова «Ионыч»: «*Когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку...*» и др. Авторам произведений важно погрузить читателя с первой фразы в атмосферу небольшого провинциального города России, который является собирательным образом. И. Ильф и Е. Петров, назвав город «N», имеют в виду тот период советского общества, когда происходило переименование городов и улиц.

Следует отметить, что интертекстуальные включения в «Двенадцати стульях» реализуют следующие функции: 1) пародийные, иронические, т.е. «негативные» или 2) «позитивные», «связанные с романтической и жизнерадостной окраской мира» [9, с. 62]. Общая же функция всех цитат и реминисценций – «вызвать в душе читателя общий культурно-речевой колорит эпохи» [9, с. 66]. Школьникам необходимо сделать выводы, какую функцию реализует то или иное «чужое» слово в произведении: позитивную или негативную, и доказать свою точку зрения.

Для дальнейшего осознания взаимосвязей этого текста с другими текстами можно предложить учащимся систему заданий и вопросов для анализа, в которой выделим три блока: I. «Поэтические включения в романе»; II. «Сатира на общество»; III. «Роль интертекстуальных связей при характеристике персонажей». Приведем примеры.

I. А) Когда Остап окончательно уходит от мадам Грицацуевой, он напевает фразу из одного романа, положенного на элегию известного поэта: *«На заре ты ее не буди, на заре она сладко так спит...»*. Что это за поэт? Какую функцию выполняет данная цитата?

Ответ. *«На заре ты ее не буди...»* – элегия А.А. Фета, ставшая впоследствии очень популярным романсом в конце 1900-х. Как правило, романс характеризуется «жалостным», сентиментальным настроением. И. Ильф и Е. Петров, сохраняют традицию романа, используют цитаты из него с целью создания музыкальной полифонии, отражения духа эпохи.

Б) Остап, придя утром к Кисе Воробьянинову, говорит следующие слова: *«Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, что оно горячим светом по чему-то там затрепетало»*. Какому автору принадлежат эти строки? Почему они трансформированы в тексте романа?

Ответ: Это известный газетный штамп 1900-х гг. Несмотря на то, что текстом-источником выступает произведение А.А. Фета, интертекст реализует в данном случае пародийную функцию. В романе использован трансформированный текст: *«почему-то там затрепетало»*.

II. А) Читаем отрывок из произведения: *«[Остап] ...увидел пятерых граждан, которые прямо руками выкапывали из бочки кислую капусту и обжирались ею. Ели они в молчании... Паша Эмильевич... снимал с усов капустные водоросли»*. Аллюзия на какое стихотворение здесь содержится? Что объединяет эти произведения, напечатанные в одну эпоху российской истории?

Ответ: Авторы используют аллюзию на стихотворение В.В. Маяковского «Нате»: *«...Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста / где-то недокушанных, недоеденных щей...»*. В данных текстах авторы пишут о еде как смысле существования мещанина, мелкого обывателя. И. Ильф и Е. Петров, как и Маяковский – поэт, известный своими сатирическими стихами, передали негативное отношение к мещанскому образу жизни обитателей Старсобеса.

Б) Прочтите стихотворение В.В. Маяковского «Канцелярские привычки»: *«Везде – / у скал, / на массивном грузе / Кавказа .../езде / отрывки стихов и прозы, / фамилии / и адреса. / “Здесь были Соня и Ваня Хайлов. / Семейство ело и отдыхало”»*. С каким эпизодом связано данное стихотворение? Какую особенность общества хотели отразить И. Ильф и Е. Петров в данном контексте?

Ответ: Стихотворение В.В. Маяковского отражает эпизод, связанный с путешествием героев на Кавказ, в котором Бендер и Воробьянинов видят надписи на горах, кроме того, сами пишут на скале: *«Киса и Ося были здесь»*. Авторы этих произведений выражают сатирическое отношение к курортникам и туристам, которые оставляли надписи на горах

Кавказа. Маяковский называет это последствием «канцелярских привычек» в культуре.

III. А) В одном из эпизодов с кражей стула приводятся следующие слова: «*В общей свалке Ипполит Матвеевич пробрался к стульям и, будучи вне себя, поволок было один стул в сторонку*». С каким детским стихотворением ассоциируется данный отрывок? О чем это может говорить?

Ответ: Ассоциация с детским стихотворением «Муха-Цокотуха» («Мухина свадьба», 1924) К. Чуковского: «*Вдруг какой-то старичок / Паучок / Нашу муху в уголок / Поволок...*». В романе «Двенадцать стульев» авторы с помощью интертекста сравнивают Воробьянинова с пауком – мелким хищником природного мира, жертвой которого выступил стул.

Б) Остап, придя к Коробейникову, архивариусу Старгорода, говорит ему: «*...вам памятник нужно воздвигнуть нерукотворный*». С какой целью Великий Комбинатор произносит эти слова?

Ответ: Остап иронизирует над архивариусом, который записывает и ведет учет всего инвентаря, который у него есть. Коробейников посредством интертекста сравнивается с Пушкиным, его заслуги перед Отчеством – с заслугами Пушкина, так как им обоим требуется «нерукотворный памятник».

Предлагаемый интертекстуальный анализ позволит учащимся, работая в группе, рассмотреть элементы «чужих» текстов (аллюзий, реминисценций, цитат) в романе с точки зрения их функционирования, осознать текст как феномен культурного пространства. Интертексты, содержащиеся в произведении, использованы авторами «Двенадцати стульев» для передачи колорита эпохи НЭПа. Для характеристики персонажей в роман включены отсылки к лирическим стихотворениям А.А. Фета, к сатире В.В. Маяковского, к произведениям А.С. Пушкина и К.И. Чуковского. Интертекстуальный анализ будет способствовать восприятию и интерпретации обучающимися языковых явлений как фактов культуры и формированию их лингвокультурологической компетенции.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. – Москва: Просвещение, 2010. – 41 с.
2. Носова, Е.С. Место лингвокультурологической компетенции в системе обучения родному языку / Е.С. Носова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 80. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-lingvokulturologicheskoy-kompetentsii-v-sisteme-obucheniya-rodnomu-yazyku> (дата обращения: 19.04.2019).
3. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьев. – Москва: РУДН, 2006. – 336 с.
4. Лёвушкина, О.Н. О культурологических, культуроведческих и лингвокультурологических понятиях в методике обучения русскому языку / О.Н. Лёвушкина // Преподаватель XXI век. – 2012. – № 3. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/>

- article/n/o-kulturologicheskikh-kulturovedcheskikh-i-lingvokulturologicheskikh-ponyatiah-v-metodike-obucheniya-russkomu-yazyku (дата обращения: 16.04.2019).
5. Мурзин, Л.Н. Язык, текст и культура / Л.Н. Мурзин // ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – КУЛЬТУРА: коллективная монография; под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 160–169.
 6. Саяхова, Л.Г. Методика преподавания русского языка: Лингвокультурология. Лексикография: сб. статей / Л.Г. Саяхова. – Уфа: Рио БашГУ, 2006. – 336 с.
 7. Смирнов, И.П. Порождение интертекста: элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака / И.П. Смирнов. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1995. – 193 с.
 8. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 384 с.
 9. Щеглов, Ю.К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя / Ю.К. Щеглов. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. – 656 с.
 10. Чудакова, М.О. Поэтика Михаила Зощенко / М.О. Чудакова. – Москва: Наука, 1979. – 200 с.

УДК 81.38/42
ГРНТИ 16.21.55

**СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
ИНФОРМАНТАМИ В СКАЗКЕ Л. КЭРРОЛЛА
«АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС» ПО ДАННЫМ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА**

**THE SPECIFICITY OF PERCEPTION
OF OCCASIONAL VOCABULARY INFORMANTS
IN THE STORY L. CARROLL'S "ALICE IN WONDERLAND"
ACCORDING TO THE LINGUISTIC EXPERIMENT**

В.К. Ворожейкина

Научный руководитель: А.С. Савенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: окказионализмы, «Алиса в Стране Чудес», восприятие, эксперимент.

Key words: occasionalisms, "Alice in Wonderland", perception, experiment.

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей восприятия носителями русского языка окказиональных слов, отобранных приемом сплошной выборки из сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес».

О статусе окказионализма, проблемах индивидуального словообразования, экспрессивно-стилистических и эстетических качествах окказионализмов написано много работ (см. статьи, монографии и учебные пособия А.Г. Лыкова, Э. Ханпиры, О.И. Александровой, В.В. Лопатина, В.Н. Хохлачевой, О.А. Габинской, М.А. Бакиной и др.), что дает основание говорить о существовании в наши дни особой «теории окказиональности»,

имеющей проблемные вопросы. Наиболее важными для изучения свойств окказионализмов, функционирующих в художественной речи, представляются исследования А.Г. Лыкова, Н.Г. Бабенко и О.И. Александровой.

Н.Г. Бабенко считает, что окказионализм как факт речи «задан системой языка, проявляет и развивает семантические, словообразовательные и грамматические возможности этой системы, прорицает тенденции ее развития. Окказионализмы могут быть созданы по нормативным словообразовательным моделям и с нарушением в той или иной степени деривационной нормы» [1, с. 4].

Е.Г. Малышева определяет окказиональное слово как «неизвестное языку слово, создаваемое в речи, в тексте либо по непродуктивным словообразовательным моделям, либо путём сознательного нарушения модели» [2, с. 80].

О.С. Ахманова окказиональным считает всё «не узуальное, не соответствующее общепринятому употреблению, характеризующееся индивидуальным вкусом, обусловленное специфическим контекстом употребления» [3, с. 284].

Таким образом, окказионализмы предстают как производные образования творческого процесса, связанного с поиском необходимого изобразительного слова, которое способно максимально точно и образно выразить смысл в пределах поэтического контекста.

Нами был проведен направленный лингвистический эксперимент, нацеленный на выявление особенностей восприятия русскоязычными читателями окказиональной лексики в сказке «Алиса в Стране чудес».

Для достижения поставленной цели были составлены разные типы заданий, каждое из которых имеет свою специфику. Первый тип заданий связан с определением понимания или непонимания респондентами лексического значения слов-окказионализмов в контексте или без него. Второй тип вопросов направлен на поиск информантами индивидуально-авторских слов в приведенном контексте (в некоторых случаях с просьбой объяснить семантику найденного слова). Цель таких заданий – в выявлении разницы между пониманием респондентами слов в контексте и вне его. Третий тип заданий связан с нахождением и заменой окказионального слова в контексте на узуальное с целью выявить, отождествляют ли информанты окказиональные единицы с узуальными. Цель задания четвертого типа заключается в определении информантами слов, которые стали производными для образования окказионализмов.

Такое количество вариантов вопросов было создано для включения в анкетирование как можно большего числа авторских слов, а также с целью выяснить, как читатели интерпретируют окказиональную лексику в контексте сказки и вне его, распознают ли в целом «необычные» слова в ряде других.

В анкетировании приняли участие 24 человека разного пола (преимущественно женщины (20)), в возрасте от 15 до 24 лет, разного рода занятий и степени образованности (преимущественно это студенты-филологи (15), а также студенты технических специальностей (4), информанты со средним (2), медицинским (1) или специальным (1) образованием). По завершении эксперимента было установлено, что 75% опрошенных знакомы со сказкой Л. Кэрролла, 16,7% смотрели одноимённый фильм, 8,3% слышали о произведении.

1. Для первого задания, связанного с описанием лексического значения окказиональных слов в контексте, нами был выбран следующий пример: – *В некотором царстве, в некотором государстве, – скороговоркой начала Соня, – жили-были три сестрички, три бедных сиротки, звали их Элей, Лэси и Тилли, и жили они в колоде на самом дне. – А что же они там ели и пили? – спросила Алиса, которую всегда весьма интересовали вопросы питания. Соня долго думала – наверное, целую минуту, – а потом сказала: – Сироп. – Что вы! Этого не может быть, – робко запротестовала Алиса, – они бы заболели! – Так и было, – сказала Соня, – заболели, да еще как! Жилось им несладко! Их все так и звали: Бедные Сиропки!*

Большинство информантов дали такой ответ: «бедные сиропки – девочки, которые пили много сиропа». Только 7 человек определили значение окказионализма верно – «дети-сироты, питающиеся лишь сиропом».

При анализе контекста « – Ну как же! Я его не слушал, и то он мне все уши прожужжал! – со вздохом сказал Деликатес. – Древний Грим, Древняя Грация, эта – Или Ада, Или Рая, или как ее там звали... Смех – и Грехческий язык, Нимфология и так далее... Все – от Арфы до Омеги!» 58,3% указали, что речь идёт о названиях древних государств, что является ошибочным. Только 16,7% дали верный ответ (название дисциплин), 12,5% указали на названия книг и столько же – на названия наук.

Далее информантам была предложена пословица «*Не смеши языком, смеши делом*», придуманная Л. Кэрроллом, с целью интерпретировать её значение. При выполнении данного задания мнения респондентов разошлись. Наиболее популярным оказался ответ «меньше слов, больше дела». Всего два человека правильно объяснили «пословицу»: «надо делать смешные дела, а не рассказывать смешные вещи» и «не надо смешить словами, а делом». Кроме того, были представлены и единичные ответы, такие как «серьезное отношение к чему-либо», «деятельность важнее для юмора и жизни, чем пустые разговоры», «не словами красуйся, а подвигом ратным» и др.

В объяснении семантики окказиональных слов без контекста были получены следующие результаты. Интерпретируя высказывание *оказаться в плачевном положении*, большинство из респондентов дали

ответ «оказаться в безвыходной/плохой/ужасной/трудной ситуации». Меньшее число информантов определили высказывание как «ситуацию, от которой хочется плакать». Были отмечены и единичные ответы: «сделать что-то не очень хорошее», «попасть в беду». Все предложенные ответы не соответствуют смыслу выражения в контексте («нахождение в месте, полном слез»).

При определении значения окказионализма *лживопись* информанты предлагали следующее толкование: «ложная живопись, неправдоподобная, не отражает реальность», «искусство, передающее недостоверную информацию» и подобные, связанные с неверным изображением действительности или неистинным искусством. Интересными и достаточно распространенными (7) являются такие интерпретации: «письмо/письменное сообщение, в котором содержится ложь», «ложное письмо (какой-либо текст)», «писать ложь, публиковать лживопись» и подобные. Единичными оказались следующие ответы: «речи депутатов РФ», «карикатура, когда люди высмеивают окружающую действительность».

Трудность вызвало определение значения слова *антипятки* («люди, живущие на противоположной стороне Земли»), которое было приведено в анкете без контекста: большинству не удалось определить верное значение этого слова. Только один респондент назвал *антипятками* «людей, живущих на другом конце света». Другие же ответы оказались самыми разнообразными: «маскирование следов от пяток», «часть стопы, противоположная пяткам», «те, кто не пользуются пятками», «люди, которые ходят на головах, вверх ногами», «запрет на что-то», «плохая обувь», «уничтожители пяток» и др.

Можно сделать вывод, что многие авторские новообразования вне контекста понять сложно, а порой и невозможно; в контексте же внимательный читатель поймет суть выражения, но также могут возникать трудности в трактовке семантики окказионализмов в силу затемнённой внутренней формы или, как нам представляется, в силу неудачного перевода подобного рода лексики.

2. Следующий тип задания состоял в нахождении в отрывке текста индивидуально-авторских слов. В первом контексте «– *Нет, почему, – осторожно начала Алиса, – иногда, особенно на уроках музыки, я думала – хорошо бы получше провести время... – Все понятно! – с торжеством сказал Шляпа. – Провести время?! Ишь чего захотела! Время не проведешь! Да и не любит он этого! Ты бы лучше постаралась с ним подружиться...*» словосочетание *провести время* 100% анкетированных выбрали верно. В контексте «*Присяжные сидели на большой скамье, стоявшей на возвышении («Это скамья присяжных. В скамейке то все и дело, кто на нее присел, тот и присяжный», – подумала Алиса)*» слово *присяжные*, использованное автором не в прямом значении (обыгрывается внутренняя форма слова и его этимология), также было отмечено

всеми. В контексте *«Кто-то бултыхнулся в пруд неподалеку от нее и зашлепал по воде так громко, что сперва она было подумала, что это морж, а то и бегемот, и даже чуточку испугалась, но потом вспомнила, какая она сейчас маленькая, успокоилась <...>, подплыла поближе и увидела, что это всего-навсего мышка, которая, очевидно, тоже нечаянно попала в этот плачевный пруд и тоже пыталась выбраться на твердую почву»* словосочетание *плачевный пруд* не смогли выделить 6 человек. При анализе словосочетания *терять голову*, употребленного в таком контексте *«– Причина в том, – сказал Грифон, – что они уж больно любят танцевать с Морскими Раками. Ну, Раки и увлекают их в море. Ну, они и увлекаются. Ну, раз увлекаются, значит, теряют голову. Ну, а потом не могут ее найти! Вот тебе и все»*, только четверо опрошенных дали верный ответ. Популярным, но неверным оказался ответ *«увлекают/увлекаются чем-либо»*.

В целом можно заключить, что большинство респондентов правильно определили значение авторских новообразований.

Задание, связанное с нахождением и заменой окказионального слова на узуальное, направлено на определение способности соотнесения респондентами авторских слов со словами общепринятыми. Анализируя контекст *«– Ой, все чудесится и чудесится! – закричала Алиса. (Она была в таком изумлении, что ей уже не хватало обыкновенных слов, и она начала придумывать свои)»*, в котором нужно было заменить слово *чудесится* ('о происходящих чудесах и странностях'), 9 анкетированных привели синонимы *«чудится»*, *«происходить чудесам/волшебству»*, двое связали его со словами *«кажется, мерещится»*. Единичными ответами были такие: *«вертится, кружится»*, *«ой, все интереснее и интереснее»*, *«все прекраснее и прекраснее»*, *«удивляет»*, *«она была в шоке»*, один из респондентов затруднился дать ответ. При анализе словосочетания *самый сухой предмет* ('скучная история') в контексте: *«– Экхем! – торжественно прокашлялась Мышь. – Ну, я надеюсь, все готовы? Так вот, воспользуемся самым сухим предметом, какой мне известен, кхегем! Прошу полной тишины в аудитории! И она начала: "Вильгельм Завоеватель, чью руку держал римский первосвященник, вскоре привел к полному повиновению англосаксов, каковые не имели достойных вождей..."»* большинству респондентов не удалось подобрать синоним, только один информант ответил верно: *«сухой предмет – это история»*; другие назвали *самым сухим предметом* *«лекцию»*, *«зонт»*, *«книгу»*.

Результаты этого задания показали, что испытуемым зачастую сложно подобрать к окказионализмам узуальные слова-синонимы или словосочетания, однако на уровне интуиции они имеют представление, о чем идет речь.

3. Последний тип задания, имеющий цель установить производящее слово к окказионализму *пропадаватели* ('те же преподаватели, только

часто пропадающие' в контексте «– А с нашими учителями иначе не получалось, – сказал Грифон. – Текущий состав: каждый день кто-нибудь пропал. Поэтому их и называют пропадаватели, кстати»), вызвал затруднения среди информантов. Пятеро указали на слово «пропадать», столько же респондентов определили два производящих слова – «преподаватель и пропадать/пропасть», ответив верно, другие ответы были такими: «проповедь», «преподавать», «пропащий», «пропащий преподаватель» и др.

В целом около половины опрошенных верно (или частично верно) определяют производящее слово для окказионализма.

Таким образом, можно заключить, что окказиональное слово ввиду своей необычности по-особенному воздействует на читателя, а контекст является одним из важнейших факторов понимания индивидуально-авторского новообразования. Под влиянием строения слова, его окружения, фонетической структуры и других факторов обычно происходит выстраивание от слова ассоциативных цепочек в сознании читателя, которые позволяют ему осмыслить значение необычной единицы.

Литература

1. Бабенко, Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учеб. пособие / Н.Г. Бабенко. – Калининград, 1997. – 84 с.
2. Малышева, Е.Г. Современный русский язык: морфемика, словообразование, морфология: учебно-методический комплекс / Е.Г. Малышева. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. – 306 с.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва, 1966. – 75 с.
4. Кэрролл, Льюис. Алиса в Стране чудес: Перевод Заходера Б. – [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.ru/CARROLL/alisa_zah.txt (дата обращения: 25.11.18).

УДК 373.1.02:372.8

ГРНТИ 14.25.09

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА О ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

ANALYSIS OF MATERIAL ABOUT EXPRESSIVE MEANS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN SCHOOL TEXTBOOKS

Ю.С. Гуляева

Научный руководитель: Н.С. Болотнова, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: выразительные средства языка, тропы, школьные учебники.

Key words: tropes, school books.

Аннотация. Статья посвящена обоснованию значимости средств художественной выразительности в речи школьников. Даются разные определения понятию «троп». Представлена классификация тропов и их отражение в школьных учебниках.

Высокий уровень речевой культуры человека – это одна из важнейших черт культурного человека. По словам советского лингвиста, автора «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, высокая культура речи – это умение правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка. Но высокая культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти точное средство для выражения своей мысли и средство наиболее доходчивое (т.е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т.е. самое подходящее для данного случая и, следовательно, стилистически оправданное).

Развивать и обогащать речь школьников – это задача каждого педагога. Для этого нужно наблюдать за речью обучающихся, чтобы они не допускали ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в построении предложений. Нужно постоянно пополнять их словарный запас, учить чувствовать собеседника, уметь отбирать наиболее подходящие для каждого случая слова и конструкции. Изучение лексики в образовательно-познавательном аспекте обеспечивает системный подход в усвоении лексических понятий, позволяет знакомить учащихся со словом как единицей лексической системы, с выразительностью речи. Под выразительностью речи понимаются такие особенности ее структуры, которые привлекают и поддерживают внимание, интерес слушателей или читателей. Кроме того, существуют изобразительные свойства языка, делающие высказывание ярким, образным, эмоциональным. К таким выразительным средствам относят: фразеологизмы, метафоры, гиперболу, литоту, эпитеты, олицетворение, метонимию, синекдоху и др.

Средствами художественной выразительности языка называют все виды образного употребления слов, словосочетаний, объединяя все виды переносных наименований общим термином «тропы».

В «Большом советском энциклопедическом словаре» тропы определяются как поворот, оборот речи путем перевода с греч. слова «tropos» [1, с. 489].

Троп в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова трактуется как слово или оборот речи, употреблённые в переносном значении [2, с. 502]. Такое же определение дает и лингвист Д.Н. Ушаков в «Толковом словаре русского языка» [3, с. 1020]. М.Л. Гаспаров, российский литературовед, рассматривает тропы в целом как разновидность фигур – «фигуры переосмысления» [4, с. 466]. В.П. Григорьев определяет тропы как преобразования единиц языка, заключающиеся в переносе традиционного наименования в иную предметную область. Б.В. Томашевский называет тропы приемами изменения основного значения слова [5, с. 52].

В связи с неоднозначной трактовкой категории выразительности по-разному определяется и понятие «выразительные средства языка».

В работах некоторых исследователей выразительные средства языка отождествляются со стилистическими фигурами [6, с. 58] и – шире – со стилистическими приемами [6, с. 59]. По мнению М.Р. Савовой, «средствами выразительности могут являться все средства языка и речи (если они соответствуют коммуникативным целям автора речи)» [6, с. 63]. Подобную точку зрения мы обнаруживаем в работах А.В. Федорова: «В системе стиля всякое средство выражения, всякий элемент языка, приобретающий стилистическую функцию, является выразительным средством, независимо от того, создает ли он в сочетании с другими элементами впечатление привычности данного отрезка речи, или, напротив, заставляет его выделяться в целом по контрасту с нейтральными формами речи, или же, наконец, создает контраст внутри него, вступая в столкновение с окружающими словами или грамматическими конструкциями» [6, с. 71].

Г.А. Копнина и А.П. Сквородников считают, что с точки зрения системного подхода к стилистическим терминам, выразительные средства языка являются такими языковыми средствами, которые способствуют точности, ясности, экспрессивности (эмоциональности, оценочности, интенсивности и образности) и обеспечивают полноценное (максимально приближенное к пониманию заложенной в тексте информации) восприятие речи адресатом [6, с. 72]. Выбор и использование выразительных средств языка зависит от ситуации общения, избранного жанра и стиля речи, а также от авторской индивидуальности.

Традиционно выделяются следующие типы выразительных средств:

- фонетические; к ним относятся звуковые повторы, ударение, интонация, звукопись, звукоподражание, звуковой символизм;
- лексические: полисеманты, омонимы, синонимы, антонимы, паронимы, стилистически окрашенная лексика, фразеологизмы, лексика ограниченного употребления (диалектизмы, просторечные слова, жаргонизмы, профессионализмы, архаизмы, историзмы, неологизмы, иноязычные слова);
- словообразовательные: экспрессивные аффиксы, окказиональное словообразование, словообразовательные архаизмы;
- грамматические: синонимия частей речи, синонимия синтаксических конструкций, в том числе контекстуальная, стилистические фигуры [7, с. 38–39].

В лингвистических исследованиях категории «выразительности – изобразительности» представлены как связанные, но не совпадающие. По замечанию Б.Н. Головина, выразительность связана с отношением «производитель речи – адресат речи», а изобразительность – с отношением «речь – объект речи» [6, с. 182].

Конечно же, не все представленные выше тропы очень подробно изучаются в школе. Рассмотрим, как представлен учебный материал на при-

мере двух учебных комплексов: учебника под редакцией М.М. Разумовской и учебника Л.М. Рыбченковой.

В учебнике «Русский язык. 5 класс» под редакцией М.М. Разумовской за 2016 год обучающиеся продолжают знакомство с метафорами, эпитетами и олицетворениями, которое начали на уроках литературы. В учебнике приводятся примеры этих тропов, само понятие «тропы» не дается. О них говорится лишь то, что они создаются на основе переносного значения слов. В этом же разделе есть определение фразеологизма как устойчивого сочетания слов. Приведены примеры и несколько упражнений на определение смысла фразеологизма и отгадывание фразеологизмов по шутливым картинкам, представленным в учебнике.

В учебнике же Л.М. Рыбченковой на тему: «Фразеологизмы» выделен целый параграф в программе 6 класса. Кроме того, в этом учебнике представлено деление фразеологизмов на межстилевые и стилистически окрашенные, которые, в свою очередь, делятся на книжные, разговорные и просторечные. Далее очень подробно расписан каждый вид и сфера употребления разных видов фразеологизмов. По программе Л.М. Рыбченковой представлено также деление фразеологизмов русского языка на исконно русские и заимствованные. В рубрике «Это интересно» рассказывается о происхождении некоторых фразеологизмов, а также представлена таблица отличий свободных словосочетаний от фразеологических оборотов, дано понятие идиомы. Ничего подобного в учебнике М.М. Разумовской мы не наблюдаем. Таким образом, можем сделать вывод, что учебник Л.М. Рыбченковой более информативный для обучающихся. Большее количество примеров и упражнений на отработку данной темы дает, на наш взгляд, более основательный и хороший материал для изучения средств художественной выразительности.

В учебнике «Русский язык» за 6 класс под редакцией М.М. Разумовской 2014 года в разделе «Морфология. Речь» даны определения сравнения как художественного приема, который основан на употреблении одного предмета, явления другому, и метафоры как образного использования переносного значения слова на основе сходства в чем-либо двух предметов. Представлены следующие задания: найти в тексте сравнительные обороты; придумать и записать предложения, употребив данные сравнительные обороты; списать предложения и доказать, что в них есть метафоры и сравнения; выписать из художественной литературы метафоры, олицетворения, эпитеты; определить, какие существительные из перечисленных являются синонимами. Кроме этого, есть задания по теме «Фразеологизмы»: придумать и записать предложения с данным фразеологическим оборотом и объяснить значения данных фразеологизмов.

В программе Л.М. Рыбченковой за 6 класс для обучающихся предложен целый параграф, посвященный лексическим выразительным средствам языка. Дается определение тропам и основным видам тропов:

метафоре, олицетворению, эпитету и деление их на народно-поэтические и постоянные. Отдельный параграф посвящен теме «Метафора», в котором представлено определение самого понятия как «слова или выражения, которое употребляется в переносном значении на основе сходства двух предметов или явлений по какому-либо признаку» [8, с. 54]. Предложены следующие упражнения по этой теме: распределить данные метафоры по группам в зависимости от того, какой признак положен в основу переносного значения слова (по форме, цвету, положению, функциям и пр.). Кроме того, в отличие от учебника М.М. Разумовской, здесь рассматриваются виды метафор (общеязыковые и художественные или индивидуально-авторские). Предлагаются следующие упражнения: определить, какие из значений представляют собой общеязыковые метафоры, указать признак, на основе которого возникло метафорическое значение; какое из слов можно заменить общеязыковой метафорой; найти в приведенных примерах слова в переносном значении и ответить на вопрос: являются ли они метафорами или нет и почему.

В учебнике «Русский язык» за 7 класс М.М. Разумовской за 2014 год в разделе «Типы речи» упоминается об олицетворении как средстве художественной выразительности. Даны задания такого типа: из текстов, предложенных автором, выпишите предложения, в которых использован прием олицетворения.

В учебнике Л.М. Рыбченковой за 8 класс в разделе «Предложение» даются такие понятия, как парцелляция и афоризм. В учебнике за 9 класс отдельный параграф посвящен языку художественной литературы. В нем представлено понятие тропа как «лексически выразительного средства языка, которое употребляется в переносном значении с целью достижения особой выразительности и образности речи» [11, 15], дается определение сравнения и метафоры и несколько упражнений, связанных с определением и нахождением тропов в тексте. Даны задания по теме «Фразеологизмы» и «Сравнительный оборот».

В учебнике 9 класса по русскому языку под редакцией М.М. Разумовской за 2009 год в разделе «Повторение» предлагаются следующие задания: найти изобразительные средства в тексте и оценить изобразительную силу использованных в нем языковых средств. Подобных заданий сравнительно мало для серьезной подготовки обучающихся к экзамену ОГЭ.

Стоит отметить, что в учебниках Л.М. Рыбченковой средства художественной выразительности рассматриваются очень подробно, а выделение целого параграфа для изучения одного конкретного тропа дает нам основание полагать, что такие знания усваиваются и запоминаются обучающимися гораздо легче. А упражнения на отработку тропа помогают эффективнее выработать навык нахождения его в тексте. В учебнике же М.М. Разумовской все тропы даются лишь в контексте какой-либо темы, тем самым указывая школьникам на их второстепенную роль в языке.

Таким образом, анализ действующих программ и учебников по русскому языку для старших классов показал, что все они разработаны в рамках текстоориентированного подхода, а материал, касающийся языковых средств выражения экспрессии, сгруппирован в них в отдельные параграфы («Тропы как выразительные средства языка», «Фигуры речи как выразительные средства языка»; «Лексика русского языка», «Стили речи. Художественный стиль»), в каждом из которых, помимо информации теоретического характера, представлен комплекс упражнений и заданий практической направленности. Однако если в учебнике М.М. Разумовской такие задания менее разнообразны, но нередко содержат при этом, помимо аналитики, еще и элементы эвристики, творческой работы, то упражнения, представленные в учебнике Л.М. Рыбченковой, более разнотипны, хотя и ориентированы в большей мере на репродуктивную деятельность учеников по образцовым текстам. Сказанное свидетельствует, что на уроках по изучению средств языковой выразительности материалы данных учебных пособий необходимо дополнять и другими, более необычными и разнонаправленными заданиями.

К.Д. Ушинский писал: «Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка» [5, с. 70]. Современная система образования ставит перед педагогами задачу подготовки учащихся, умеющих в совершенстве владеть языком, использовать его как главное коммуникативное средство. В связи с внедрением в образовательный процесс компьютерных технологий, активно воздействующих на ребенка, мы часто сталкиваемся с тем, что дети не владеют навыками грамотной устной и письменной речи, что в свою очередь сказывается на качестве их обучения.

Речь как живой организм не приемлет вторжения инородных явлений, следовательно, нельзя заменить «живой язык» компьютером или другими техническими средствами. Прочувствовать речь и язык ребенок может через чтение литературы, через восприятие художественных образов, тем самым приобщаясь к сокровищнице языкового народного творчества. Работа над изобразительными средствами языка воспитывает внимание к слову, чуткость, понимание оттенков его значения, скрытого, иносказательного смысла, эмоциональных окрасок. Школьник приобщается, таким образом, к стилистике художественной речи, сам овладевает простейшими изобразительно-выразительными средствами. Изучение средств художественной выразительности необходимо, так как способствует развитию высокой культуры разговорной и письменной речи, развивает чувство русского языка, формирует умение пользоваться его выразительными средствами, стилистическим разнообразием, что, по словам В.В. Виноградова, является «самой лучшей рекомендацией

для каждого человека в общественной и творческой деятельности» [4, с. 338].

Литература

1. Большой советский энциклопедический словарь; гл. ред. Прохоров А. Москва. – Санкт-Петербург: Советская литература, 1987. – 489 с.
2. Большой толковый словарь русского языка; гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 603 с.
3. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д.Н. Ушаков. – Москва: Альфа-Принт, 2008. – 1239 с.
4. Гаспаров, М.Л. Фигуры стилистические / М.Л. Гаспаров. – Москва, 1995. – 466 с.
5. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – Москва, 1996. – 333 с.
6. Головин, Б.Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. – Москва, 1980. – 234 с.
7. Григорьев, В.П. Поэтика слова / В.П. Головин. – Москва: Наука, 1979. – 508 с.
8. Рыбченкова, Л.М. Русский язык 6 класс / Л.М. Рыбченкова. – Москва: Просвещение, 2016. – 328 с.
9. Разумовская, М.М. Русский язык 5 класс / М.М. Разумовская. – Москва: Дрофа, 2012. – 317 с.
10. Разумовская, М.М. Русский язык 6 класс / М.М. Разумовская. – Москва: Дрофа, 2013. – 335 с.
11. Разумовская, М.М. Русский язык 7 класс / М.М. Разумовская. – Москва: Дрофа, 2014. – 287 с.
12. Разумовская, М.М. Русский язык 9 класс / М.М. Разумовская. – Москва: Дрофа, 2009. – 270 с.
13. Тamarченко, Н.Д. Теория литературы / Н.Д. Тamarченко. – Москва, 2004. – 513 с.
14. Рыбченкова, Л.М. Русский язык 8 класс / Л.М. Рыбченкова. – Москва: Просвещение, 2016. – 321 с.
15. Рыбченкова, Л.М. Русский язык 9 класс / Л.М. Рыбченкова. – Москва: Просвещение, 2018. – 316 с.

УДК 81
ГРНТИ 16.21.51

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ *БЕЛЫЙ И ЧЕРНЫЙ* В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

М.А. Кубрина

Научный руководитель: А.С. Савенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, цветовая картина мира, цветонаименования, фразеологизмы, пословицы и поговорки.

Key words: lingvoculturology, language world picture, colour world picture, lexical units with colour semantics, phraseological units, proverbs and sayings.

Аннотация. В статье описываются фразеологизмы, пословицы и поговорки русского языка с компонентами *белый* и *черный* в лингвокультурологическом аспекте.

Устанавливается национально-культурная специфика паремий с колоративом *черный*, которая связана не только с передачей негативной оценочной коннотации, но и с выражением нейтральной качественной характеристики предмета или явления, что объясняется преобладанием идеи бытийности в фольклорном тексте.

Национально-культурный компонент, который входит в значение единиц разного уровня языковой системы, содержит в себе культурно-исторические сведения о жизни того или иного народа, информацию о его обычаях и верованиях, а также множество фактов истории и современности. Язык, прежде всего, является зеркалом национальной культуры, ее хранителем. Согласно концепции В. Гумбольдта, национальный характер культуры отражается в языке посредством особого видения мира [1].

Актуальность нашего исследования связана, во-первых, с включенностью в контекст современных работ антропоцентрической направленности, в частности в рамки лингвокультурологии, во-вторых, с рассмотрением колоративной лексики как фрагмента языковой картины мира, что позволяет установить своеобразие национального взгляда на мир, отраженного в языке фразеологии, а также в фольклорной картине мира.

Представления социума о мире, отражение универсального общечеловеческого жизненного опыта субъективно интерпретируется в пословицах и фразеологизмах. Так, например, признаки колоратива *белый* могут определяться через языковые средства, имеющие сходную ментальную направленность (например, *свет, чистота, святость, добро, счастье*). В качестве причин, повлиявших на использование колоратива *белый* для обозначения наиболее значимых понятий, М.Ш. Мусатаева и О.П. Ташдемир приводят этимологическую (белый цвет восходит к свету и солнцу) и ассоциативную (связь с наиболее значимыми и энергетически сильными объектами/явлениями природы: солнцем, молнией, светом, огнём и другими источниками света) [2, с. 671].

Черный цвет практически во всех культурах символизирует печальные события, негативные силы, смерть. Но, обращаясь к «Русскому ассоциативному словарю» под ред. Ю.Н. Караулова, а также с опорой на результаты эксперимента, можно сделать вывод, что черный цвет ассоциируется с такими словами, как *белый, кот, кофе, день, цвет, элегантность, строгость* и т.д. [3].

Фразеология представляет собой наиболее яркий, эмоционально-образный слой языка, в котором отражается народное мышление. В.Н. Телия определяет фразеологию как «самый культураносный компонент языка в действии» [4, с. 19].

Фразеологические единицы (ФЕ) обладают как положительной коннотацией, так и отрицательной. Например, во фразеологизме *дела как сажа бела* используется колоратив *бела*, который вне контекста определяется

С.И. Ожеговым как «светлый, в противоположность чему-н. более темному, именуемому черным» [5, с. 40], а его коннотация – как положительная, однако смысл ФЕ говорит об обратном: *дела как сажка бела* – о плохом положении дел, неудаче в делах. Ср. – *Как дела? Можно искренне сознаться: «Дела, как сажка бела». Можно сказать: «Плохо». Но что это изменит?* [6]. В составе фразеологизмов довести (доводить) до белого каления, *белая смерть* и др. слово *белый* также имеет отрицательное значение. Фразеологизмы *белые мухи* – ‘падающий снег’, *белая зарплата* – ‘официальная зарплата, с которой удерживается налог’, *белые ночи* – ‘ночи, в течение которых естественная освещённость так и не становится слишком низкой, т.е. вся ночь состоит лишь из сумерек’ обладают положительной коннотацией. Отличительной особенностью пословиц и поговорок является антонимичность колоротивных пар, которая влияет на смену коннотации с положительной на отрицательную и наоборот (*белая деньга про черный день; платье черненько, да совесть беленька; он из белого сделает черное*).

Фразеологизмы *черная зависть* (желание обладать чем-либо, имеющимся у другого, сопровождаемое злобой, досадой), *черные мысли* (плохие, недобрые мысли), *в (самом) черном виде* (характеризовать, представлять кого-либо или что-либо хуже, чем они есть на самом деле), *черный час* (время сильного потрясения кого-либо, беды, трагедий и т.п.), *черный день* (очень трудное в жизни кого-нибудь время), *черный год* (время, полоса неудач, бед) и т.п. отражают негативную окраску колоротива *черный*. Стоит отметить, что в фольклоре зачастую черный цвет определяет качественную характеристику явления в прямом его значении *черный волос – звонкий голос; черный ворон бел для своих воронят*.

В сознании носителей русского языка белый цвет прежде всего связан с качественной характеристикой предмета или явления, например, ФЕ *белая олимпиада* (олимпиада, проходящая зимой), *белое мясо* (куриное мясо или телятина) и пословицы *у бурлака, когда белая рубаха, тогда и праздник, черная (ряса, одежда) не спасет, белая не клянет* и др.

Слово *белый* во ФЕ *белая изба* и *белая баня* употребляется в значении чистоты, как и в пословицах «от бела света отстану, а старого любить не стану»; «бела береста, да деготь черен»; «белее снега белого»; «рубашка беленька, да душа черненька».

При анализе фразеологического и паремиологического материала с цветовой лексикой мы разделили все фразеологизмы, пословицы и поговорки на тематические группы. Наиболее частотной по данным количественного анализа является тематическая группа «человек», которая представлена подгруппами «социальная сфера», «интеллектуальная сфера», «физическая сфера», «эмоциональная сфера», включающими в свой состав ряд более мелких групп лексики, объединённых также по тематическому принципу.

Подгруппу «**социальная сфера**», которая включает в себя тематическую подгруппу «отношения», определяют такие ФЕ и паремии: *держать в черном теле* (плохо кормить и одевать, сурово обращаться с кем-либо), *устроить (устроить) (или сделать) темную* (избить кого-то так, чтобы он не знал, кто это делал), *не мил и белый свет, когда милого нет*; *Мила не бела, да я и сам не красен*; *в споре и белая ворона черна, и черная – бела*; *всякая ссора красна мировую*. Таким образом, можно заключить, что негативные отношения между людьми окрашены в **чёрный** цвет, который и вне состава ФЕ имеет отрицательную коннотацию.

Тематическая подгруппа «**интеллектуальная сфера**» включает в себя подгруппу «речь». К данной подгруппе относятся следующие ФЕ: *белые стихи* (нерифмованные стихи), *сказка про белого бычка* (бесконечное повторение одного и того же, рассказ о том же самом). *Белый* в данных ФЕ вносит дополнительное значение ироничности, шутливости. В фольклорной картине мира эта подгруппа представлена колоритивом **красный**: *красна речь пословицей*; *красна речь слушаньем, а беседа смиреньем*; *красна сказка складом, а песня – ладом*; *не красна книга письмом, красна умом*; *для красного словца не пощадит ни матери, ни отца*; *сказанное словцо – серебряное, не сказанное – золотое*.

Человек наделен рядом эмоций, как положительных, так и отрицательных, однако подгруппа «**эмоциональная сфера**» представлена ФЕ только с отрицательной коннотацией: *довести (доводить) до белого каления* (крайне раздражить (раздражать), вывести (выводить) из себя) и *дойти (доходить) до белого каления* (прийти в состояние крайнего раздражения, выйти из себя). Значение фразеологизма связано со временем, когда кузнецы в своих кузницах ковали сталь. При сильном нагревании металл начинает светиться. Причем с повышением температуры цвет этого свечения меняется: сначала он ярко-красный, затем начинает желтеть, и в конечном итоге сталь сияет ярко-белым цветом, т.е. становясь ярко-белым, металл доходит до «крайней точки». Такое качество может проецироваться на эмоциональное состояние человека, по отношению к которому используют данные фразеологизмы.

Фразеологизмы с колоритивом **черный** в тематической подгруппе «**эмоциональная сфера**» отражают эмоциональную характеристику человека и отношения между людьми. Они имеют негативную коннотацию: *черная меланхолия*; *черная кошка пробежала*. В то время как пословицы и поговорки с колоритивом **черный** отражают и социально-бытовую, и природную, и духовную, и материальную характеристики бытия.

Паремии, в отличие от ФЕ, наиболее полно представляют тематическую подгруппу «**физическая сфера**», в которой можно выделить подгруппу «труд/отношение к труду»: *ты ближе к делу, а он про козу белу, белые ручки чужие труды любят, работа черна, да денежка бела*.

В тематической подгруппе «**интеллектуальная сфера**» можно выделить фразеологизмы со значением неясности, неопределённости в каком-либо вопросе: *называть (назвать) белое черным* (толковать что-либо не так, как есть на самом деле, наоборот), *принимать (принять) белое за черное* (представлять себе что-либо противоположно действительности). При этом структура фразеологизмов строится с учётом антонимичности отношений семантики двух цветообозначений, при которых акцентируется сема 'правдивость, истинность, правильность' лексемы *белый* и сема 'ложь, неправильность' лексемы *чёрный*.

Паремии в данной подгруппе имеют оценочное значение: *личико беленько, да разуму маленько, личико беленько, да ума маленько, поле бело, семя черно, кто его сеет, тот разумеет* (о письме).

Важно отметить, что в отличие от фразеологизмов пословицы и поговорки построены по принципу противопоставления одного явления другому или сравнения того или другого предмета окружающей действительности. Например, в пословицах *не мил белый свет, когда милого нет; хорош грибок белый, а солдат – умелый; бел снег, да ногами топчут; черен мак, да люди едят; бел снег, да собаки сидят; черен мак, да бояре едят; бела береста, да деготь черен* соотносятся две тематические группы – **человек и природа**, в пословицах *красна птица перьем, а человек ученьем; красна пава перьем, а жена мужем* содержатся сравнения человека с миром природы, в частности, с миром фауны. Это связано, по нашему мнению, с тем, что для сравнения выбираются близкие и знакомые народу объекты окружающей действительности, для того чтобы в доступной форме объяснить ту или иную ситуацию, то или иное социальное явление с целью поучения и передачи собственного опыта и житейской мудрости.

Во внутренней форме фразеологизмов всегда содержатся смыслы, передающие культурно-национальный колорит. «Культурную информацию можно извлечь из внутренней формы фразеологизма, в которой наличествуют следы культуры (мифы, архетипы, стереотипы и др.), отражающие исторические события и элементы культуры. В отборе образов прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами» [4, с. 84].

Для того чтобы установить информативную значимость цветообозначений и определить роль колоративов в конструировании фрагмента цветовой картины мира человека, нами был проведен эксперимент с носителями русского языка с использованием модифицированной методики шкалирования Ч. Осгуда.

В ассоциативном эксперименте приняли участие 79 информантов, среди них 27 учащихся профильного гуманитарного класса в возрасте от 15 до 16 лет, 52 студента историко-филологического факультета 2, 3, 4 и 5 курсов.

Модифицированная методика шкалирования Ч. Осгуда предполагает учет «оценки (в баллах) реципиентом какого-либо явления (понятия, слова) с точки зрения степени выраженности в нём предложенного экспериментатором признака (1 балл – признак не проявляется; 2 балла – слабое проявление признака; 3 балла – среднее проявление признака; 4 балла – высокое проявление признака; 5 баллов – очень высокое проявление признака)» [7, с. 47].

После прочтения каждой пословицы или поговорки информанты должны были последовательно ответить на одни и те же вопросы и выполнить одни и те же задания, важные для последующего сопоставления:

1. Оцените по пятибалльной шкале выделенные цветообозначения по двум параметрам: 1) информативной значимости (способности конкретизировать объект описания); 2) эмоционального эффекта (способности воздействовать на эмоции читателя).

2. Выделите цветообозначения, которые по той или иной причине особенно привлекли ваше внимание. Почему? Ответ аргументируйте.

3. Какие ассоциации вызывают выделенные цветообозначения?

При оценивании информативной и воздействующей функций информантами было отмечено, что колоротивы *черный* (5 баллов – 51%) и *белый* (5 баллов – 41%) обладают наибольшей способностью конкретизировать объект описания. На наш взгляд, это обусловлено частотностью употребления цветов, использованием колоротивов в переносных значениях, а также их семантической многозначностью.

С точки зрения эмоционального эффекта наибольшей способностью воздействовать на эмоции читателя обладает колоротив *чёрный* (5 баллов – 57%). Черный, белый и красный цвета имеют первозданную основу в национальной культуре. Эти цвета еще у первобытных народов символизировали наиболее значимые явления природы и бытия. Опираясь на результаты эксперимента, можно сделать вывод о том, что на протяжении многих веков черный цвет воспринимается как доминирующий цвет в картине мира носителей русского языка.

Эмотивность колоротива *белый* составляет (5 баллов – 32%). Пословицы и поговорки отражают культурную специфику, которая раскрывается через колоративы. Эмоциональный отклик на белый цвет может быть спровоцирован климатическими условиями, следовательно, место проживания тоже влияет на целостность картины мира каждого народа, его языка.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что на регулятивные возможности колорем влияет контекст, в котором используются цветообозначения, окружающая информанта действительность, накопленный жизненный опыт, зафиксированный в символическом аспекте семантики колоративов.

По результатам эксперимента респонденты определяют *белый* как цвет, который «наполнен глубокими смыслами», «характеризующий предметы», «определяющий свойства», «информативно значимый», «вызывающий положительные эмоции», «являющийся знаком качества»; *белый* и *черный* цвета «имеют переносное значение», «актуализируют в сознании фольклорное представление о народе», «ассоциативные связи между ними отсылают к фразеологизмам».

На слова-стимулы *белый* и *чёрный* были получены реакции, которые отражены в таблице.

Цветовые обозначения, выделенные в пословицах и поговорках	Доминирующие ассоциации выраженные в %	
	Разные категории информантов	
	Ученики Гуманитарного лицея	Студенты филологического факультета
белый	«чистый, чистота» (33%); «мел» (16%), «торжественный, торжество» (13%); «красив, красиво, красивый» (13%).	«чистый, чистота» (39%); «красив, красиво, красивый» (17%); «снег» (11%).
чёрный	«грешна, грешная» (26%); «грязь, грязна» (22%); «тёмный» (15%), «зло, злая» (15%).	«грешна, грешная» (23%); «зло, злая» (20%); «тяжела, тяжелая» (18%); «тёмный» (15%).

Интересно сопоставить реакции информантов на слова-стимулы с данными, зафиксированными в Русском ассоциативном словаре под ред. Ю.Н. Караулова. По данным словаря, белый цвет традиционно ассоциируется со снегом, с чёрным цветом, являющимся его постоянным антонимом, светом и чистотой [3, с. 16]. У большинства информантов, как видно из таблицы, белый цвет соответствует узуальному представлению: ассоциируется с чистотой, праздником, спокойствием, снегом. Так как слова-стимулы были даны в контексте пословиц и поговорок, большинство ассоциаций респондентов напрямую связаны с семантическим значением колоротива. Так, реакции на слово-стимул *белый* были следующие: красив, красиво, красивый (*личико беленько «красивое», да разуму маленько*). Частотность реакции «мел» на колоротив *белый* среди школьников обусловлена влиянием окружающей их действительности.

Чёрный и белый цвет имеют обширный символический диапазон значений, о чем свидетельствуют результаты эксперимента. Как показал семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов и паремий, чёрный цвет в фольклорной картине мира является противоположностью белого цвета и символизирует смерть, скорбь, зло (*говорит бело, а делает черно; из черного не сделаешь белого; черное к белому не пристанет*). При этом большая часть пословиц и поговорок с колоротивами *белый* и *черный* отражают качественную характеристику предметов и явлений (*бел снег, да не вкусен; бела, как колтица, как лебедь*).

Данные эксперимента в ряде случаев подтвердили этот тезис. Так, среди обучающихся частотной на колоротив *чёрный* оказалась реакция «грязь, грязна», а на *белый* – «чистый, чистота», что доказывает антонимичность семантики данных цветов. Однако следует отметить, что в некоторых культурах цветом смерти и траура является белый.

Каждый язык уникален так же, как и уникальна языковая картина мира отдельного языкового коллектива. Колоротивы *белый* и *чёрный* отражают национально-культурную специфику языковой картины мира, в центре которой находится человек и его способы взаимоотношения с другими людьми, с окружающим миром, его отношение к явлениям и событиям социальной жизни. Частотность употребления цветообозначений *чёрный* и *белый* в составе ФЕ и паремий подтверждает первоначальную основу этих двух колоративов в цветовой картине мира русского народа. Вероятно, частотность употребления белого цвета в составе фразеологизмов и паремий для носителей русского языка связана с особенностями географического положения, климатических условий жизни нации. Колоратив *чёрный* в основном имеет негативный характер, но в рамках данного исследования мы пришли к выводу, что этот цвет в сознании носителей русского языка обладает и положительной коннотацией.

Литература

1. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 1985. – 452 с.
2. Мусатаева, М.Ш. Паремиологические репрезентанты концепта цвет в русской и украинской языковых картинах мира (на материале фрагмента белый) / М.Ш. Мусатаева, О.П. Ташдемир // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы Международной научной конференции. – Москва, 2014. – С. 669–679.
3. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. – Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – Москва: АСТ-Астрель, 2002. – Т. II. – 784 с.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва, 2010. – Т. II.
6. Токарева, В. На черта нам чужие / В. Токарева // Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 20.04.2019).
7. Белоусов, К.И. Введение в экспериментальную лингвистику: учеб. пособие / К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова. – Москва: Флинта, 2005. – 136 с.

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ *ВЗЛЕТЕТЬ НА ГЕЛИКОН,
ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ И АВГИЕВЫ КОНЮШНИ*
НА ОСНОВЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
И НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА**

**LEXICO-SEMANTIC AND LINGUOCULTURAL ANALYSIS
OF IDIOMS *FLY TO HELICON, AUGEAN STABLES AND WITH ALL
ONE'S MIGHT* ON THE BASIS OF LEXICOGRAPHIC SOURCES
AND THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Т.Н. Кукурина

Научный руководитель: А.С. Савенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: фразеологизмы, имена собственные, лексико-семантический анализ, лингвокультурологический анализ.

Key words: phraseological units, names, lexical-semantic analysis, linguistic and cultural analysis.

Аннотация. В статье описываются фразеологизмы с компонентами-онимами в лексико-семантическом и лингвокультурологическом аспектах. Устанавливается происхождение имен собственных в идиомах посредством обращения к словарям. Подчеркиваются особенности употребления устойчивых сочетаний в современном русском языке.

В лингвистике существуют устойчивые сочетания, которые являются единицей номинации и постоянно воспроизводятся в одном и том же компонентном составе. Такие единицы принято называть *фразеологизмами*. В данной работе мы остановимся на рассмотрении трёх идиом, включающих в свой состав онимы, т.е. «существительное субстантиват, называющее предмет, лицо или явление как единичное, индивидуальное, безотносительно к признакам, служащим для выделения класса предметов» [1].

Фразеологическая единица (далее ФЕ) *взлететь на Геликон* является топонимом-реалионимом. Чтобы проследить этимологию исследуемой ФЕ, обратимся к энциклопедическому словарю. В Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений приводится следующая информация: «из древнегреческой мифологии. Геликон – гора в Беотии (область в Греции), где постоянно пребывают музы, и течет источник Гиппокрена. И тот, кто хотя бы раз попробует его воду, становится поэтом» [2].

Таким образом, фразеологизм является иноязычным, заимствованным из древнегреческого языка. Хотелось бы отметить, что не всё толкование

идиомы имеет правдивый характер, поэтому, по нашему мнению, имя собственное *Геликон* во фразеологизме сочетает в себе свойства реалионима и мифонима одновременно.

Проведем анализ сочетаемости лексем и выясним, почему *взлететь* нужно именно *на Геликон*, а не на другие горы или участки Греции. В древнегреческой мифологии говорится о том, что именно на горе Геликон протекает источник муз – родник Гиппокрена, а также там установлен храм, в котором находятся статуи всех муз. Из приведенных данных следует, что ороним *Геликон* не может быть заменён на какой-либо другой оним.

Сопоставив значения фразеологизма в других словарях («Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» В. Серова [2], «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Фёдорова [3], «Сборник образных слов и иносказаний» М.И. Михельсона [7], «Большой словарь русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина [8]), мы сформулировали общую ('становиться поэтом') и уникальную ('увлечься стихотворством') семы фразеологического значения анализируемой ФЕ. Кроме того, в ходе лексико-семантического анализа было определено, что идиома относится к фразеологическим сращениям, так как является немотивированной и не имеет внутренней формы, как, например, у фразеологических единств *наломать дров* или *садиться на голову* [12, с. 65]. Сочетание *взлететь на Геликон* имеет лишь один синоним *взойти на Парнас* с подобным лексическим значением. Рассматриваемое фразеологическое сращение входит в пассивный словарный запас и в современной разговорной речи не используется (по данным Национального корпуса русского языка). Поэтому нам представляется возможным проследить функционирование идиомы лишь в поэтических текстах русских классиков: «Как знать, и мне, быть может, / Печать свою наложит / Небесный Аполлон; / Сияя горним светом, / Бестрепетным полетом / *Взлечу на Геликон*» [9].

Наряду с идиомами, которые содержат в своей структуре мифонимы, есть устойчивые сочетания, включающие реальные имена, отраженные в истории народа и отмеченные конкретными историческими событиями. Таким, например, является фразеологизм *во всю Ивановскую*. Определим значение идиомы. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» [3] приводятся следующие значения: «1. Очень громко (кричать, орать и т.п.). 2. Очень быстро, в полную силу».

Исходя из этого, фразеологизм имеет два фразеолого-семантических варианта, между которыми существует параллельная полисемия. Оба варианта находятся в равноправных (независимых друг от друга) смысловых отношениях [12, с. 68]. Сопоставим эти значения идиомы с другими толкованиями из словарей («Сборник образных слов и иносказаний» М.И. Михельсона [7], «Большой словарь русских поговорок»

В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [8], «Толковый словарь» Т.Ф. Ефремовой [10]) и определим общую сему ('очень сильно что-то делать') и уникальную сему ('быстро перемещаться').

В словаре С.В. Максимова «Крылатые слова» [4] предлагается следующая этимология фразеологизма: от выражений: «звонить во всю Ивановскую» – во все колокола Ивана Великого в Московском Кремле и «кричать во всю Ивановскую» – от названия Ивановской площади в Кремле, где в старину оглашались царские указы.

Таким образом, фразеологизм имеет исконно русское происхождение. Он им *Ивановская* происходит от названия реально существовавшей площади, где на Руси не представляли никаких вымышленных героев и муз, как в случае с предыдущим фразеологизмом. Исходя из этого, можно заключить, что в составе ФЕ *во всю Ивановскую* – реалионим.

Идиома представляет собой фразеологическое сращение, а также является субстантивной единицей, входящей в активный словарный запас русского языка и используемой только в разговорной речи. Имеет такие синонимы, как: *во всю глотку; и в хвост и в гриву; что есть духу; что есть мочи; что есть силы* и антонимы: *тише воды, ниже травы; молчать, как рыба об лёд* и др. Компонент «во всю» придаёт значение интенсивности действия.

Образ фразеологизма восходит к архетипическим формам осознания окружающего мира и соотносится с пространственным кодом культуры – с членением пространства и с отношением человека к пространственным параметрам. В основе фразеологизма лежит представление русского человека о широте и бескрайности пространства (в данном случае суженного до пространства города, поскольку имя собственное *Ивановская* означает площадь в Москве). Сознательное ограничение пространства размером городской площади может свидетельствовать ещё и о том, что в русском языковом сознании содержится такое представление о действительности: то, что оглашается на площади столицы от лица государственной власти обязательно должно быть услышано народом и принято к сведению, и, следовательно, к исполнению.

Показательным примером противоположной семантики данной ФЕ являются пословицы: *Дурак кричит, умный молчит* и *Криком ворон пугают, а не дела решают*. Предполагается, что в сознании русского человека сложилась определённая установка – 'говорить что-либо очень громко, делать напоказ = быть глупым, дураком'. Следовательно, употребление фразеологизма *во всю Ивановскую* с компонентом *орать* или *кричать* будет обладать отрицательной коннотацией: *Девка тут тоже сидит и храпит во всю ивановскую...* или *Порядков не знает, а на сходке орет во всю ивановскую* (Национальный корпус русского языка [11]).

Помимо параллельной полисемии, идиомы могут содержать варианты, связанные цепочечными или радиальными отношениями [12, с. 68].

В качестве примера приведём идиоматическое выражение *Авгиевы конюшни*. «Фразеологический словарь русского языка» трактует идиому так: «1. Сильно засоренное, загрязненное или захламленное место, обычно помещение, где все валяется в беспорядке; 2. То, что находится в крайне запущенном состоянии, в беспорядке и т.п. Обычно о какой-либо организации, о полной неразберихе в ведении дел и т.п.» [5].

Из этого следует, что фразеолого-семантические варианты обусловлены цепочечной полисемией [12, с. 67]. Они связаны метафорически – на основе внешнего сходства с запущенными конюшнями элидского царя Авгия, не чищенными в течение многих лет.

ФЕ *Авгиевы конюшни* относится к фразеологическим единствам [12, с. 65–66], так как идиома имеет мотивированное значение, внутреннюю форму ‘засоренные конюшни Авгия’ и экспрессивно-эмоциональную окрашенность. По аналогии является субстантивной фразеологической единицей и состоит в пассивном словарном запасе. Данный фразеологизм представлен в русском языке синонимами *хлев*; *непаханое поле*. Антонимов рассматриваемая идиома не имеет.

Обычно образ лошади предстаёт в сознании русского человека как сильное, могучее, смелое животное. Это подтверждают данные Ассоциативного словаря [13]. На слово-стимул *конь* в словаре приводятся такие слова-ассоциаты: *красивый*, *быстрый*, *златогривый*, *красавец*, *сильный* и др. Следовательно, с учётом положительного отношения к коню его стойло должно содержаться в чистоте. Однако слово *конюшня* имеет противоположную семантику и в толковом словаре в переносном значении трактуется так: «о крайне грязной комнате, помещении» [14]. Предполагается, что из-за трудоёмкой работы, которая требует значительных сил и большого объёма времени от человека, конюшни часто находятся в запущенном состоянии. Поэтому слово-компонент *конюшня* уже обладает отрицательной коннотацией и только дополняется мифонимом *Авгиевы*, что придаёт законченность устойчивому выражению и наполняет его глубоким смыслом древнегреческой легенды.

Фразеологизмы, как и слова, могут обладать различными коннотациями (нейтральной, высокой, грубой) и принадлежать к разным стилям речи (книжному, разговорному). В словарях они обозначаются *стилистической пометой*. С помощью неё отмечают те стилистические признаки языковой единицы (слова, устойчивые сочетания слов), которые определяют ее особую позицию в отношении других, сопоставляемых с ней, единиц [6]. В словаре стилистическая помета ставится после грамматической характеристики слова и перед его значением.

Все вышеперечисленные фразеологизмы имеют разные стилистические особенности. Идиоме *взлететь на Геликон* «Фразеологический словарь русского языка» [5] присваивает стилистическую помету «книжн.», что означает книжное слово, но не обозначает принадлежность к стилю

речи. Поэтому обратимся к другому «Фразеологическому словарю русского литературного языка» [3] и найдём помету «высок», что означает использование этого устойчивого сочетания только в высоком стиле речи.

Для наиболее полного лексико-семантического анализа представляется интересным проследить примеры употребления фразеологизмов с именами собственными в СМИ посредством обращения к базе Национального корпуса русского языка [11]. Данная ФЕ не была отмечена в корпусе, что свидетельствует о ее принадлежности к пассивному запасу языка. Предполагается, что из-за экзотического происхождения и, на первый взгляд, непонятности значения идиома стала устаревшей.

Иначе дело обстоит с ФЕ *во всю Ивановскую*. Стилистические пометы указывают на разговорный и экспрессивный характер выражения. Несмотря на то, что устойчивое сочетание принадлежит к разговорному стилю речи, всё же оно используется в современных текстах. Данные Национального корпуса показали, что чаще всего фразеологизм встречается в художественной литературе (43) и публицистике (5), реже – в учебно-научных текстах (1).

Отсюда следует, что фразеологизм *Во всю Ивановскую* является устаревшим, идиома активно используется в художественных текстах таких авторов, как П.И. Мельников-Печерский (5), Виктор Конецкий (5), А.П. Чехов (4) и др.

Таким образом, нами были рассмотрены три фразеологические единицы в лексико-семантическом и лингвокультурологическом аспектах и выявлены посредством обращения к словарям разного типа и к базе Национального корпуса русского языка различные особенности их употребления в современном русском языке.

Литература

1. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии; сост. Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев. – Москва: Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1998. – 54 с.
2. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.В. Серов. – Москва: Изд-во «Локид-Пресс», 2005. – 880 с.
3. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – Москва: Астрель, АСТ, 2008. – 828 с.
4. Максимов, С.В. Крылатые слова / С.В. Максимов. – Санкт-Петербург, 1899. – 500 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – Москва: Русский язык, 1986. – 543 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожинной. – Москва: Флинта, Наука, 2003. – 694 с.
7. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х т / М.И. Михельсон. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. – 779 с.
8. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / М.В. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва, 2007. – 785 с.

9. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. / А.С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 1: Стихотворения. 1814–1822 / примеч. Т.Г. Цявловской. – 1959. – 643 с.
10. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. / Т.Ф. Ефремова. – Т. 1. А-Л. – Москва, 2005. – 1168 с.
11. Поиск в корпусе // Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения : 10.04.2019).
12. Современный русский язык: учебник для академического бакалавриата / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков; под ред. П.А. Леканта. – 5-е изд. – Москва: Изд-во Юрайт, 2015. – 493 с.
13. Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. – Москва: АСТ, Астрель, 2002. – 781 с.
14. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс] URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=25041c> (дата обращения: 19.04.2019).

УДК 81'38
ГРНТИ 16.21.55

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ
В ПОЭЗИИ Н.С. ГУМИЛЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ЖЕМЧУГА»)**

**FUNCTIONAL ROLE OF PRECEDENT TEXTS
IN POETRY BY N.S. GUMILYEV
(ON THE MATERIAL OF VERSE COLLECTION “PEARLS”)**

В.В. Мехович

Научный руководитель: С.М. Карпенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: прецедентные тексты, прецедентные имена, функции прецедентных текстов.

Key words: the precedent texts, the precedent names, functions of the precedent texts.

Аннотация. В статье рассматриваются функции прецедентных текстов в поэзии Н.С. Гумилёва. На материале сборника «Жемчуга» выявлены прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания, определена функциональная роль в контексте. Прецедентные имена связаны с мифологическими сюжетами и реализуют в текстах коммуникативную, номинативную, регулятивную, прагматическую, аккумулятивную, оценочную функции.

В статье рассматриваются прецедентные тексты в поэзии Н.С. Гумилёва в функциональном аспекте. Под прецедентными текстами понимаются тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, с. 216]. *Целью статьи* является анализ функций прецедентных

текстов разных типов в стихотворениях Н.С. Гумилева. В работе мы опирались на классификацию функций прецедентных текстов Е.А. Нахимовой, выделенных при анализе публицистических текстов [2], вместе с тем, учитывали особенности эстетической сферы коммуникации и признаки текста. Нами выявлено, что в поэтическом тексте прецедентные тексты выполняют следующие функции: номинативную, коммуникативную, прагматическую, регулятивную, аккумулятивную, оценочную.

На основе анализа прецедентных феноменов, содержащихся в стихотворениях сборника «Жемчуга» (1910), выделены прецедентные имена, в том числе посвящения; прецедентные высказывания, в числе которых эпиграфы; прецедентные ситуации. Из 54 стихотворений сборника в 18 встречаются прецедентные имена в названиях: «Потомки Каина», «Семирамида», «Воин Агемнона», «Христос», «Маркиз де Карабас», «Дон Жуан», «Беатриче», «Возвращение Одиссея», «Сон Адама» и др. При использовании прецедентного имени в заглавии стихотворения реализуются номинативная, регулятивная, аккумулятивная, прагматическая функции.

Так, прецедентное имя Каин («Потомки Каина») отсылает нас к Библии. Каин – первый сын Адама и Евы, первый рожденный человек на Земле, братоубийца. Имя Каина стало нарицательным и используется для обозначения злобного, завистливого человека. Прочитав текст, мы понимаем, что в нём говорится о потомках Адама и Евы. Хотя эти имена не содержатся в стихотворении, внимательный читатель может узнать прецедентную ситуацию: изгнание из рая первых людей.

Прецедентное имя *Адам* выполняет в стихотворении «Сон Адама» номинативную функцию, обозначая человеческий род. Для героя библейского сюжета, вкусившего «заветный плод», «открылись все дороги», но при этом стал «ясен ужас древнего соблазна».

В стихотворении «Дон Жуан» прецедентное имя тоже вынесено в заголовок. Это один из «вечных образов» литературы нового времени: ненасытный обольститель женщин родом из Испании. Его имя стало нарицательным обозначением повесы и распутника. Лирический герой задумывается о своей жизни. Он осознает свою ненужность, тотальное одиночество и говорит о вечных ценностях, жалея, что *«не имел от женщины детей, и никогда не звал мужчину братом»*. Прецедентное имя выполняет прагматическую функцию: задает определенную систему ценностей и антиценностей. В конце жизни дон Жуан хочет *«взять на грудь спасающее бремя / Тяжелого железного креста»*, покаяться, искупить грехи, хотя во многих произведениях мировой литературы этот персонаж представлен как безбожник.

В стихотворении «Беатриче» лирический герой спрашивает у муз: *«Знаете ли вы, что недавно бросила рай Беатриче»*. Беатриче – «муза» и тайная возлюбленная итальянского поэта Данте Алигьери, была его первой и платонической любовью, но вышла замуж за другого и рано скон-

чалась. Она являлась для Данте олицетворением идеала женщины. Девушка «бросила рай» и спустилась на грешную землю, чтобы одарить своей любовью поэта. В стихотворении присутствуют не только прецедентные имена *Беатриче* и *Данте*, но и имя известного художника – Габриеля Россетти, написавшего картину «Любовь Данте». Прецедентное имя *Беатриче* реализует прагматическую функцию, вызывая ассоциации с платонической любовью.

Античные мифы и легенды являются фундаментом поэзии Н.С. Гумилёва, её первоисточником. Триптих «Возвращение Одиссея» описывает события и персонажей «Одиссеи» – второй после «Илиады» классической поэмы, написанной Гомером. Одиссей – персонаж древнегреческой мифологии, царь Итаки, сын Лаërта и внук знаменитого вора Автолика, отличавшийся умом и хитростью. Он принимал участие в Троянской войне и придумал, как взять Троию с помощью деревянного коня. Его путь домой по окончании войны затянулся на десять лет из-за разнообразных злоключений. В первом стихотворении «У берега» лирический герой размышляет о возвращении домой, о том, что он скоро *«забудет годы черные, / Проведенные с Палладою»*. В данном тексте используется второе прецедентное имя – *Афина Паллада*, в древнегреческой мифологии – богиня мудрости, дочь Зевса. Она обрушивает на непокорного Одиссея «ураганы» и огромные волны. Чтобы спасти свою жизнь, герою приходится поклясться в нерушимости их «союза»: *«И шепчу я, робко слушая / Вой над водною пустынею: / «Нет, союза не нарушу я / С необорною богинею»*. Оба имени в этом тексте выполняют номинативную функцию, называя персонажей античной поэмы.

В названии стихотворения «Избиение женихов» анализируемого триптиха читатель может узнать прецедентную ситуацию, характерную для античной литературы – «муж на свадьбе у своей жены». Одиссей возвращается домой в тот момент, когда уже никто не надеялся увидеть его живым. *«Встал Одиссей на высоком пороге, в грудь Антиноя он бросил стрелу»*. Антиной в «Одиссее» выступает в роли предводителя женихов Пенелопы, домогавшихся её руки в отсутствие Одиссея. Одиссей смеется над остальными женихами и обращается к ним: *«Князья знаменитой Итаки, что не спешите вы встретить царя?»* В данных строках указано место происходящих действий – остров в Ионическом море, родина и царство Одиссея. Одиссей обращается к князьям и говорит им, что они уничтожили *«все, что было богам надо»* и льстивые речи шептали Пенелопе. Пенелопа – жена Одиссея, ждавшая его после Троянской войны двадцать лет. Ее имя стало символом супружеской верности. Одиссей говорит, что за принесенные обиды он не принял бы и *«всей Атлантиды, всех городов, погребенных на дне!»*. Атлантида, по древнегреческому преданию – некогда существовавший огромный плодородный густонаселенный остров в Атлантическом океане. В стихотворении прецедентный

текст выполняет оценочную функцию, указывая на масштаб обиды Одиссея на князей Итаки. Приводится имя Евримаха – жениха Пенелопы, одержавшего больше всего побед в игре за Пенелопу, которую вели женихи: *«собирайся со мною в дорогу, / Юноша светлый, мой сын Телемах!»*; *«Снова увидим священные пальмы / И опененный, клокочущий Понт»*. Понт – северная провинция Малой Азии. В стихотворении прецедентные тексты реализуют номинативную, аккумулятивную, регулятивную функции.

В заключительном стихотворении триптиха «Одиссей у Лаэрта» повествование делится на две части: 1) встреча Одиссея с Лаэртом, отцом Одиссея, царём Итаки (*«Тебя приветствую, Лаэрт, в твоей задумчивой отчизне»*); 2) прощание (*«Старик, спеши отсюда прочь, последний раз тебя целую»*). Одиссей, говоря о смерти, использует сравнение *«как Зевсовой рукой / Мой черный жребий будет вынут»*. Зевс в древнегреческой мифологии – верховный бог, бог грома и молнии. Прецедентное имя используется в функции оценки, актуализируя в тексте значение «исполнение воли бога». О смерти героя свидетельствует еще один прецедентный текст – Эреб: *«с нежным именем "отец", сойду в обители Эреба»*. Эреб в мифологии древних греков – олицетворение вечного мрака, царство мертвых, подземный мир.

Ю.Н. Караулов отмечал, что использование прецедентных текстов возможно в целях номинации, в этом случае знак, вводящий прецедентный текст, указывает на какое-то характерное свойство, типовую примету, отождествляется с наиболее заметной, запоминающейся и потому всем известной чертой лица (персонажа, писателя) или всего произведения в целом. Кроме того, номинативная функция позволяет решать и некоторые дополнительные эстетические задачи, выступая в роли своеобразных усилительных средств в раскрытии художественного образа [1, с. 222–223].

Таким образом, прецедентные имена, встречающиеся в названии стихотворений, выполняют номинативную, регулятивную, прагматическую, оценочную функции, актуализируя в памяти читателя культурологические и оценочные ассоциации, управляя его познавательной деятельностью.

В ряде стихотворений сборника содержатся посвящения и эпитафии. Так, нами выделено 9 стихотворений, имеющих посвящение: стихотворение «Семирамида» посвящено В. Брюсову, «Камень» – А.И. Гумилёвой, «Товарищ» – В.Ю. Эльснеру, «В библиотеке» – М. Кузмину, «Заводи» – Н.В. Анненской, «Маэстро» – Н.Л. Сверчкову, «Маркиз де Карабас» – С. Ауслендеру, «Путешествие в Китай» – С. Судейкину, «Северный Раджа» – Валентину Кривичу. Адресатом посвящений являются персоналии, хорошо известные автору, но имеющие разную степень известности для массового читателя. Так, сборник «Жемчуга» содержит посвящение В. Брюсову: *«Посвящается моему учителю Валерию*

Брюсову», что указывает на отношение автора к адресату и актуализирует в культурной пресуппозиции читателя знания об одном из поэтов к. XIX – н. XX вв. – В. Брюсове, под чьим наставничеством Гумилёв начал творческий путь. В. Брюсову посвящён данный сборник, что свидетельствует о роли поэта и учителя в творческой судьбе Н.С. Гумилёва. Посвящение устанавливает связь между творчеством учителя и ученика. Известно, что на ранние стихотворения поэта оказали влияние символисты и непосредственно В. Брюсов. Таким образом, прецедентные имена могут содержаться в посвящениях. Имея тесную связь с текстом, они способствуют раскрытию его смысла. Степень прецедентности имени обусловлена его известностью в определённой культуре, частотностью использования представителями национально-культурного сообщества, метафоричностью, наличием инварианта восприятия и дополнительных графических и др. признаков [3; 4]. Посвящения, как правило, реализуют регулятивную и аккумулятивную функции, актуализируя в пресуппозиции читателя фоновые знания – информацию о человеке, которому посвящено стихотворение.

Предваряется эпиграфом – строками из стихотворения французского поэта Альфреда де Виньи – цикл стихотворений «Жемчуг чёрный». Цикл «Жемчуг серый» содержит эпиграф – строки В. Брюсова: «...*Что ж! Пойду в пещеру к верным молотам, / Их взносить над горном жгучепламенным, / Опустать их на пылающий металл*». В сборнике «Жемчуг розовый» в качестве эпиграфа приводятся строки из стихотворения Вячеслава Иванова: «...*Что твой знак? – «Прозренья глаза, / Дальность слуха, окрыленья ног*». Данные эпиграфы показывают связь творчества Н.С. Гумилёва с авторами, строки, из стихотворений которых приведены, и свидетельствуют о влиянии, которое оказали В. Брюсов и В. Иванов на ранние стихотворения поэта.

Таким образом, прецедентные тексты в поэзии Н.С. Гумилёва выполняют ряд функций – коммуникативную, номинативную, регулятивную, прагматическую, оценочную, аккумулятивную. Всё прецедентные тексты участвуют в коммуникации *автор – адресат*, вызывая в сознании последнего культурологические ассоциации. Имя адресата стихотворения, содержащееся в посвящении, в том случае, если известно читателю, вызывает в его памяти некоторую информацию об адресате и тем самым реализует аккумулятивную и регулятивную функции. В стихотворениях сборника используются прецедентные имена, связанные с греческой мифологией. Они аккумулируют знания о культуре древних греков, их представлению о мироустройстве. Прецедентные имена, кроме номинативной и регулятивной, могут выполнять прагматическую и оценочную функции, предлагая читателю определённую систему ценностей, вызывая в его сознании ассоциации, связанные с прагматической окраской прецедентного текста.

Литература

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука, 1987. – 261 с.
2. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
3. Нахимова, Е.А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных феноменов в современной российской массовой коммуникации: автореф. ... д-ра филол. наук / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2011. – 44 с.
4. Карпенко, С.М. Прецедентное имя как средство регулятивности в газетно-публицистических текстах / С.М. Карпенко // Вестник ТГПУ Серия «Гуманитарные науки (филология)». – Вып. 2 (191). – Томск, 2018. – С. 75–79.
5. Захаренко, И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей; ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – Москва: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
6. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – Москва: Гнозис, 2003. – 288 с.
7. Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю.Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ. – Москва: Русский язык, 1986. – С. 105–126.
8. Артёмина, Ю.А. Функции прецедентных феноменов в художественном тексте (на материале романа В. Пелевина «Числа») / Ю.А. Артёмина // Молодой ученый. – 2015. – №11. – С. 1553–1555. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://moluch.ru/archive/91/19427/> (дата обращения: 14.04.2019).

УДК 81.38/42
ГРНТИ 16.21.55

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ»

OCCASIONAL WORDS IN WORK BY J. ROWLING “HARRY POTTER AND THE PHILOSOPHERS STONE”

М.С. Мухин

Научный руководитель: А.С. Савенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: окказионализмы, словообразование, номинативная функция, типология окказиональной лексики, словообразовательная модель.

Key words: occasional words, word formation, nominative function, typology of occasional words, word-formative model.

Аннотация. В статье представлена типология окказиональной лексики, извлеченной приемом сплошной выборки из романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень». Описаны функции окказионализмов, наиболее частотными из которых являются номинативная и эмоционально-экспрессивная. Отмечается, что большинство новообразований Дж. Роулинг относятся к семантическому типу окказионализмов и являются полифункциональными.

Подробное изучение окказионального слова началось относительно недавно, так как само по себе это явление очень противоречиво и необычно. Однако в настоящее время данная тематика привлекает внимание всё большего количества исследователей. Слово является основной единицей текста, благодаря которой автор способен перенести свои мысли на бумагу. Окказиональное же слово может в большой степени передать чувства писателя, его творческий замысел, поскольку по природе своей отличается индивидуальностью, экспрессивностью, оценочностью, семантической ёмкостью.

Актуальность подобного исследования связана, во-первых, со сложившейся в литературе XXI в. тенденцией к индивидуальному словотворчеству, что отмечается в работах О.И. Александровой, Е.А. Земской, Н.А. Николиной, Т.В. Поповой, Л.В. Рацибурской и др., во-вторых, с необходимостью описать общие принципы функционирования окказиональной лексики в пространстве художественного текста, в-третьих, с возможностью охарактеризовать потенциальные возможности языковой системы.

Причиной выбора данного материала послужило то, что Джоан Роулинг создала настоящий культурный феномен – новый литературный мир, изучать который является интересной, но в то же время важной задачей, поскольку данная серия произведений очень популярна для чтения среди детей школьного возраста всех стран мира, включая и Россию. С лингвистической точки зрения «Гарри Поттер...» является ценной находкой для нас, так как обладает большим количеством авторских новообразований.

Цель статьи заключается в описании специфики окказионализмов с точки зрения их структуры, семантики и функционирования в произведении Дж. Роулинг о Гарри Поттере.

Что же такое окказиональное слово? Какие определения данного термина дают исследователи? В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой под окказиональным словом подразумевается «слово или оборот, употребленный говорящим или пишущим «один раз», для данного случая» [1, с. 91].

Т.В. Король окказиональными словами считает «неологизмы, которые носят характер единичного (одноразового) явления в языке одного автора и тесно связаны с окружающим контекстом» [2, с. 53].

А.Г. Лыков окказионализмом называет «речевую экспрессивную единицу, обладающую свойствами невоспроизводимости, ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности» [3, с. 36]. Исследователь говорит о различии окказионализма и неологизма, утверждая, что новые слова постепенно приживаются в языке и теряют эффект новизны, окказиональное же слово находится вне времени.

Рассмотрим типологию окказиональной лексики. На данный момент в лингвистике разработано несколько классификаций окказионализмов с учетом их словообразовательной структуры, семантики, внутренней формы слова. В данной статье представлена классификация исследователя Н.Г. Бабенко [4], так как эта типология окказиональной лексики представляется более точной и целесообразной для практического изучения новообразований.

В теории окказиональности принято выделять следующие типы окказионализмов:

1. Фонетические окказионализмы – новообразования, построенные на основе сочетания какого-либо звукового комплекса, который передает определённую семантику, обусловленную фонетическими значениями звуков, его составляющих. Например, **Петрификус Тоталус** – заклинание, при котором происходит полная парализация тела того, на кого было наложено заклинание.

2. Лексические окказионализмы – такие, которые создаются в большинстве случаев комбинацией различных узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или в некотором противоречии с ней. Например, **дьявольские силки** – растение, которое при соприкосновении с чем-то опутывает этот предмет или существо, пытаясь задушить.

3. Грамматические (морфологические) окказионализмы представляют собой образования, в которых в конфликте находятся лексическая семантика и грамматическая форма слова. Невозможное в системе языка окказионализируется возможным в авторском контексте. Например, **знаменитее** – стать более популярным, известным по сравнению с кем-то.

4. Семантические окказионализмы являются результатом появления семантических приращений, которые существенно преобразуют значение исходной узуальной лексемы, употребленной в художественном контексте. Например, **загонщик** – роль игрока в квиддиче, основная цель загонщика – отбивать бладжер в игроков противников и не допускать попадания мяча в своих союзников.

5. Окказиональные сочетания слов представляют собой совокупность лексем, сочетаемость которых в узусе невозможна. Например, **Клянусь драконом** – выражение, подразумевающее заверение злых высших сил в истинности высказывания.

При анализе произведения Джоан Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» было выделено 75 окказиональных слов, большая часть из которых, а именно 33 лексемы, относится к семантическому типу. Причина этого, скорее всего, заключается в том, что автор, находит самые интересные и подходящие слова, к которым добавляет иное значение, переосмысливая их внутреннюю форму. Благодаря этому писатель будто воскрешает старое и понятное для нас слово, даёт ему возможность заиг-

рать новыми красками. Например, **галлеон** – самая крупная денежная единица (монета) волшебников Великобритании, её чеканят из золота. Как известно, галеонами называли испанские корабли, которые перевозили сокровища в 16–18 веках. Таким образом, при анализе внутренней формы этого окказионализма можно отметить приращение к основному значению слова *галеон* (судно) дополнительного. Другой пример, **охотник** – это роль игрока в квиддиче; в команду входят три охотника, их основная задача – забрасывать квоффл (мяч) в кольца противоположной команды. Следовательно, значение слова охотник – человек, который выслеживает добычу для поимки или убийства, – меняется на иное.

К лексическому типу окказионализмов – второму по частотности использования в тексте – можно отнести 32 лексических единицы из исследуемого материала. Например, **гасилка** – прибор для тушения света, похожий на серебряную зажигалку.

Окказионализм **гасилка** образован по продуктивной словообразовательной модели русского языка: от производящей основы глагола гасить с помощью присоединения суффикса -к-, при этом образование слова сопровождается морфонологическим явлением интерфиксации (используется интерфикс -л-). Слово образовано по аналогии с лексемами *копилка*, *зажигалка*, *поливалка* и др.

Семь окказионализмов можно отнести к фонетическим. Чаще всего это названия каких-либо заклинаний или волшебных артефактов. Например, **алохомора** – заклинание, при помощи которого можно отпирать замки.

Другой пример, (**зеркало**) **еиналеж** – это зеркало с волшебным свойством показывать смотрящему в него самое сильное его желание.

Последние две группы самые малочисленные – это фразеологические окказионализмы или окказиональные словосочетания слов, представленные тремя единицами, и грамматические окказионализмы, представленные одной единицей. Примером фразеологизма будет **клянусь Горгоной**, при анализе семантики которого можно заметить сходство по аналогии с выражением «клянусь богом». Или фразеологическое сочетание **сердце рухнуло в пятки**, употреблённое в тексте романа в значении ‘очень сильно испугаться’.

Единственный грамматический окказионализм, найденный нами, – это слово *знаменитее*, которое приведено выше. **Знаменитее** – статья более популярным, известным по сравнению с кем-то. Данное прилагательное в произведении используется в сравнительной степени, которую в соответствии с литературной нормой русского языка прилагательное *знаменитый* образовывать не может, т.к. относится к разряду относительных.

Поскольку одной из задач нашего исследования является описание и определение функций, которые выполняют окказиональные слова, перечислим основной их набор с учетом природы окказионального слова.

Основываясь на работе Ю.Н. Пацулы [5], удалось выявить следующие функции окказионализмов в тексте Джоан Роулинг:

1. Номинативная функция – одна из самых распространённых функций, возможно, из-за того, что авторское словотворчество чаще всего служит для наименования какого-либо нового явления, придуманного писателем. Большинство слов из романа «Гарри Поттер и философский камень» выполняют данную функцию. Например, **магл** – так называют волшебники людей, не обладающих магическими способностями. Другой пример: **кнат** – самая малая монета в денежной системе волшебников Великобритании, чеканится из бронзы.

2. Характеризирующая или эмоционально-экспрессивная функция также является очень распространённой, потому что с её помощью выражается отношение говорящего к какому-либо явлению. Например, **Запретный лес** – большая лесная территория, примыкающая к Хогвартсу. Лес находится позади замка, а Запретным он называется, потому что ученикам запрещено туда ходить. **Слизерин** – наименование факультета в Хогвартсе, получившего такое название в честь создателя факультета Салазара Слизерина. Созвучно со словом «слизь», которое обладает отрицательной коннотацией, так как в семантику слова входит сема «скользящий», обыгрывается переносное значение данного слова – тёмный, неясный, лживый.

3. Стилистическая функция заключается в согласовании слова с определённой сферой речи. В нашем материале данную функцию выполняют слова, которые связаны с учебной деятельностью в Хогвартсе, либо с игрой в квиддич. Например, **ловец** – роль игрока в квиддиче, его основная задача – поймать снитч. Или **«Нимбус 2000»** – название метлы. **«Курсическая книга заговоров и заклинаний»** – название учебника, автором которого является Миранда Гуссокл.

4. Функция экономии речевых средств или компрессивная функция, смысл которой заключается в замене какого-либо описательного фрагмента одним лаконичным и кратким словом. Например: **напоминалка** – стеклянный шар, будто заполненный дымом, служит для напоминания каких-либо задач; **послепослезавтра** – день, следующий за послезавтрашним днём.

Важно отметить то, что окказиональная лексика в большинстве случаев выполняет не одну, а сразу несколько функций. Например, **травология** – научная дисциплина о растениях, которую преподают в Хогварстве. Окказионализм выполняет сразу несколько функций – номинативную, компрессивную и стилистическую, поэтому большинство окказионализмов в тексте являются полифункциональными.

Таким образом, можно заключить, что Дж. Роулинг в своём произведении «Гарри Поттер и философский камень» достаточно активно использует окказиональную лексику, специфика которой состоит в следующем:

1) наиболее частотным типом окказионализмов является семантический (44%); 2) окказионализмы чаще всего выполняют номинативную функцию (61%), реже – компрессивную функцию; 3) окказионализмы отличаются полифункциональностью.

Вселенную, созданную Джоан Роулинг, можно изучать ещё очень и очень долго как в литературоведческом аспекте, выискивая новые мотивы и смыслы текста, так и в лингвистическом, подробно исследуя окказионализмы, неологизмы, маркёры пространства, времени и т.п.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Король, Т.В. Окказиональные сложные существительные в современном немецком языке (на материале произведений Э. Штриттматера): дис. канд. филол. наук / Т.В. Король. – Рига, 1967. – 265 с.
3. Лыков, А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А.Г. Лыков. – Москва: Высшая школа, 1976. – 119 с.
4. Бабенко, Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учебное пособие / Н.Г. Бабенко. – Калининград, 1997. – 84 с.
5. Пацула, Ю.Н. Окказионализмы новейшего времени: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Н. Пацула. – Ростов-на-Дону, 2005. – 167 с.

УДК 81
ГРНТИ 16.21.51

ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ ДОБРО И ЗЛО В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

VALUABLE CATEGORIES GOOD AND EVIL IN RUSSIAN PAREMIOLOGY AND PHRASEOLOGY

Е.А. Новикова

Научный руководитель: А.С. Савенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: пословицы, поговорки, фразеологизмы, добро, зло, ценностные категории, фольклорная картина мира, народная речевая культура.

Key words: proverbs, sayings, phraseological units, good, evil, valuable categories, folklore picture of the world, national speech culture.

Аннотация. В статье представлены ключевые категории *добро* и *зло*, отражённые в паремиях и фразеологизмах, как компоненты фольклорной картины мира и народной речевой культуры. Отмечается, что ценностный аспект анализируемых слов-репрезентантов этих категорий представлен в виде оценочного компонента их значений.

Статья посвящена описанию двух ключевых категорий *добро* и *зло* с опорой на их основные лексические выражения в пословицах, поговорках

и фразеологизмах для выявления представления о них в фольклорной картине мира носителя русского языка.

Под фольклорной картиной мира понимается фольклорная реальность, выраженная с помощью языка традиционного народного творчества.

Актуальность исследования обусловлена его включённостью в контекст современных антропоцентрических исследований, основной целью которых является рассмотрение фрагментов языковой и фольклорной картин мира народа сквозь призму ключевых понятий народной культуры. **Объектом исследования** являются лексические единицы, репрезентирующие ценностные категории *добро* и *зло* в поговорках и фразеологизмах. **Предмет исследования** – аспекты понимания ценностных категорий *добра* и *зла* в русской паремиологии и фразеологии.

По словам В.И. Карасика, ценности можно разделить на индивидуальные, микрогрупповые, этнические и общечеловеческие [1, с. 3]. Добро и зло как ценностные категории, представленные в русской лингвокультуре, относятся к общечеловеческим ценностям, а имена, их репрезентирующие, содержат в своём значении оценочные компоненты. Как отмечают Ю.Д. Апресян (1995), Н.Д. Арутюнова (1988), Т.Б. Крючкова (1989) и некоторые другие исследователи, оценка «отражает не реальный мир, а отношения между существующим миром и его идеализированной моделью, в силу чего соотносится с субъективным фактором отражения действительности» [2, с. 19].

Для определения семантической структуры слова *добро* были проанализированы авторитетные толковые словари русского языка и установлены следующие значения: 1) нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу; 2) имущество; 3) благодеяние, благотворение, пожертвование, услуга; 4) удача, успех; 5) все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; 6) нравственное благо. С этимологической точки зрения добро связано с делом, творимым художником, ремесленником, кузнецом, а также восходит к понятию *доблесть* в значении «отвага, мужество». Понятие *зло* имеет значения: 1) всё плохое, опасное, вредное, жестокое; 2) то, что раздражает, вызывает негативные эмоции; 3) плохой поступок с человеком, который ни в чём не виноват); 4) нечто, заключающее в себе зло (злое начало). Этимология слова *зло* связана с семантикой бесчеловечности, лжи, неверного жизненного пути.

Из словаря В.И. Даля были отобраны 90 пословиц и поговорок, в которых встречаются лингвокультуремы *добро* и *зло*. Данные поговорки можно разделить на несколько тематических групп в зависимости от лексической сочетаемости слов «добро» и «зло» и их контекстуального значения: жизнь (20), качества человека (17), наставление (13), человек/люди (12), взгляд на мир (11), имущество (9), отношение к человеку (5), дело (3). Лингвокультурологический анализ показал изменения пред-

ставлений древних славян, жителей царской России о добре и зле и отражение таких изменений в устном народном творчестве.

Приведём несколько примеров. 1. В пословице *Плохое началишко не к доброму концу* говорится о том, что от начала любого дела зависит его завершение и результат. В латинском и греческом языках подобная пословица переводится так: *От плохого начала происходит плохой конец*. Для русского человека начало чего-либо всегда было связано с хозяйственной деятельностью, работой на земле, строительством дома, поэтому в делах подобного рода требовалась не только предварительная подготовка, связанная, например, при посеве каких-либо злаков или овощных и плодовых культур с подготовкой семян, боронением земли, ожиданием благоприятной погоды и соответствующих *доброму* исходу дела народных примет, но ещё и удачное начало, являющееся следствием всего этого. И если начало положено скверное, то и ждать хорошего в будущем не следует.

Пословица *От худого семени не жди доброго племени* содержательно соотносится с предыдущей, отличие заключается в том, что в ней под плохим началом понимается не дело, а человек. Не зря в древности говорили, что от плохого человека хороших детей не будет, связывая это с плохим характером того, о ком говорилось, его отношением к людям и миру.

Поговорка *Злодея помиловать – доброго человека покарать* указывает на несправедливую систему правосудия, когда невиновного судят/казнят, а убийцу – оправдывают. Злодеем на Руси называли «ожесточённого преступника, закоснелого противника божеских и людских законов» [3], при этом большему осуждению подвергали тех, кто жил не по божеским законам, поскольку судебной государственной власти полного доверия никто не оказывал, о чём свидетельствуют пословицы *Где закон, там и обида; Бог любит праведника, а судья – ябедника; Где суд, тут и неправда; Не бойся вечных мук, а бойся судейских рук*.

Поговорка *Всё добро словно в провал пошло* в этом отношении является неким продолжением предыдущего примера, в ней говорится о несправедливой ситуации, при которой ты делаешь добро людям, а оно потом оказывается либо не оцененным, либо забытым.

Поговорки *Как к худу придёт, и добром не подспоришь; Лихо полегло, а добро не приспело* и *Худого возом, а доброго щепотью не ухватишь* представляют собой три стадии того, как русский человек готовился к плохим временам – к *худу*, *лиху*, и как оценивал ситуацию, когда эти времена наступали. Стоит отметить отсутствие в семантике поговорок отчаяния, мольбы или проклятий судьбы и наличие смирения со сложившимися обстоятельствами, а также понимание того, что и в такое время можно жить.

В рамках ассоциативного эксперимента был проведён опрос с целью выявить у информантов ассоциации, связанные с понятиями *добро* и *зло*. В качестве информантов выступили 100 молодых людей, студентов ТГПУ, в возрасте от 20 до 25 лет. Данные эксперимента были обработаны методом семной интерпретации, предложенным И.А. Стерниным и состоящим в объединении результатов в одну сему по сходной семантике реакций. В результате эксперимента были получены следующие ответные реакции: 1) 12% респондентов под добром понимают *помощь*, 9% – *любовь*, 9% – *семью*, 7% – *счастье*, 6% связывают данное понятие с *мамой*; 2) 11% студентов под злом понимают *войну*, 8% – *ложь*, ещё 8% – *ненависть*, 5% – *предательство*.

Остальные ассоциативные реакции информантов разнородны и единичны по своей представленности. Так, среди них можно выделить следующие. **ДОБРО:** *Российская Федерация, стипендия, жизнь, рай, благо, совесть, церковь, родители, друзья, радость, великодушие, уважение, любовь к миру*. **ЗЛО:** *США, женщины, очередь, учёба, человек, хаос, Сатана, бездействие, Мефистофель, подлость, шантаж, насилие, правители, ненависть к миру*.

Полученные нами результаты при сравнении не соотносятся с данными «Русского ассоциативного словаря» [4] под ред. Ю.Н. Караулова (2002 г.). Главные ассоциации на слово *зло* по данным словаря – *добро, большое, плохо*; на слово *добро* – *пожаловать, зло, делать, мама, хорошо*. Вероятно, это связано, во-первых, с тем, что ценности современного носителя языка изменились в связи с социальной, политической международной ситуацией в стране и мире; во-вторых, с социально узким и ограниченным по возрасту кругом информантов – студенческой аудитории.

Также нами были проанализированы 19 фразеологизмов, репрезентирующих понятие *добро*. Устойчивые выражения распределены по следующим группам: 1) просьба; 2) приветствие; 3) положительные качества человека/предмета; 4) отрицательные качества человека/предмета; 5) указание на благоприятствующую причину; 6) пожелания удачи и успеха; 7) размер; 8) черты сказки.

Устойчивое выражение *Будь добр* широко распространено в русской речи, следовательно, актуально в наше время. Это подтверждается данными Национального корпуса русского языка, в котором отмечается 194 словоупотребления этого фразеологизма как в газетном, так и в устном подкорпусе. Выражение *Будь добр* используется в значении ‘вежливого обращения к кому-либо с просьбой или требованием’. Как отмечает А.К. Бирих, «в данной этикетной формуле содержится обращение к самому ценному нравственному качеству человека – доброте» [5, с. 161].

Фразеологизмы, которые содержат сему приветствия, такие: «*Добро пожаловать!*», «*Доброе утро!*», «*Добрый день!*», «*Добрый вечер!*».

Выражение «Добрый день!» пришло в русский язык из Испании, где употребляется следующая фраза: «*Buenos días nos de Dios*», которую испанцы используют для приветствия друг с другом. В русском языке фразеологизм «Добрый день!» появился ещё в XVIII веке и имеет следующую семантику: «*пожелания многих добрых дней в жизни*». Фразеологизм «Добро пожаловать!» понимается как «*вежливое приветствие и гостеприимное приглашение прийти, приехать, войти в дом*» [5, с. 161–162]. Данное значение является достаточно старым и соотносится с равнозначными по семантике фразеологизмами «*В добрый час!*» и «*В добрый путь!*».

Фразеологизмы, в которые включены положительные качества человека, например: *от доброго сердца, поминать добром/добрым словом, добрая душа* – отражают хорошие поступки человека. Рассмотрим их подробнее.

Устойчивое выражение «*от доброго сердца*» означает ‘из добрых побуждений, без злого умысла’, что показывает искренность и душевность человека, от которого исходит данное изречение. Этот фразеологизм употребляется в разговорной речи и его можно услышать довольно часто.

Фразеологизм *поминать добром / добрым словом* имеет положительную эмоциональную окраску. Обычно это выражение мы используем, когда говорим о каком-либо значимом человеке, который внёс определённый вклад в полезное дело.

Устойчивое выражение *добрая душа* обычно используется в том случае, когда нужно отметить достойные, благородные и хорошие поступки какого-то человека.

Группа, представляющая собой фразеологизмы с отрицательными качествами человека, раскрывает суть плохих поступков, совершённых им.

Устойчивое просторечное выражение *добром не кончить* имеет следующую семантику: ‘о том, кто начинает нечестное, плохое дело, которое получит осуждение’. В данном выражении лексема *добром* имеет отрицательный смысл, что не характерно для других фразеологизмов, включающих это понятие.

Фразеологизм *подобру-поздорову* означает ‘по доброй воле, пока не случилось ничего неприятного’. Данный фразеологизм указывает на неблагоприятную обстановку в обществе, возможно, на предвешание беды. Слова *подобру* и *поздорову* сначала употреблялись в едином словосочетании, в русских летописях использовались как синонимичные. В XIX веке данный оборот мог употребляться в сочетании с различными глаголами, например, *жить, поживать* – в значении «хорошо» и *доехать, добраться* – в значении «благополучно». Тем не менее, эти положительные значения были заменены отрицательными: «*пока цел, пока жив, пока не применили силу, по доброй воле*» [5, с. 164–165].

Выражение *к добру* используется в значении ‘к хорошему, к успеху, удаче, о том, что предвещает хорошее’ в качестве пожелания завершения какого-либо дела, что для русского человека непременно соотносится не с удачей и везением, которое не зависит от человека, а предопределяется судьбой, но добрым поступком, результат которого напрямую связан с человеческой добродетелью.

Фразеологизмы «*В добрый час!*», «*Доброго пути!*», «*добрым часом*» широко употребляются в значении ‘пожелание удачи, благополучия уходящему, уезжающему’. Эти фразеологизмы используются при прощании на долгое время близкими, друзьями, знакомыми и желании сказать им приятные слова, дать напутствие в чём-либо. Выражение *добрая половина* отражает размер предмета, в данном случае большого: «*большая из двух неравных частей чего-либо*» [5, с. 89].

Фразеологизм *добрый дух*, по определению А.И. Фёдорова, это «*носитель светлого, положительного начала, противостоящий злему духу, чёрту*» [6, с. 57]. Из этого мы можем заключить, что в сказках добро и зло сталкиваются друг с другом, но при этом добро всегда побеждает зло как в устном народном творчестве, так и в жизни. Как известно, небольшую роль в сказках всегда играет «добрый молодец», который отличается своей отвагой и мужеством.

Мы рассмотрели фразеологизмы, в которых лексемы, связанные с понятием *добро*, представлены эксплицитно. Также нами были отмечены некоторые устойчивые выражения, в семантике которых содержится указание на понятие добра.

Их также можно разделить на несколько групп: 1) положительные качества человека; 2) положительные действия человека. Фразеологизмы *большое сердце / большого сердца, от чистого сердца* имеют ту же семантику, что и выражение *от доброго сердца*. Они выявляют все хорошие черты человека.

Устойчивые выражения *брать на буксир* и *подставить плечо*, имеющие равнозначный смысл, указывают на то, что в любой трудной ситуации человек готов прийти на помощь. По данным историко-этимологического словаря А.К. Бириха, фразеологизм *брать на буксир* связан с морской составляющей. Буксир означает «судно, которое тянет на канате специальные самоходные суда (баржи с грузом), а также суда, которые из-за поломки сами не могут прибыть на место назначения» [5, с. 61].

Устойчивое словосочетание *беречь (хранить) как зеницу ока* означает доброе и бережное отношение человека к чему или кому-либо.

В ходе ассоциативного эксперимента, в качестве информантов которого выступали 88 учащихся 5, 6, 7 классов, были выявлены следующие реакции на слово-стимул *добро*: *мама* (2), *забота* (3), *душа* (3), *добрый человек* (4), *любовь* (7), *честность* (8), *милосердие* (8), *мир* (10), *понима-*

ние (10), помощь (12), хорошие поступки (14). Остальные реакции респондентов единичны: свет, тепло, сострадание, благотворительность, щедрость, совесть и польза.

Можно отметить следующие реакции учащихся на слово-стимул зло: зависть (2), беда (3), страдания (5), зависть (6), оскорбления (6), враг (8), убийства (15). Среди ответов информантов встречались единичные реакции: унижения, ненависть, ущерб, похищение, эгоизм, боль, ложь, лицемерие, агрессия, обида, гнев и вспыльчивость.

Подводя итоги, важно отметить, что ценностные категории добро и зло в разные времена имели культурно-историческую и личностную значимость для человеческого сознания и продолжают занимать важное место в русской народной речевой культуре.

Литература

1. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: Культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 3–15.
2. Чернова, О.И. Концепт «труд» как объект идеологизации / О.И. Чернова: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 163 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В.И. Даль. – Санкт-Петербург, 1863–1866. – 5000 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 10.04.2019).
5. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник: свыше 2500 русских образных оборотов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
6. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – Москва: АСТ [и др.], 2008. – 879 с.

УДК 81'38
ГРНТИ 16.21.61

СОЧИНЕНИЕ-ОПИСАНИЕ И ЕГО ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕЧИ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

COMPOSITION-DESCRIPTION AND ITS POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF SPEECH OF SCHOOLCHILDREN OF THE SECONDARY SCHOOL

К.И. Окель

Научный руководитель: С.М. Карпенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: ФГОС, компетентностный подход, текстовая компетенция, коммуникативная компетенция, текстовая деятельность, речевая деятельность, речевое развитие, речевые умения, сочинение-описание.

Key words: FGOS, competence approach, textual competence, communicative competence, text activity, speech activity, verbal development, speech skills, composition-description.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития речевой культуры обучающихся на основе их текстовой деятельности. Выявляется дидактический потенциал сочинения-описания для формирования коммуникативной и текстовой компетентности школьников. Предлагаются задания и упражнения для расширения словарного запаса обучающихся, развития их ассоциативного и образного мышления.

В свете требований Федерального государственного образовательного стандарта (далее ФГОС) большое значение приобретает формирование у обучающихся ключевых компетенций. Так, совершенствование различных видов устной и письменной речевой деятельности, включая умение создавать различные текстовые высказывания (изложение, сочинение, план и т.д.), имеет важное значение для результатов предметной области «Русский язык и литература» в ФГОС [1].

Под текстовой компетенцией понимается «совокупность текстовых и речевых знаний, умений, положительного опыта текстовой деятельности, необходимых и достаточных для восприятия, интерпретации и создания текстов, обеспечивающих готовность, способность личности к сознательному речевому взаимодействию» [2, с. 186]. Г.К. Селевко в работе «Педагогические технологии на основе информационно-коммуникативных средств» отмечает, что коммуникативная компетенция – «умение вступать в коммуникацию с целью быть понятым, а также владение умениями общения» [3, с. 105]. По мнению Н.Ш. Галлямовой, коммуникативная компетенция – «комплекс коммуникативных умений, основанных на синтезе лингвистических, культурологических, психологических и социальных знаний» [4, с. 23]. Формирование указанных компетенций, способствующих развитию речи обучающихся, возможно на основе работы над сочинениями разных типов. Рассмотрим в этом аспекте сочинение-описание.

Цель статьи – выявление дидактического потенциала сочинения-описания для развития речи обучающихся. Анализ методических аспектов обучения написанию сочинения предпринимался в работах Н.С. Болотновой (2000, 2002), Т.Б. Трошевой (2003), Н.А. Ипполитовой (2006), И.В. Лавровой (2009), В.А. Ситарова (2009), В.М. Хамагановой (2010), А.А. Полетаева (2012), Е.В. Бурцевой (2013), М.Е. Зориной (2014), М.А. Дыниной (2014), Н.М. Дагаевой (2014), Н.М. Богдановой (2014), Е.В. Бондаревской (2016), А.А. Упорова (2016) и др. В данной статье рассматриваются компетенции, способствующие развитию речевой культуры обучающихся.

В основе формирования текстовой и коммуникативной компетенций лежит текстовая деятельность. Речевая деятельность и текстовая деятельность связаны: речевые умения формируются на основе текстовой дея-

тельности, которая определяется как деятельность, направленная на «приобретение текстовых умений и навыков и передачу идей, знаний, представлений, ценностных ориентаций, норм и образцов поведения» [5, с. 32]. Так как текст является формой коммуникации, текстовую деятельность можно рассматривать и как речевую деятельность [6, с. 237]. Е.А. Ерохина отмечает, что «развитие устной и письменной речи взаимосвязаны. Устное выступление строится на основе письменных канонов» [7, с. 4].

Одним из способов формирования вышеуказанных компетенций является обучение школьников написанию текстов разных типов речи: повествования, рассуждения, описания. Рассмотрим методические аспекты работы над сочинением-описанием.

Согласно концепции языковой личности Ю.Н. Караулова, выделяются три уровня языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный [8]. Обучение сочинению-описанию в средней школе способствует развитию вербально-семантического уровня, единицами которого являются слова. Рассмотрим задания, на материале которых можно расширить словарный запас обучающихся, познакомить их с изобразительно-выразительными средствами языка, с богатством его лексической системы.

Задание, основанное на ассоциациях. Школьникам предлагается подобрать ассоциации-существительные, ассоциации-прилагательные, ассоциации-глаголы к теме «Утро» (может быть любая другая тема). На основе данных ассоциаций нужно составить сочинение-описание или рассказ-описание.

Задание-разминка перед началом урока. Одному из обучающихся предлагается назвать слово-ассоциацию на тему «Дом», следующему нужно привести ассоциацию на предыдущее слово и т.д. Задание выполняется по цепочке.

Примером упражнений для подготовки к сочинению-описанию являются задания, основанные на соединении произведений живописи, музыки и литературы. В течение занятия обучающимся следует заполнять таблицу, в которой необходимо записать ключевые слова.

Весна

В живописи	Краски, цвета, мазки, импрессионизм, впечатление, миг, свое видение и т.д.
В музыке	Звуки, композиция, настроение, эмоции, ритм, мотив, мелодия и т.д.
В литературе	Образы весны и зимы, изобразительно-выразительные средства, олицетворение и т.д.

Так, на первом этапе урока необходимо познакомить обучающихся с творчеством художника, репродукция картины которого представлена,

а также с направлением и стилем, в котором работает художник. Это необходимо для того, что обучающиеся могли понять специфику того или иного произведения искусства.

Например, картина «Весна» (1880) К. Моне. Данное произведение искусства написано в русле импрессионизма. Авторы этого направления стремились показать жизнь в чувственной форме как отражение своих впечатлений, изобразить увиденное в динамике и изменчивости. Основной задачей художника является передача своего мимолетного впечатления от реальности. Этим обусловлена и техника рисования: небрежные мазки и размытость фона.

В дополнение к приведённым выше заданиям обучающимся предлагается заполнить в предложениях лакуны. Для этого следует обратиться к «Словарю сочетаемости слов русского языка» [9, с. 324; с. 373; с. 537; с. 650].

1. Светило _____ солнце.
2. _____ цветы распускаются.
3. По небу плыли _____ облака.
4. Пение жаворонков _____.
5. _____ погода сегодня.

Так, слово *солнце* сочетается со следующими словами: теплое, щедрое, утреннее, дневное, вечернее, весеннее и др. *Цветы* – красивые, прекрасные, изумительные, яркие, душистые, весенние, лесные, полевые и др. *Облака* – красивые, белые, серебристые, легкие, пышные, перистые, кучевые и др. *Пение* – тихое, (не)громкое, дружное, наслаждаться, восхищаться, слышится, доносится. Работа со словарями будет способствовать развитию речи учащихся, обогащению их словарного запаса.

Следующим этапом в создании сочинения-описания может быть вопрос учителя:

– Какой должна быть музыка, изображающая весну? (мелодичной, приятной, ритмичной и т.п.)

После обсуждения следует создать с обучающимися памятку для анализа музыкального произведения.

1. Какое настроение и какие эмоции возникли после прослушивания музыкального произведения?
2. Возникли ли у вас образы? Если да, то какие?
3. Соответствует ли ваше представление о музыке, изображающей весну, с тем, что вы сейчас слышали?

Затем следует прослушивание отрывков из музыкального цикла Антонио Вивальди «Времена года: весна». Данный этап работы завершается обсуждением.

На третьем этапе урока анализируем художественное произведение. Например, стихотворение Ф. Тютчева «Зима недаром злится...».

Примерный план анализа:

1. Определение эмоциональной тональности текста (Какие эмоции появились у вас после прочтения текста?).
2. Определение темы стихотворения (приход весны).
3. Выявление образов стихотворения (весна, зима).
4. Выделение лексических средств, которые создают образы весны и зимы (весна: стучится в окно, жаворонки, трезвон, хохочет, прекрасное дитя и др.; зима: злится, хлопочет, ворчит, ведьма злая, враг и др.).
5. Определение изобразительно-выразительных средств (олицетворение, эпитеты, анафора).
6. Выявление идеи стихотворения (вечная вражда между зимой и весной как закономерный процесс существования природы).

На данном этапе работы можно выполнить следующее задание: обучающимся предлагается вспомнить или придумать сравнения и сравнительные обороты к слову *весна*. Для этого следует повторить с обучающимися значение термина *сравнение*. Сравнение – «стилистический приём, заключающийся в сопоставлении одного предмета или явления (субъекта сравнения) с другим предметом или явлением (объектом сравнения) на основании каких-либо признаков (основа сравнения) с целью более точного и одновременно более образного описания первого» [10, с. 669]. Так, весну можно сравнить с рассветом, с рождением человека, с девушкой, с любовью, с началом чего-то нового.

Завершающим этапом является создание плана сочинения-описания: введение, основная часть, заключение, а также написание сочинения-описания на тему «Весна» с привлечением материала, который был представлен и проанализирован во время урока.

Таким образом, формирование текстовой и коммуникативной компетенций является важной составляющей современного образовательного процесса и имеет большое значение для развития речевой культуры обучающихся. Речевая деятельность тесно связана с текстовой, соответственно, развивая текстовую деятельность, улучшаем и речевую. Дидактический потенциал сочинения-описания для совершенствования речи обучающихся высок. Упражнения, основанные на работе с ассоциациями, способствуют развитию ассоциативного и образного мышления. При работе со словарями русского языка происходит обогащение словарного запаса школьников, что важно для развития вербально-семантического уровня их языковых личностей. Совершенствованию таких коммуникативных качеств речи, как выразительность, богатство и образность, способствуют упражнения, основанные на знакомстве с изобразительно-выразительными средствами языка. Используя на уроках задания, связанные с разными произведениями искусства, мы не только развиваем речевые и текстовые умения, но и приобщаем обучающихся к культурному наследию человечества.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/8f549a94f631319a9f7f5532748d09fa/> (дата обращения: 5.03.2019).
2. Васюкович, Л.С. Текстовая компетенция в контексте современного лингвистического образования / Л.С. Васюкович. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tekstovaya-kompetentsiya-v-kontekste-sovremennogo-lingvisticheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 12.03.2018).
3. Селевко, Г.К. Педагогические технологии на основе инфомационно-коммуникативных средств / Г.К. Селевко. – Москва: НИИ школьных технологий, 2005. – 163 с.
4. Галлямова, Н.Ш. Активные методы обучения в процессе формирования коммуникативной компетенции / Н.Ш. Галлямова // Русский язык в школе. – Вып. 7. – Москва: Просвещение, 2008. – С. 22–25.
5. Болотнова, Н.С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста: методическое пособие / Н.С. Болотнова. – Томск: ТГПУ, 2002. – 64 с.
6. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
7. Ерохина, Е.А. «Что говорит! И говорит, как пишет!»: единые подходы к обучению устной и письменной речи / Е.А. Ерохина // Русский язык в школе. – Вып. 3. – Москва, 2018. – С. 3–6.
8. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука, 1987. – 261 с.
9. Денисов, Н.П. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. Н.П. Денисова, В.В. Морковкина. – Москва: Русский язык, 1983. – 688 с.
10. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник; под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

УДК 81
ГРНТИ 16.21.51

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ПРИРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ»

CONCEPT NATURE VERBALIZATION IN WORK BY V. RASPUTIN “FAREWELL TO MATYORA”

Е.К. Фридрихсон

Научный руководитель: А.С. Савенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: концепт, концептосфера, картина мира, природа.

Key words: concept, concept sphere, world picture, nature.

Аннотация. В статье рассматриваются различные точки зрения о природе и структуре понятия *концепт*. Приводится фрагмент анализа понятийного уровня концепта *природа* на материале произведения В. Распутина «Прощание с Матерой».

Актуальность работы определяется включенностью анализа концепта в новую лингвистическую парадигму, характерными чертами которой выступают: 1) интегративный характер; 2) опора на теорию речевой деятельности; 3) выдвигание текста и языковой личности как основных понятий; 4) рост интереса к экстралингвистическим факторам; 5) эксплаторность [1, с. 132].

Концепт *природа* является ключевым в произведении В. Распутина «Прощание с Матерой», что подтверждается значительным в количественном отношении набором слов-репрезентантов концепта.

В лингвистической науке существует большое количество определений понятия «концепт». Так, А. Вежбицкая считает концептом «объект из мира "Идеальное", имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления о мире "Действительность"» [1, с. 76]. По определению Ю.С. Степанова, концепты – это «сгустки культурной среды в сознании человека» [2, с. 42].

Вслед за Н.С. Болотновой под концептуальным анализом мы будем понимать «метод исследования, предполагающий *выявление концептов, моделирование их* на основе концептуальной общности средств их лексической репрезентации в узусе и тексте и *изучение концептов* как единиц концептуальной картины мира языковой личности автора, стоящего за текстом» [3, с. 464]. Из данного определения можно выделить и другие ключевые понятия, необходимые для нашей работы: концептуальная картина мира (концептуальная КМ), языковая личность (ЯЛ).

Под картиной мира понимается «целостный, глобальный образ мира, являющийся результатом всей духовной активности человека» [1, с. 77]. Также картина мира понимается и как «представление о мире человека (индивидуальная картина мира) или социума (национальная картина мира) на определенном этапе его развития, отраженное в системе образов, понятий, концептов» [1, с. 48]. Под языковой же картиной мира понимают «отраженные в языке и с помощью языка представления отдельного человека и социума в целом об окружающем мире, его устройстве, системе ценностей» [1, с. 330]. Д.С. Лихачев вместо термина концептуальная КМ использует термин *концептосфера* и рассматривает его как «совокупность концептов нации», которая является «всеми потенциями концептов носителей языка» [4, с. 286–287]. Языковая личность – это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира)» [1, с. 331].

Относительно структуры концепта существует также несколько точек зрения. Так, Ю.С. Степанов вычленяет в концепте обиходную, общеизвестную сущность, известную отдельным носителям языка и историческую, этимологическую информацию [5, с. 74]. Например, в концепте

«8 марта» исследователь выделял информацию «женский день» (обиходная сущность), «день защиты прав женщин» (известно отдельным носителям языка) и «учрежден по предложению К. Цеткин» (историческая информация). С.Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую, образную составляющую и значимостную составляющую [5, с. 74]. В.И. Карасик различает в структуре концепта образно-перцептивный компонент, понятийный компонент и ценностную составляющую [5, с. 74].

З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают следующую модель построения поля концепта:

1) установление ключевого слова-репрезентанта, объективирующего концепт;

2) установление ядра номинативного поля;

3) установление периферии номинативного поля: анализ художественных и публицистических текстов, построение лексико-фразеологического поля ключевого слова, построение деривационного поля ключевого слова, построение паремиологического поля концепта, установление устойчивых сравнений с номинантами концепта, установление фразеологических номинаций концепта, анализ ассоциативного поля концепта [5, с. 123–129].

Такой послойный анализ поля концепта подходит для описания национальной картины мира. Целью же нашего исследования является описание концепта *природа* на материале художественного произведения и определение его места и значимости в индивидуально-авторской картине мира В. Распутина.

Для анализа концепта *природа* в повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» было составлено номинативное поле концепта путем сплошной выборки из текста произведения единиц-репрезентантов и распределения их по ядру и периферии поля. В качестве ключевого слова-репрезентанта анализируемого концепта в нашей работе выступает лексема *природа*. Понятие *природа* по данным толковых словарей С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, В.И. Даля представлено несколькими лексико-семантическими вариантами, один из которых соответствует содержанию концепта: «природа совокупность естественных условий на земле (поверхность, растительность, климат), органический и неорганический мир, всё существующее на земле, не созданное деятельностью человека» [6].

В качестве примера проанализируем первую главу повести «Прощание с Матерой» В. Распутина. Уже в начале произведения описывается природа Матеры – «острова и деревни, носящих одно название» [7]. Приемом сплошной выборки были выделены следующие лексемы, выступающие репрезентантами концепта *природа*: *Матёра* (8), *вода* (8), *остров* (7), *берег* (6), *земля* (5), *Ангара* (4), *река* (3), *болотце* (2), *вечер* (2), *лягушки* (2), *осень* (2), *мыс* (2), *рёлка* (1), *зелень* (1), *дерево* (2),

дождь (1), стрижи (1), ласточки (1), природа (1), гора (1), крапива (1), лес (1), протока (1), рыба (1), лето (1).

Представленные лексемы являются именами существительными. Общее количество лексических единиц (ЛЕ) – 65. Слов, репрезентирующих концепт *природа* в тексте, – 25.

При моделировании номинативного поля концепта *природа* можно выделить как наиболее, так и наименее частотные единицы, то есть распределить их по ядерной и периферийной зоне. К ядру были отнесены лексемы: *Матёра, вода, остров, берег, земля, Ангара, река.*

Остальные лексические единицы были включены в периферийную зону. Это слова, встречающиеся 1–2 раза в главе произведения.

Если же рассматривать категориальные признаки представленных слов-репрезентантов концепта *природа*, то можно обозначить такие:

- имена собственные (Матёра и Ангара);
- слова, связанные с водным пространством (вода, река, Ангара, болотце, протока, мыс);
- слова, обозначающие земное пространство (Матёра, остров, берег, земля, рёлка, гора);
- слова, вербализирующие временной признак (вечер, осень, лето);
- слова, номинирующие растительный мир (зелень, дерево, крапива, лес);
- слова, обозначающие животный мир (стрижи, ласточки, лягушки, рыба);
- слова, связанные с природными явлениями (дождь);
- слова, являющиеся однокоренными с концептом (природа).

Учитывая то, что концепт – это сложная структура, которая состоит из нескольких слоев, перейдём к описанию разных слоёв концепта (понятийный, ассоциативный, образный и др.). Остановимся подробнее на описании понятийного уровня концепта *природа* на материале первой главы повести В. Распутина «Прощание с Матёрой». После процедуры отбора номинантов необходимо представить их лексическое значение, то есть проанализировать таким образом понятийный уровень концепта *природа*. На данном этапе после обращения к толковым словарям был составлен следующий словарный список лексических значений слов-репрезентантов:

Вода – «стихийная жидкость, ниспадающая в виде дождя и снега, образующая на земле родники, ручьи, реки и озера» [8].

Река – «Постоянный водоём с естественным течением воды по разработанному ею руслу от истока до устья» [9].

Болото – «Участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью, заросший влаголюбивыми растениями» [9].

Протока – «Боковой рукав реки, а также река, соединяющая два водоёма» [10].

Мыс – «Часть суши, выдающаяся острым углом в море, озеро или реку» [10] и др.

Все лексические значения данных репрезентантов в разных толковых словарях имеют схожие толкования. На основе лексического значения нами проведён компонентный анализ этих значений, результаты которого представлены в таблице.

Лексема	Компоненты значения
Вода	= жидкость + бесцветная + стихийная
Река	= водоем + течение
Болото	= часть суши + влажная + заросшая
Протока	= река + соединяет
Мыс	= часть суши + впадает в водоем
Остров	= часть суши + окружена водой
Берег	= часть суши + прилегает к воде
Земля	= суша + между водой и воздухом
Релка	= место на суше + сухое + редко затопляемое
Гора	= часть суши + возвышенность
Вечер	= время суток + между днем и ночью
Осень	= время года + между летом и зимой + прохладное
Лето	= время года + между весной и осенью + теплое
Зелень	= растительность + зеленый цвет
Дерево	= растение + многолетнее + твердый ствол
Крапива	= растение + трава + обжигающее
Стриж	= птица + летающая + небольшая + быстрая
Ласточка	= птица + маленькая + быстрая
Лягушка	= животное + земноводное + прыгает + плавает
Рыба	= животное + водное + дышащее жабрами
Дождь	= природное явление + вода + осадки
Природа	= естественные условия + мир животный + мир растительный

Компонентный анализ позволяет выявить в словах-репрезентантах концепта *природа* ключевые категориальные признаки. Основываясь на выделенных семах, мы можем сравнивать их с теми, которые содержатся в значениях лексем в контексте. Многие компоненты значений будут совпадать, однако возможно и приращение дополнительного смысла. Например, сравним значение слов *вода* в словаре и в тексте:

1) Вода = жидкость + бесцветная + стихийная

2) Вода = жидкость + бесцветная + стихийная + шумящая («Опять на верхнем мысу бойко зашумела вода, скатываясь по речке на две стороны») [7].

Из этого можно сделать вывод, что слова-репрезентанты концепта *природа* в художественном тексте имеют более развернутое значение в отличие от словарных дефиниций, характеризующихся универсальным набором сем.

В процессе анализа на примере минимального контекста можно проследить особенности вербализации концепта *природа*. Данный концепт представлен преимущественно лексическими единицами, обозначающими водное и земное пространство. Это объясняется темой всего произведения – «противостояние природных стихий *земли* и *воды*». Кроме того, в тексте встречается и номинант концепта – лексема *природа*. В целом можно заключить, что концепт *природа* представлен другими номинантами, что составляет его разнообразие.

Для более полного представления о концепте *природа* необходимо обращаться к максимальному контексту, то есть к целому тексту произведения, и анализировать все слои в структуре концепта. Средствами вербализации концепта *природа* могут выступать не только имена существительные, но и другие части речи, а также словосочетания.

Литература

1. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь тезаурус / Н.С. Болотнова. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е изд. – Москва: Академический проект, 2004. – 992 с.
3. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
4. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология; под. ред. проф. В.П. Нерознака. – Москва, 1997. – С. 280–287.
5. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
6. Толковый словарь русского языка: в 4-х т.; под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: Государственный институт Советская энциклопедия, 1935–1940. – [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике, 2000. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/789778> (дата обращения: 4.05.18).
7. Распутин, В.Г. Прощание с Матерой. Повесть. – Москва: Изд-во "Молодая гвардия", 1980. – [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.ru/PROZA/RASPUTIN/matera.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 22.04.19)
8. Толковый словарь Даля. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 22.04.19).
9. Толковый словарь Ефремовой. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 22.04.19).
10. Толковый словарь Ожегова. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 22.04.19).

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ 6-ГО КЛАССА
НА ЗАНЯТИЯХ ПО ВНЕКЛАССНОМУ ЧТЕНИЮ**

**FORMATION OF LINGUOCULTURAL COMPETENCE
OF THE 6TH LEVEL PUPILS AT CLASSES OF HOME READING**

Е.М. Чернышева

Научный руководитель: С.М. Карпенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: компетентностный подход, внеклассное чтение, лингвокультурологическая компетенция, фразеологизм, символ, образ.

Key words: competence approach, extracurricular reading, linguocultural competence, phraseologism, symbol, similitude.

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся на занятиях по внеклассному чтению в средней школе. На основе анализа повести О. Громовой «Сахарный ребёнок» выделены лингвокультурологические единицы, анализ которых рассматривается как способ формирования лингвокультурологической компетенции.

В настоящее время, в связи с внедрением Федерального государственного образовательного стандарта общего образования [1] в школьное образование, большое внимание уделяется формированию у обучающихся компетенций не только в процессе работы на уроке, но и на занятиях внеклассного чтения. Внеклассное чтение дает возможность изучать произведения, входящие в школьную программу, а также другие, в которых отражены культурные и языковые особенности народа, и определяется как «особый раздел обучения детей чтению, целью которого является выработать привычку, а затем потребность самостоятельно, осмысленно выбирать книги для чтения» [2, с. 103]. Одной из основных целей учителя является всестороннее развитие личности обучающихся, формирование навыков осмысленного чтения текстов и расширение кругозора школьников. Решать эту задачу можно на занятиях по внеклассному чтению.

По мнению некоторых исследователей (В.И. Байденко [3], А.В. Хуторской [4], И.А. Зимняя, В.В. Краевский [5] и др.), для формирования личности необходимо осознание ею себя как части определённого культурного пространства и как гражданина своей страны, что может быть реализовано при опоре на компетентностный подход в образовании, являющийся в настоящее время приоритетным в соответствии с требованиями ФГОС. Одним из важнейших критериев обучения родному языку является понимание школьниками специфики родного языка и культуры

своей страны, что является основой лингвокультурологической компетенции.

Лингвокультурологическая компетенция определяется как: «естественное владение языковой личностью процессами речепорождения и речевосприятия, владение установками культуры» [6, с. 30]. В.В. Воробьев отмечает, что лингвокультурологическая компетенция позволяет глубже понять природу культурного смысла, закрепляемого за определенным языковым знаком [7]. На наш взгляд, наиболее точное определение «лингвокультурологической компетенции» предложено Г.В. Токаревым. Учёный утверждает, что лингвокультурологическая компетенция заключается «в умении видеть и интерпретировать языковые факты в контексте той или иной культуры, которое можно назвать культурной референцией. Знание культурных коннотаций слова, умение учесть эти коннотации в акте коммуникации указывают на сформированную языковую и коммуникативную компетенции. Умение же увидеть данное явление, объяснить причины появления коннотаций составляет суть лингвокультурной компетенции» [8, с. 49–50]. В настоящее время принято разделять лингвокультурологическую и языковую компетенции: «человек может знать язык, но не владеть связанным с ним культурным кодом, не уметь интерпретировать факты языка в категориях культуры» [там же, с. 49].

Л.Г. Саяхова предлагает структурировать лингвокультурологическую компетенцию следующим образом: 1) лингвистическая компетенция (теоретические знания о языке); 2) языковая компетенция (практическое владение языком); 3) коммуникативная компетенция (использование языка в соответствии с ситуацией общения, навыки правильного речевого поведения, область речевого этикета); 4) культурологическая компетенция (вхождение в культуру изучаемого языка, преодоление культурного барьера в общении, навыки адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации) [9]. Итак, лингвокультурологическая компетенция включает в себя перечисленные компетенции и для её формирования необходимо развивать языковую, коммуникативную и культурологическую компетенции.

Целью данной статьи является разработка способов формирования лингвокультурологической компетенции учащихся 6-го класса на занятиях по внеклассному чтению. Считаем, что это можно делать на основе анализа лингвокультурологических единиц в изучаемых произведениях.

В.А. Маслова предлагает следующую классификацию лингвокультурологических единиц: слова, служащие для описания лингвострановедения (слова и выражения из русской классики, политические лозунги, цитаты из «классической литературы» и др.); мифологизированные языковые единицы (архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закреплённые в языке); пословицы и поговорки, связанные

с культурой народа; фразеологизмы; стереотипы, эталоны, символы; метафоры и образы; стилистические особенности языка; представления о речевом поведении человека; этикетные формулы [6]. Учитывая данную классификацию, проанализируем произведение О.Е. Громовой «Сахарный ребенок» [10] в аспекте развития лингвокультурологической компетенции обучающихся 6-го класса на занятиях по внеклассному чтению.

В произведении описываются события 30-х годов XX века. В одной из московских квартир проживает семья, в которой арестовывают отца, а затем его дочь Стеллу и жену ссылают в г. Фрунзе за то, что они являются родными «врага народа».

Обучающимся даётся задание выписать фразеологизмы, пословицы и поговорки, лозунги, часто повторяющиеся образы, которые встретились в тексте. Затем предлагается объяснить, как они поняли данные выражения и оформить часто повторяющиеся образы в виде коллажей. При работе с текстом необходимо обратить внимание на следующие лингвокультурологические единицы: «зарубить себе на носу», «несгибаемая воля», «стальная выдержка», «железный характер», «ходит дрема возле дома», «враг народа», «конь», «молочная река, кисельные берега», «везут на Колыму», «камень с души свалился», «глаза бы мои ни на что не смотрели», «белый свет не мил», «легкая рука» и др. Рассмотрим значение некоторых из приведённых лингвокультурологических единиц.

«Враг народа» – это политический термин, обозначавший человека, обвиняемого или подозреваемого в антисоветской деятельности во времена СССР. Данное выражение впервые появилось во Франции в конце XVIII в., однако через некоторое время было заимствовано большевиками [11]. Во времена И.В. Сталина «врагами народа» стали называть тех, кто был не согласен с идеями партии. Позже обвинению мог подвергнуться любой человек, заподозренный в нелояльном отношении к советской власти, в шпионаже или вредительстве. Этим людей арестовывали, некоторых из них расстреливали. Жен и детей ссылали, имущество изымали. Данное выражение можно отнести к группе *лингвострановедение*.

В произведении используются устойчивые сочетания, относящиеся к *фразеологическому фонду языка*. При объяснении их значения важно не только обращаться к фразеологическим словарям, но и анализировать контекст их употребления. Устойчивое сочетание «заруби себе на носу» появилось в то время, когда грамотность населения была низко развита, а торговцам нужно было делать пометки, подсчеты, для этого в обиходе стали появляться дощечки, которые назывались «носы». На этих дощечках делались зарубки [12]. Данное сочетание в произведении используется с негативной коннотацией. Эти слова произносятся конвоиром, когда он хлещет девочку по спине только за то, что она подошла слишком близко к изгороди из колючей проволоки, засмотревшись на танец жеребенка. Сочетание «молочная река кисельные берега» имеет значение «сказочное

изобилие чего-либо» и дает характеристику жизни говорящего как обеспеченной, беззаботной, сытой, что мы и видим в начале романа О. Громовой «Сахарный ребенок». За ужином Стелла со своими родителями соревнуется в том, у кого в тарелке получится лучше молочная река среди кисельных берегов: *«В глубоких тарелках с крутым ярким ягодным киселём и налитым по краям молоком нужно «пропружать», прокладывая русла для молочных речек в кисельных берегах»*. Этот эпизод показывает, что семья обеспечена, живет благополучно и ни в чем не нуждается. Используется в повести и фразеологизм «белый свет не мил». Сочетание «белый свет» понимается как мир (в значении «земля») – все, что окружает человека. Фразеологизм имеет значение – угнетенное состояние души человека, когда ему ничто уже не радует. Выражение «жив курилка» употребляется по отношению к людям, которые куда-то пропали, исчезли, а позже возобновили свою деятельность [12]. Сочетание имеет шутивную окраску и употребляется в повести с целью подбодрить девочку в сложной ситуации: *«Опустившись на лавку рядом, взъерошила мне волосы и, глубоко вздохнув, тихо и очень властно сказала:*

– Сейчас за нами придут. Будет противно и страшно. Молчи, не плачь, не бойся и не задавай никаких вопросов. – И, улыбнувшись мне, спросила: – Жив-жив, курилка?

– Жив-жив! – ответила я и невольно распрямила плечи, вздёрнув подбородок».

Появление фразеологических единиц может быть подготовлено предшествующим контекстом. Так, при характеристике мамы Стеллы используются устойчивые сочетания «несгибаемая воля», «стальная выдержка», «железный характер», значения которых понятны читателю по предшествующему описанию: *«За всю свою жизнь (а умерла мама в семьдесят два года) я ни разу не слышала, чтобы она повысила голос, и никогда не видела слёз у неё на глазах. И когда, много позже, я встречала в книгах штампы типа «несгибаемая воля», «стальная выдержка», «железный характер», я твёрдо знала, что это как раз про неё»*.

Несколько раз в тексте встречается образ коня, который в анализируемом произведении имеет символическое значение. Сначала это игривый конь, которого подарили девочке. Далее Стелла видит коня, резвящегося на поляне за тюремным ограждением. Ещё одно упоминание о коне: мама читает дочери наизусть отрывки из баллады А.В. Толстого «Василий Шибанов» [13]. Конь символизирует удачу, благополучие, свет [14]. С данным образом в славянской мифологии связывают смену дня и ночи. Люди считали, что солнце по небесным просторам движет колесница, запряженная лошадьми. С образом лошади связывали и различные суеверия. В произведении в первом случае образ коня предстает как источник радости, счастья. В другом эпизоде образ коня изображён контрастно по сравнению с положением девочки: он может резвиться на

свободе, а она находится за колючей проволокой. Однако свободно резвящийся конь не вызывает у Стеллы негативных эмоций, она радуется вместе с ним: *«Мы оба радовались солнцу и степному простору, хотя и по разные стороны проволоки»*. Третий раз образ коня приводится как пример интертекста, который отсылает нас к XVI веку – времени правления Ивана Грозного. Василий Шибанов – это раб князя Курбского, который отдаёт своего коня князю, спасающемуся от царского гнева. Но, по мнению девочки и ее мамы, Василий Шибанов – раб только в телесном плане, душа же его чиста и свободна: *«– Как ты думаешь, Шибанов – раб? – Н-н-нет. Наверное, нет. Конечно нет. – Ты правильно почувствовала. У него душа свободного человека, хотя телом он раб»*.

В тексте встречаются названия атрибутов советского времени, например, красный флаг: *«Как потом рассказывала мама, я открыла глаза, увидев военных, продекларировала: «Есть у нас красный флаг, он на палке белой; понесёт его в руках тот, кто самый смелый»* (стихи из последнего «Мурзилки») – и тут же заснула». Красный флаг символизирует революционную борьбу, кровь, пролитую за права рабочих. В тексте имеет значение – атрибут смелости, отваги. В повести используются отсылки к другим текстам, сюжеты из которых рассказывает Стелле её мама: *«А вечерами мама по-прежнему рассказывала мне истории – уже не сказочные, а настоящие. Про отважных капитанов, верных присяге и стоявших на мостике, когда их корабли уходили под воду, не спуская флага. Про Жанну д'Арк, сожжённую на костре, про Коперника и Галилея. Про декабристов и их жён. Про моих прапрадедов, бывших со времён Петра I артиллерийскими офицерами, про прапрабабушек – фрейлин Её Императорского Величества. Про честь и мужество, верность долгу и Родине»*. Знакомство с именами представителей науки, культуры, истории – Жанны д'Арк, национальной героини Франции; Николая Коперника, польского астронома, математика; Галилея, основателя экспериментальной физики; Петра I, российского императора, будет способствовать расширению кругозора и формированию лингвокультурологической компетенции обучающихся.

Чтобы учащиеся смогли переосмыслить полученные знания и закрепить их, в качестве домашнего задания им предлагается написать сочинение на тему «Свобода».

Мы считаем, что данная работа поможет расширить кругозор школьников в области истории, литературы, культуры и обогатит их словарный запас, это позволит им в дальнейшем при написании сочинений по русскому языку и литературе. Таким образом, интерпретация лингвокультурологических единиц на занятиях по внеклассному чтению будет способствовать формированию лингвокультурологической компетенции обучающихся.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. – Москва: Просвещение, 2010. – 41 с.
2. Сеннова, И.А. Внеклассное чтение как способ формирования читательской компетентности / И.А. Сеннова, О.Р. Мусина, М.А. Ксенофонтова // Проблемы педагогики: научно-методический журнал. – Санкт-Петербург. – 2018. – № 2 (34). – С. 103–105.
3. Байденко, В.И. Выявление состава компетенций выпускников вызов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методическое пособие / В.И. Байденко. – Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 72 с.
4. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А.В. Хуторской // Народное образование. – 2004. – № 4. – С. 135–157.
5. Краевский, В.В. Основы обучения: дидактика и методика: учеб. пос. для студентов вузов / В.В. Краевский, А.В. Хуторской. – 2-е изд., стер. – Москва: Академия, 2007. – 352 с.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В.А. Маслова ; отв. ред. У.М. Бахтикиреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2018. – 208 с.
7. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: (Теория и методы) / В.В. Воробьев. – Москва: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
8. Токарев, Г.В. Лингвокультурология / Г.В. Токарев. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2009. – 136 с.
9. Саяхова, Л.Г. Лингвокультурологический потенциал образования (русский язык) Российский гуманитарный журнал / Л.Г. Саяхова. – 2015. Том 4. – № 2. – С. 108–115.
10. Громова, О. Сахарный ребенок. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://knigogid.ru/books/525609-saharnyy-rebenok/toread/page-1> (дата обращения: 25.03.2019 г.).
11. Раймон, А. Демократия и тоталитаризм / А. Раймон; перевод с французского Г.И. Семенова. – Москва: Лит.-изд. студия «Риф». – 1993. – 301 с.
12. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – Москва: Астрель: АСТ, 2008. – 249 с.
13. Толстой, А.К. Сочинения в 2-х т. / А.К. Толстой. – Москва: Художественная литература, 1981. – Т. 1. Стихотворения. – 674 с.
14. Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. – Электронный ресурс. – URL: [https://megabook.ru/article/Лошадь%20\(конь\)%20\(символ\)](https://megabook.ru/article/Лошадь%20(конь)%20(символ)) (дата обращения: 4.04.2019 г.).

МЕДИАДИСКУРС И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

УДК 372.881.161.1
ГРНТИ 14.25.09

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРЕДАЧИ «ГОВОРИМ ПО-РУССКИ» В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА

USING OF THE LINGUO-DIDACTIC POTENTIAL OF BROADCAST PROGRAMME “SPEAK RUSSIAN” TO FORM STUDENTS LINGUISTIC PERSONALITY

Ю.Б. Извекова

Научный руководитель: А.В. Болотнов, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: языковая личность, лингвокультурологическая компетенция, потенциал «Говорим по-русски», дидактика.

Key words: linguistic personality, linguocultural competence, potential “Speak Russian”, didactics.

Аннотация. В данной статье раскрывается лингводидактический потенциал передачи «Говорим по-русски». Выделяются и описываются характерные особенности данной передачи, в рамках которой представлен дидактический материал для практикующих учителей. Подчеркивается значимость научно-популярной передачи и ее актуальность.

В последнее время интерес к изучению языковой личности возрос не только в лингвистических науках, но и в психологии, философии, лингводидактике. Под языковой личностью понимается совокупность способностей и характеристик человека, которые различаются: а) «степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [1, с. 245]. Прежде всего, под языковой личностью понимают человека как носителя языка, его оценивают со стороны его способности к речевой деятельности, которая заключается в психофизических свойствах индивида, позволяющих ему производить и воспринимать речевые тексты. Языковую личность рассматривают как национально-культурный прототип носителя определенного языка, который «основывается на мировоз-

зренческих установках, ценностных приоритетах и поведенческих реакциях, отраженных в словаре» [2].

Языковая личность, по мнению Ю.Н. Караулова, отражает три структурных уровня. Первый уровень – вербально-семантический – раскрывает степень овладения языком, характеризуется тем, что этот уровень предполагает нормативную готовность к устной речи, каллиграфии и владению нормами орфографии. Человек готов дать определение используемым понятиям, отыскать и переработать необходимую информацию в тексте, а также «придать высказыванию модальную окрашенность» [1, с. 60]. Второй уровень – тезаурусный, отражает способность человека к анализу текста, «к развернутой аргументации, а также готовности к импровизации и оценочной передаче содержания чужой речи» [1, с. 61]. Третий – высший уровень – прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих речемыслительной деятельностью языковой личности [1, с. 61].

Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются «вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Таким образом, языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей» [3, с. 38]. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения.

На уроках русского языка развитие языковой личности – одно из приоритетных направлений в условиях модернизации образования. ФГОС «направлен на всестороннее развитие личности обучающегося на основе усвоения универсальных учебных действий» [4]. Преподавание русского языка нацелено на развитие коммуникативной компетенции, связанной с лингвокультурологической компетенцией, характеризующей речевое поведение человека.

Предметом нашего исследования является передача «Говорим по-русски» на радиостанции «Эхо Москвы». Это передача-игра, посвященная русскому языку и его особенностям. Данная программа рассказывает о проблемах и трудностях изучения русского языка. Передача транслируется на Youtube-канале «Эхо Культура». В каждом выпуске рассматривается одна из значительных или вызывающих непрерывное внимание тем с гостем-экспертом. В центре внимания оказываются и «перлы» недели, и «слово недели», которое определяется с помощью голосования. Ведущие передачи Ольга Северская – кандидат филологических наук, журналист радиостанции «Эхо Москвы» и Оксана Пашина – журналист «Эха Москвы». Ведущие и гости программы затрагивают разные темы, ориентированные на современный русский язык. Материал передачи «Говорим по-русски» будет полезен не только учителям для сбора

дидактического материала, но и школьникам для повышения их общего культурного уровня. Тематика передач за последние месяцы была представлена в следующих направлениях: рассматривались вопросы культуры речи, риторики, орфоэпии, словообразования.

Эта передача полезна учителям русского языка для пополнения дидактического арсенала и повышения их культурно-методического уровня.

В эфире от 17 марта 2019 г. гостьей программы была Е.Н. Басовская, заведующая кафедрой медиаречи РГГУ, которая рассмотрела тему подвижности ударения. В современном русском языке «очень много вариантов произношения и довольно часто словари указывают на то, что слово можно произнести двояко», – отметила Е.Н. Басовская. Не случайно языковая культура школьника строится на примере тех, кого он слышит: учителей, родителей. Речь, транслируемая с экранов телевизоров, радио, становится активным стимулом для подражания. СМИ в настоящее время, в отличие от прошлых лет, «настроены на живое непринужденное общение, а также значительное расширение круга лиц, допущенных к эфиру» [5]. Это серьезно расшатало акцентные нормы русского языка [6, с. 145]. Басовская Е.Н. призывает следить за историческими акцентными изменениями и грамотно доносить это учащимся.

Тема ударения всегда была важной и неотъемлемой частью на уроках русского языка в разных классах. Не случайно в итоговой аттестации в 11 классе один из вопросов посвящен правильной постановке ударения. Материал передачи позволит систематизировать знания учащихся по разделу «Орфоэпия», раскрыть роль правильного литературного произношения и ударения в устном общении, а также поможет усвоить литературные варианты произношения ряда слов и раскрыть смысловозначительную роль ударения.

В радиоэфире от 10 марта 2019 г. приглашенный гость О.В. Никитин, профессор Московского государственного областного университета, посвятил свое выступление лексикографии, роли словарей русского языка в формировании культуры речи современного человека. На примере «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова автор наглядно продемонстрировал историческую ценность данного издания, показал историю создания словаря и рассказал о задачах, которые стояли перед разработчиками. «К середине 20 века не было ни одного однотомного нормативного толкового словаря русского языка, который был бы рассчитан на широкий круг читателей», – сообщил О.В. Никитин. Некоторые факты из его рассказа могут быть интересны школьникам. В частности, то, что еще до войны под воздействием словарных идей сложился коллектив, в который вошли Д.Н. Ушаков, Г.О. Винокур, С.И. Ожегов, а также некоторые политические редакторы того времени. Предполагалось, что словарь будет содержать 60 000 слов и его закончат к 1942 году. Начавшаяся война оставила Ожегова одного, и в послевоенные годы он возоб-

новил собирательную деятельность. О том, насколько тяжелый труд был положен для создания такого словаря, можно судить по тому, что большинство «делалось вручную, читалось огромное количество журналов, газет, произведения советских и русских писателей». Важно, что на сегодняшний день словарь С.И. Ожегова является настольной книгой для большинства людей [7].

На уроках русского языка знакомство со словарями начинается еще в начальной школе, и эта работа требует определенных умений и усидчивости. В старших классах работа со словарями необходима не только в рамках изучения тем по лексике и лексикографии, а также при выполнении исследовательских работ. На уроках задания могут содержать следующие формы: подготовка доклада одним из учащихся, работа со словарной статьей (как групповое, так индивидуальное задания). На уроках, посвященных теме «Лексикография», данный материал будет полезен при формировании у учащихся личностных компетенций, а именно для формирования уважительного отношения к родному языку и знанию истории языка.

В передаче от 3 марта 2019 г. И. Фуфаева, научный сотрудник лаборатории социалингвистики Института лингвистики РГГУ, затронула тему окказионализмов и экспрессивности в речи. Несомненно, эта тема актуальна в современном обществе, потому что речевая деятельность человека стимулируется новыми социально-политическими процессами в стране. Именно поэтому обращение «к оценочным речевым средствам в какой-то мере удовлетворяет потребностям в ярком, эффективном и эффектном словоупотреблении» [6, с. 204]. Как пояснила И. Фуфаева, окказиональные словообразования «привлекают своей нестандартностью, неожиданностью, оригинальностью» [8].

Окказиональная лексика на уроках русского языка не рассматривается, т.к. это не предусмотрено программой. Материал, который затрагивается в этом эфире, будет полезен при проведении элективных курсов по русскому языку в рамках темы «Лексикология и словообразование» и будет дополнительным инструментом для углубленного изучения школьниками при написании исследовательских проектов.

В другой передаче от 8 июля 2018 г. И. Фуфаева подняла вопрос об истории словообразовании и пояснила, как одни слова при помощи суффиксов или вытесняют старые слова, или относят их в разряд слов с другим лексическим значением. Неслучайно эта тема актуальна в современном образовании, поскольку словообразование тесно связано с другими уровнями языковой системы – морфологией, синтаксисом, лексикой, т.к. результатом словообразовательных процессов является появление новых слов [9].

Тема «Словообразование» рассматривается в разных классах, начиная с 5-го, где школьники знакомятся с основными способами словообразования.

На протяжении всего курса обучения тема дополняется новыми терминами и понятиями. Эфир этой передачи будет полезен на всех этапах урока, начиная со знакомства с новой темой, обобщения и закрепления материала. От учителя зависит, в какой момент будет удобно использовать эту информацию. Задания на уроках могут быть следующими: выявить связь значения корня с лексическим значением слова, обобщить сведения о морфемах, повторить способы словообразования слов. На элективных курсах, посвященных теме «Этимология», эта передача позволит раскрыть историю слова и поможет учащимся развить языковое чутье.

Практикующему учителю будет полезна данная подборка материала, т.к. это связано с активными процессами в системе современного русского языка. Материал программы «Говорим по-русски» разнообразен, в статье была предпринята попытка дать описание некоторых новых явлений в языке, которые необходимо знать в образовательной деятельности. Инновационное образование не стоит на месте, следовательно, стоит задуматься о расширении дидактической базы путем привлечения дополнительных источников информации.

Литература

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов – М.: Наука, 1987. – 263 с.
2. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1 – С. 64–72.
3. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. учеб. заведений / В.А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. М.: Просвещение, 2010. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 17.03.2019).
5. Говорим по-русски. В гостях Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, заведующая кафедрой медиаречи РГГУ. 17 марта 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Qq5FMKq5Epc&index=1&list=PL9O2rDQ6fKU9MvhaFdX3hKoFSEj00kH0b> (дата обращения: 17.03.2019).
6. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина.– Москва: Логос, 2003. – 304 с.
7. Говорим по-русски. В гостях О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор Московского государственного областного университета. 10 марта 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZMv_ThkbO7w&index=2&list=PL9O2rDQ6fKU9MvhaFdX3hKoFSEj00kH0b (дата обращения: 15.03.2019).
8. Говорим по-русски. В гостях И. Фуфаева, научный сотрудник лаборатории социолингвистики Института лингвистики РГГУ. 03 марта 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HNVNzVefdew&list=PL9O2rDQ6fKU9MvhaFdX3hKoFSEj00kH0b&index=3> (дата обращения: 10.03.2019).
9. Говорим по-русски. В гостях И. Фуфаева, научный сотрудник лаборатории социолингвистики Института лингвистики РГГУ. 08 июля 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HNVNzVefdew&list=PL9O2rDQ6fKU9MvhaFdX3hKoFSEj00kH0b&index=3> (дата обращения: 10.03.2019).

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ДМИТРИЯ КИСЕЛЁВА

SPEECH PORTRAIT OF DMITRY KISELYOV

К.Е. Клышова

Научный руководитель: Н.С. Болотнова, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: речевой портрет, вербальное и невербальное поведение.

Key words: speech portrait, verbal and nonverbal behavior.

Аннотация. Статья посвящена анализу индивидуального речевого портрета публичной языковой личности журналиста Дмитрия Киселёва. Выявлены некоторые речевые особенности данной языковой личности и специфика невербального поведения.

Понятие о речевом портрете. Речевая деятельность человека, выполняющая коммуникативную функцию, также характеризует личность с точки зрения уровня образованности, грамотности, этичности. То есть произведённые человеком тексты в совокупности использованных в них системных средств языка отражают особенности видения им окружающей реальности и ее восприятия. Большое значение имеет и невербальная характеристика человека: внешность, одежда, мимика, жесты, голос, интонация, темп, паузы в речи. Дополняя речь, невербальные сигналы определяют имидж личности и ее отношения с социумом. Речевой портрет – это «комплексная характеристика речи отдельной (индивидуальной) или коллективной языковой личности, включающей в себя детальное описание речевых особенностей на всех уровнях языковой компетенции, с учетом специфики речевого поведения, особенностей личных (психологических) и профессиональных (социальных) параметров...» [1, с. 561]. То есть индивидуальный речевой портрет – это совокупность вербальных и невербальных особенностей, присущих человеку.

Рассмотрим речевой портрет конкретной личности – Д.К. Киселева. Телеведущий и журналист Дмитрий Константинович Киселев является генеральным директором российского международного информагентства «Россия сегодня», заместителем директора ВГТРК. Следует отметить, что его речевое поведение уже было объектом рассмотрения в статьях А.А. Каширина [2–3], но в другом аспекте – коммуникативно-прагматическом.

Краткая биография. Журналист родился в Москве в 1954 году, закончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. После путча 1991 года стал ведущим программы «Время» и «Международная панорама». За десятилетие (до 2000 гг.) вел различные

передачи на «Первом канале» и «ТВЦ»: «Окно в Европу», «Час пик», «Национальный интерес» и т.д. Затем 5 лет (до 2006 г.) жил на 2 страны – Россия и Украина, совмещая работу на российском и украинском телевидении: был ведущим программ «Подробно с Дмитрием Киселёвым», «Факти», «Утренний разговор», «Авторитет». Во время выборов на Украине Д. Киселев поддерживал кандидатуру В. Януковича.

В 2006 году по окончании контракта Д.К. Киселев возвращается в Москву. С того момента его профессиональная жизнь связана с каналом «Россия»: 3 года он вел ежедневную информационную программу «Вести», «Вести +», 6 лет – общественно-политическое ток-шоу «Национальный интерес». С 2012 г. Дмитрий Киселев является ведущим программы «Вести недели». Д.К. Киселев также известен как создатель документальных фильмов, таких как «СССР: крушение», «Сахаров», «100 дней Горбачёва» и др. [3].

Взгляды Д. Киселева. Он является горячим сторонником существующей власти, политического режима в РФ. Вот одна из его цитат: «Президент оказался в положении отца семейства, который, видя чумазных детей, спрашивает себя: этих помыть или новых сделать? Не разбрасываясь людьми, Путин решает помыть этих и назначил каждому министру персональное свидание» [4]. А его критические высказывания по поводу внутренней и внешней политики других стран отличаются категоричностью. Например, его высказывания «Украины нет. Теперь это виртуальное понятие, виртуальная страна» [5]; «Россия – единственная страна в мире, способная превратить США в радиоактивный пепел» [6] получили неоднозначную оценку общественности.

Невербальная характеристика. Для анализа речевого портрета Дмитрия Константиновича Киселева были использованы фото- и видеоматериалы, размещенные в свободном доступе сети Интернет. Для создания образа человека, особенно публичной персоны, важную роль играет его визуальная характеристика: «Среди каналов, по которым человек посылает информацию о себе, немалое значение имеет его внешний вид и одежда» [2, С. 286]. Д. Киселев среднего роста (177 сантиметра), имеет эндоморфный тип телосложения, респектабельную внешность. Фирменным знаком имиджа Киселева стали темные классические костюмы, белые рубашки и яркие галстуки, которые всегда правильно завязаны (плотно, под воротник рубашки). Именно так выглядит журналист, когда ведет программу «Вести недели». Мимические проявления Д. Киселева сдержанны, чаще всего мы можем наблюдать выражение сосредоточенности и вежливую улыбку на лице, уверенный взгляд с небольшим прищуром. Жестикауляция Киселева создает впечатление однообразия, вероятно, из-за того, что имеет закрепленную зону действия и интенсивность: руки всегда находятся ниже уровня груди, движения руками неизменно плавные, размеренные. В зависимости от конкретной ситуации речи же-

сты могут быть закрытыми (например, в передаче от 10.03.19 г., рассказывая о смерти В. Этуша, Киселев складывает ладони) или открытыми (например, простёртые к зрителям ладони, их вертикальное или горизонтальное движение). Закрепляют невербальный облик журналиста проксемические проявления – он медленно передвигается по студии. Темп речи у него размеренный, ровный, с редкими паузами для привлечения внимания аудитории и создания интриги и искусственными запинаниями – едва заметными заминками, которые придают черты реальности и искренности. Д. Киселев выделяет интонационно важную информацию, имена собственные, оценочные выражения. Тембр голоса Д. Киселева достаточно низкий, что благотворно влияет на восприятие зрителей, т.к. высокий голос у мужчины-ведущего создает неприятное впечатление у аудитории.

Таким образом, невербальные проявления не содержат каких-то явных признаков стресса, нервозности и беспокойства, поэтому нам в глаза не бросаются сомнительные моменты, и интуитивно нам такое поведение представляется уверенным и спокойным.

Речевая характеристика. Рассмотрим особенности речи Д. Киселева на материале программы «Вести недели» от 10.03.2019 г. [10]. Речь журналиста грамотная, но парадоксальным образом сочетает в себе кодифицированные и некодифицированные единицы. Например, наряду с книжными словами и словосочетаниями *дистанцируется, силовые методы, приобретение недвижимости, главный ресурс*, использованы жаргонные выражения Порошенко «просел», «прослушка», «крышевал», «серые» бизнес-схемы. В его речи присутствует яркая оценочность, образность, которая обеспечивается за счёт применения:

- разговорных слов и устойчивых выражений: приспособленец, доносчик, посадил (в тюрьму), смешил до слез, хуже некуда, чемоданное настроение, лыжи наострил, хоть отбавляй;
- [художественно-] выразительных средств: роковой день, кровавый захват власти, свежие прогнозы, нечестная борьба (эпитеты); популярность откатилась, грязно зарабатывал, экономику провалил, СБУ прогнила, кошелек Порошенко (о Фролове) (метафоры); как Мидас, как зайца, как перелом (сравнения), Порошенко мучает жажда, жажда власти (ирония).

Использование данных средств повышает градус эмоциональности речи ведущего и позволяет ему более продуктивно воздействовать на зрительскую аудиторию.

Д. Киселев употребляет в речи сложные и осложненные простые предложения. Например: «В понедельник общероссийский народный фронт подвел первые итоги масштабной кампании по контролю реализации, так называемой, мусорной реформы, поговорим о них буквально через минуту» (сложносочиненное, распространенное предложение).

Такие предложения помогают ведущему выразить всю полноту своих мыслей. Простые нераспространенные предложения встречаются крайне редко. Например, говоря о крушении самолета в Эфиопии, Киселев произносит: «Выживших нет», передавая этой короткой синтаксической конструкцией скорбь по погибшим. Частотность вводных словосочетаний («так называемый», «собственно говоря», «безусловно» и др.) объясняется тем, что Д. Киселев стремится выразить собственную позицию, степень уверенности в ней.

Таким образом, речевой портрет Дмитрия Константиновича Киселева интересен своим многообразием и неоднозначностью. Несовпадение хлестких словесных характеристик и статичной мимики, однообразных жестов рождает противоречивый образ тележурналиста Киселева. А его негативные оценочные высказывания способствуют пополнению рядов его недоброжелателей. Так, по словам журналистов «The Economist», стиль выступления этого человека направлен «на возбуждение и мобилизацию аудитории, разжигание ненависти и страха», он напоминает «оруэлловские двухминутки ненависти, протяжённостью по полчаса» [7]. Однако эта оценка, на наш взгляд, слишком жесткая и является ответом на едкие комментарии Киселева, направленные против политики некоторых зарубежных стран. Но нельзя не отметить, что объективность изменяет журналисту при освещении некоторых вопросов: например, в передаче «Вести недели» от 10.03.19, которая явилась материалом для данного анализа, рассказывая о смерти Этуша, о «мусорной реформе» и т.д., речь Киселева остается в рамках языковой нормы, им используется общеупотребительная нормированная и книжная лексика. А когда журналист обращается к теме Украины, Порошенко или к сюжету о сексуальных меньшинствах (эпизод об Аннегрэт Крамп-Карренбауэр), в его речи появляются негативно окрашенные слова, жаргонные выражения. Таким образом, речевой портрет демонстрирует, что это образованный, грамотный человек, но вот беспристрастным аналитиком его трудно назвать.

Литература

1. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2012. – 882 с.
2. Каширин, А.А. Критерии коммуникативно-прагматического анализа индивидуального медиадискурса тележурналиста-ведущего итоговой информационно-аналитической программы / А.А. Каширин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 9 (150). – С. 70–75.
3. Каширин, А.А. Особенности индивидуального медиадискурса журналиста Д. Киселева (на материале программы «Вести недели» // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2015. – Вып. 6 (159). – С. 143–147.
4. Деловая этика / авт.-сост. В.К. Трофимов. – Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2016. – 352 с.

5. Киселёв, Дмитрий Константинович. Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Киселёв,_Дмитрий_Константинович (дата обращения: 06.04.19).
6. Путин будет строго следить за исполнением указов. Вести.Ru. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1083662> (дата обращения: 05.04.19).
7. Дмитрий Киселев: «Теперь Украина – виртуальная страна, а наш портал настоящий!». Republic. Режим доступа: <https://republic.ru/posts/1/1097998> (дата обращения: 05.04.19).
8. Дмитрий Киселев: Россия способна превратить США в радиоактивный пепел. Фон-танка.ру. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2014/03/17/030/> (дата обращения: 05.04.19).
9. 1984 in 2014. The Economist. Режим доступа: <https://www.economist.com/europe/2014/03/29/1984-in-2014> (дата обращения: 05.04.19).
10. «Вести недели» от 10.03.2019 Режим доступа: <https://videoface.ru/video/polit/vesti-nedeli-s-dmitriem-kiselevym-10-03-2019.html> (дата обращения: 01.04.2019).
11. Дмитрий Константинович Киселев. Вики-цитатник. Режим доступа: https://ru.wikiquote.org/wiki/Дмитрий_Константинович_Киселёв (дата обращения: 04.04.2019).

УДК 811.161.1'38'44
ГРНТИ 16.21.55

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТИЕМ А.А. ВЕНЕДИКТОВА МАССОВЫМ АДРЕСАТОМ

FEATURES OF PERCEPTION OF INTERVIEW WITH PARTICIPATION BY A.A. VENEDIKTOV MASS ADDRESS

Ю.К. Кондратец

Научный руководитель: Н.С. Болотнова, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: медиадискурс, языковая личность журналиста, прагматика медиатекста.

Key words: media discourse, linguistic identity of a journalist, media text pragmatics.

Аннотация. Статья посвящена актуальной в рамках коммуникативной стилистики проблеме воздействия медиатекстов на массового адресата. Исследование проведено на основе экспериментальной методики с привлечением группы информантов-гуманитариев. В качестве материала информантам были предложены фрагменты интервью А.А. Венедиктова из передачи «Будем наблюдать» на радио «Эхо Москвы».

В связи с растущей ролью СМИ и сети Интернет в последние годы активно развивается медиалингвистика. В развитии медиалингвистики как нового направления в русистике важны исследования ряда ученых: Г.Я. Солганика, В.Г. Костомарова, Л.Р. Дускаевой, Т.Г. Добросклонской, Н.И. Клушиной, Т.В. Чернышовой и др.

В рамках коммуникативной стилистики текста, разрабатываемой в Томском государственном педагогическом университете, проблемы медиалингвистики освещаются рядом исследователей: А.В. Болотновым,

Н.С. Болотновой, Н.В. Камневой, А.А. Кашириным, О.В. Орловой, И.А. Пушкаревой и др.

Термин «языковая личность» активно утверждается в современной лингвистике. Его востребованность, как отмечает Е.В. Иванцова, связана с антропоцентрической направленностью современного языкознания [1, с. 25]. В статье Н.С. Болотновой «Идиостиль публичной языковой личности в аспекте константных и переменных признаков» подчеркивается важность изучения медиадискурса публичной языковой личности, оказывающей воздействие на общество (позитивное, нейтральное или негативное). «Публичная языковая личность в масс-медиа характеризуется повышенной коммуникативной активностью с учетом социальной, общественно-политической, культурной, профессиональной роли, выполняемой в социуме; ориентацией на массового адресата, способностью влиять на его сознание и жизнедеятельность» [2, с. 204]. Медiateкст является отражением когнитивной активности адресанта и его коммуникативного поведения, которое выражается в тщательном отборе регулятивных стратегий и тактик, реализуемых в соответствии с целью автора. Индивидуальный медиадискурс журналиста занимает особое место в коммуникативной среде, поскольку обладает сильным прагматическим (воздействующим) эффектом. Выбор в качестве материала публичного дискурса А.А. Венедиктова обоснован высоким уровнем речевой культуры данной языковой личности и успешным опытом работы в качестве журналиста. А.А. Венедиктов является лидером медиарейтинга самых цитируемых российских журналистов за 2018 год, подготовленного компанией «Медиадиалогия» [3].

В задачи данной статьи входит выявление наиболее частотных и действенных стратегий и тактик, реализуемых в публичной речи А.А. Венедиктова с точки зрения прагматического эффекта, с учетом проведенного эксперимента на восприятие его дискурса.

В качестве гипотезы исследования было взято предположение, что преобладающей над остальными будет являться тактика прямой оценки, так как А.А. Венедиктов занимается освещением информационных поводов; а среди регулятивных средств, значимых для воздействия на аудиторию, особое место отводится лексическому повтору, поскольку, на наш взгляд, это самая элементарная и эффективная форма воздействия на массового адресата.

Информантам в возрасте от 17 до 20 лет, имеющим неполное высшее гуманитарное образование, была представлена выборка фрагментов интервью, в которых наиболее ярко выражены типовые особенности данной языковой личности и представлено многообразие регулятивных стратегий и тактик. Студентам предлагалось определить, какие регулятивные стратегии и тактики, по их мнению, преобладают в данных медиатекстах, какие языковые средства помогают раскрыть языковую лич-

ность журналиста, а также оценить, какое прагматическое воздействие оказывает на них приведенный отрывок интервью. Исследование было проведено на основании опроса 30 информантов-студентов. Всего нами было проанализировано 180 ответов, позволяющих судить об эффективности используемых журналистом лексических регулятивных средств. Большинство опрошенных (27) оказались не знакомы с личностью А.А. Венедиктова.

По мнению большинства информантов, самой частотной регулятивной тактикой, реализуемой в приведенном медиатексте А.А. Венедиктова, главной темой которого стала трагедия в городе Магнитогорске [4], является тактика прямой оценки (18). В качестве пояснения к своему выбору опрошенные приводят следующие фрагменты: 1) *«Поэтому, мне кажется, что на этот раз – поскольку я очень часто занимаюсь освещением таких трагедий – и МЧС сработало неплохо, относительно быстро и точно, и местные власти работали, не покладая рук, отмечу я, и президент прилетел – правильно»,* – 15 раз, 2) *«Было выяснено, что двое маленьких детей были отправлены накануне к бабушке, по счастью»* – 3 раза.

Второе место занимают тактики доверительного общения и предположения – обе отмечены 15 раз. Аргументация, касающаяся выделения информантами тактики доверительного общения, сводится к указанию на обращения: *«Если по этой теме не добрасывать, то я пойду дальше, Сережа?»* (13); *«...ребята, вы еще не разобрали обломки, подождите»* (2). В качестве обоснования тактики предположения информантами были отмечены риторические вопросы: *«Но все ли найдены, все ли фамилии установлены? Это тех, кто жил, а тех, кто не жил, а был в гостях?»* (4 раза) и предположения о числе погибших: *«Вы же не знаете, сколько людей... Там же погибли, например, люди, которые там не жили, которые приехали в гости»* (11).

Затем была отмечена тактика контроля над инициативой – 4 раза: *«Если по этой теме не добрасывать, то я пойду дальше, Сережа? У меня есть еще две темы по Магнитогорску»*; тактика смены сценария: *«Если по этой теме не добрасывать, то я пойду дальше, Сережа? У меня есть еще две темы по Магнитогорску»* (3). Самой малочисленной, по мнению информантов, судя по их ответам, оказалась тактика убеждения – отмечена всего 2 раза: *«...ребята, вы еще не разобрали обломки, подождите. Вы же не знаете, сколько людей...»*.

Показания информантов, касающиеся регулятивных тактик, являются оправданными. Поскольку А. Венедиктов занимается освещением серьезных вопросов, стремится к объективности и логическому обоснованию своих суждений, он относится к рациональному типу языковой личности. Исходя из этого, тактика прямой оценки и тактика предположения, выполняющая функцию прогнозирования, являются для журналиста

типичными. Однако тактика контроля над инициативой, на наш взгляд, является недооцененной, поскольку представлена явно и отражает волевые качества языковой личности. Несмотря на то, что А. Венедиктов занимает позицию интервьюируемого, он стремится быть наравне с ведущим, контролировать ход разговора и направлять его в необходимое русло.

Следующий вопрос информантам, который посвящен языковым средствам, помогающим автору воздействовать на познавательную деятельность адресата, был основан на интервью, главной темой которого стали массовые пищевые отравления в детских садах и школах [5]. В приведенном медиадискурсе информантами 22 раза был отмечен повторяющийся фрагмент *«среди огромного школьного коллектива...»*, однако большинство опрошенных (13) идентифицируют его как повтор, и лишь малая часть (9) – более конкретно как анафору. Вторым по частоте выделения языковым средством стал эпитет *«очень важную»* (14), который, по мнению информантов, помогает сконцентрировать внимание на главном. К наиболее частотным языковым средствам опрошиваемые также относят лексический повтор *«Когда мы пытались собрать эфир по поводу, в принципе, что такое должно быть школьная еда, в принципе»* (9) и парцеляцию, которая прослеживается на протяжении всего фрагмента *«Каждый случай должен прослеживаться отдельно. Если он вырастет в систему, тогда нужно ставить системные вопросы. Но в первую очередь недопущение следующих случаев. Не сокрытие. Я вам расскажу историю очень важную. Когда мы пытались собрать эфир по поводу, в принципе, что такое должно быть школьная еда, в принципе. Потому что среди огромного школьного коллектива есть аллергики. Среди огромного школьного коллектива есть вегетарианцы. Среди огромного школьного коллектива есть ограничения по религиозным историям. То есть, это все должно быть не так просто, как кажется»*. Кроме того, студентами были выделены инверсия (3 раза), синтаксический параллелизм (1 раз) и специальная лексика *«аллергики»* (1 раз). Синтаксический параллелизм в совокупности с парцеляцией и анафорой делает речь автора структурированной, эффективной и простой для понимания.

Фрагмент, который был выбран нами для вопроса, затрагивающего представление о языковой личности автора на основе направленного ассоциативного эксперимента, был взят из упомянутого ранее интервью о массовых пищевых отравлениях [5]. На просьбу охарактеризовать языковую личность А.А. Венедиктова информанты ответили следующими ассоциациями: *серьезный, небезразличный* – обе выделены 4 раза; *с обостренным чувством справедливости, понимающий, сопереживающий, чуткий* – 2 раза; присутствуют единичные ассоциации, также представляющие для нас интерес ввиду своей точности, такие как *волевой,*

мудрый учитель, аккуратный в разговоре, спокойный, рассудительный, внимательный.

Для выделения доминант регулятивности (ключевых регулятивных средств, управляющих познавательной деятельностью адресата) информантам-студентам был предложен фрагмент интервью, информационным поводом для которого послужила трагедия в керченской школе [6]: *«И надо признать, что, изучая биографию, фигуру предполагаемого убийцы, надо отметить, что это очень банальный парень с очень банальной семейной ситуацией и очень банальной ситуацией в колледже. <...> Надо понимать, что эта история банальна, еще раз хотелось бы подчеркнуть. Неполная семья, малообеспеченная семья. Мама – санитарка в онкологическом центре. Понимаешь, что такое работать санитаром в онкологическом центре?»*. Самыми частотными доминантами регулятивности, по мнению информантов, оказались лексические повторы *«очень банальный, с очень банальной, очень банальной, банальна»* (20), *«Неполная семья, малообеспеченная семья»* (7); вводные конструкции и слова *«надо признать, надо отметить, надо понимать, понимаешь»* (10), а также риторический вопрос *«Понимаешь, что такое работать санитаром в онкологическом центре?»* (3).

При оценке прагматического воздействия медиадискурса А. Венедиктова по шкале от 0 до 10 баллов опрашиваемые отметили преимущественно высокие баллы: «10» – 3 раза, «9» – 4 раза, «8», «7» – по 6 раз, «5» – 1. Низкие оценки (3 балла) были выбраны информантами трижды, а на одного из информантов медиадискурс не оказал никакого воздействия.

Анализируя полученные ответы, можно сделать вывод, что практически во всех случаях высказанные нами предположения об оценках и прогнозах совпадают с мнением информантов. Это является показателем того, что все регулятивные приемы, отобранные А. Венедиктовым в соответствии с микроцелью высказывания, устойчиво реализуются в медиадискурсе и приносят автору коммуникативный успех. Эффективное воздействие на адресата, как результат речевой деятельности журналиста, подтверждается высокими оценками участников эксперимента; по 10-бальной шкале информанты оценивают прагматический эффект медиадискурса преимущественно от 7 до 9 баллов. Данное исследование, с одной стороны, подтверждает выдвинутые нами гипотезы, с другой стороны, дает ценный материал, касающийся особенностей языковой личности А. Венедиктова в аспекте восприятия её массовым адресатом.

Литература

1. Иванцова, Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–31.

2. Болотнова, Н.С. Идиостиль публичной языковой личности в аспекте константных и переменных признаков / Н.С. Болотнова // Сибирский филологический журнал. – № 3. – 2015. – С. 203–214.
3. Медиалогия. ТОП-30 самых цитируемых журналистов – 2018 год. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mlg.ru/ratings/media/journalists/6417/index.php?utm_source=twitter&utm_medium=tw_t_posts&utm_campaign=media_rating (дата обращения: 09.03.2019 г.).
4. Будем наблюдать от 05.01.2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/observation/2346295-echo/> (дата обращения: 08.01.2019 г.).
5. Будем наблюдать от 09.02.2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/observation/2367435-echo/> (дата обращения: 10.01.2019 г.).
6. Будем наблюдать от 20.10.2018 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/observation/2299200-echo/> (дата обращения: 20. 02. 2019 г.).
7. Болотнова, Н.С. О связи теории регулятивности текста с прагматикой / Н.С. Болотнова // Вестник ТГУ № 2 (3). – Томск, 2008. – С. 24–30.
8. Болотнова, Н.С. Изучение воздействия медиадискурса публичной языковой личности на коллективного адресата (по данным экспериментов) / Н.С. Болотнова // Вестник ТГПУ. – 7 (184). – Томск, 2017. – С. 32–40.

УДК 81
ГРНТИ 16.21.33

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИКА: КОММУНИКАТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

SPEECH PORTRAIT OF POLITICIAN: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT

А.А. Маслова

Научный руководитель: А.С. Савенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: языковая личность, вербально-семантический уровень, особенности речевого общения политика, В.В. Жириновский.

Key words: language personality, verbal and semantic level, peculiarities of politician's verbal communication, V.V. Zhirinovskij.

Аннотация. В статье рассматривается языковая личность политика В.В. Жириновского. На материале видеоинтервью за 2010–2016 гг. анализируются некоторые особенности использования вербально-семантических средств лидером партии ЛДПР, описывается специфика ключевого слова *русские*, выявляются наиболее частотные стратегии и тактики политика (обвинение, обличение, самопрезентация, понижение статуса политического оппонента).

Тема политики всегда была востребована практически во всех сферах науки. Актуальность исследования обосновывается высоким уровнем интереса к феномену языковой личности, особенно если это касается политического деятеля. В современной жизни необходимо знать не только последние новости из мира политики, но и способы воздействия многих лидеров этой сферы на аудиторию.

Материалом исследования являются тексты 8 видеointервью В.В. Жириновского за 2010–2016 гг.

Для изучения вербально-семантического уровня языковой личности В.В. Жириновского приемом сплошной выборки были отобраны наиболее частотные лексемы, представленные в интервью политика (см. таблицу 1).

Таблица 1

Лексема	Кол-во употреблений	Лексема	Кол-во употреблений	Лексема	Кол-во употреблений
Россия	12	граждане	13	жильё	3
русский	22	страна	17	работа	10
Украина	9	провокации	2	пенсия	2
Белоруссия	2	город	7	лекарства	2
Германия	5	люди	20	рынок	6
Америка	6	закон	13	государство	3
Евросоюз	4	власть	6	семья	10
коррупция	6	народ	6	ЛДПР	10
проблема	10	госслужба	2	оппозиция	5
ребёнок	4	чиновник	4	голос	9
плохо	3	президент	6	депутат	7
выборы	7	губернатор	4	Сирия	3
помощь	9	партия	13	политика	5
события	5	Советский Союз	3	надо	14

Наиболее частотными словами в текстах интервью являются следующие: *Россия, русский, страна, граждане, люди, закон, надо, Украина*. Частотность подобных словоупотреблений свидетельствует о том, что В.В. Жириновский как гражданин России и политический деятель озабочен не только проблемами людей в родной стране, но и вопросами соблюдения законных прав российских граждан в обществе и закона в РФ в целом.

Отобранные из текстов видеointервью частотные лексемы были сгруппированы по тематическому принципу в следующие смысловые блоки:

Таблица 2

Смысловой блок	Лексема
Политика	политика, депутат, оппозиция, голос, ЛДПР, госслужба, чиновник, губернатор, партия, выборы, коррупция
Социальная сфера	плохо, помощь, события, работа, пенсия, лекарства, рынок, надо, провокации
Государство	Россия, страна, президент, государство, власть, закон, город, Советский союз
Общество	граждане, люди, народ, семья, жильё, проблема
Национальности	русские, Украина, Белоруссия, Германия, Америка, Евросоюз

Таким образом, в отобранных нами интервью самым актуальным смысловым блоком является блок «Политика». Это обусловлено тем, что изучаемая языковая личность – политический деятель, поэтому во время интервью журналисты задают В.В. Жириновскому соответствующие вопросы. Вторым по численности является блок «Социальная сфера», т.к. Владимир Вольфович как депутат Государственной Думы заботится о жизни граждан. С этим связаны и два других блока – «Государство» и «Общество». В каждом интервью политик делает особый акцент на жителях России, самой стране и её будущем. Вместе с тем национальные вопросы также тревожат В.В. Жириновского.

Для анализа когнитивного уровня языковой личности политика на примере ключевого слова «русский», которое является наиболее употребительным в речи В.В. Жириновского, обратимся к толковым словарям русского языка.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова отмечается следующее:

«РУССКИЙ, -ая, -ое. 1. см. русские. 2. Относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России».

«РУССКИЕ, -их, ед. -ий, -ото, м. Народ, составляющий основное коренное население России. || ж. русская, -ои» [1].

В словаре Д.Н. Ушакова приводятся следующие значения:

«РУССКИЙ, Русская, русское. 1. Прил. к Русские. Великий русский народ».

«РУССКИЕ, русских, ед. русский, русского, м. восточнославянский народ, составляющий большинство населения СССР, великоруссы» [2].

В «Словаре синонимов» З.Е. Александровой лексема «русский» имеет следующие синонимы: «Русский – 1. Российский, 2. русак (разг.); русопёт, русопят (прост.); росс (трад.-поэт.); россиянин (устар. и высок.)» [3].

Рассмотрим лексему *русский* и родственные ей лексемы в контексте интервью В.В. Жириновского. *«Поэтому без книги – нельзя! Без устной речи – нельзя! Что бы там не заложили информационные сети, нужно слышать голос человека, чтобы он влиял, чтобы это волновало людей, чтобы люди плакали и радовались чему-то. Поэтому устная речь и письменная – это главное в нашей культурной жизни. И преподнести страну – страну поднести, какая она, великая, мощная, и как русский язык шагает по планете. В очереди стоят, чтобы заняться на курсы русского языка за границей. И у нас должны изучать его до последнего класса любой нашей школы»* [4].

В данном контексте лексема *русский* используется дважды. Здесь В.В. Жириновский говорит о назначении и значимости русского языка не только в нашей стране, но и во всём мире. Политик сопоставляет язык

и культуру России, говорит о языке как о показателе величия и мощи страны. Владимир Вольфович создаёт впечатление о себе как о патриоте и человеке, озабоченном проблемами государственного языка.

«Мы Белоруссию сохраним сейчас, сейчас будем давать в год 4 миллиарда долларов, представляете? С какой стати Украина опять на содержании, попрошайки, нищенки. Значит, 4 миллиарда в год взять и... 8 миллиардов – сохраним Украину и Белоруссию. Киргизия – нищая страна, так сказать. Им тоже должно давать 500 миллионов долларов в год. С какой стати? Все были недовольны Советским Союзом – давайте его распустим. Распустили? И все несчастные, голодные ждут чашку супа из русской кастрюли» [5]. В.В. Жириновский в этом контексте называет бюджет России «русской кастрюлей». По нашим наблюдениям, политик считает, что после распада СССР другие страны остались ни с чем, поэтому их обеспечивает Россия.

«Значит, спортивный телекомментатор государственного телеканала МатчТВ Алексей Андронов в своём твиттере, сообщение: «Всё швондеровщина, мерзость, нечисть, любители Новороссии, Русского мира, и прочие клошары отсюда вычищены». Это последний негодяй мог так писать! Подлец и подонок! Вот так про русских написать! Про русский мир! Про залитый кровью Донбасс! И вы думаете, он русский? Этот Алексей Андронов? Нет! Что он против русских, а скрывается под русской фамилией! Потому что в Москве ему легче работать. Чё он отказывается от своей национальности?» [6]. В этом отрывке отмечаются такие словосочетания, как *русские (народ), русский мир* (т.е. Россия в целом), *русский* (конкретный человек), *против русских* (народа), *русская фамилия*. В.В. Жириновский возмущён тем, как Алексей Андронов отзывается о русской нации.

«Мы вынуждены беспокоиться о русских, потому что это на нашей границе. Это русские земли. Это никогда не было Украиной» [7]. *«Щас нет никаких препятствий развитию отношений. Тем более там треть населения – это наши граждане. Русский язык надо сделать вторым государственным! И больше внимания православию! И разрешить межнациональные браки. И межрелигиозные браки. И снять любые визы для граждан России! Без всякого ограничения! В любое время на любой срок!»* [7]. В этом интервью политик показывает твёрдую уверенность в том, что даже в другой стране русский язык (а также культура и религия) должен быть одним из основных языков.

Проанализировав ключевое слово в контекстах интервью В.В. Жириновского, мы можем сделать вывод, что политик ставит русскую нацию превыше всего, несмотря на то, что наша страна является многонациональной.

Для анализа прагматического уровня языковой личности В.В. Жириновского рассмотрим конфликтные стратегии его речевого поведения.

Речевое поведение В.В. Жириновского часто строится на основе конфликтных стратегий и тактик.

«Да, да, это как раз не это. Естественно они тоже должны понимать: как аукнется, так и откликнется. Они первые – коммунисты и Справедливая Россия – проголосовали за снятие неприкосновенности! Ну и что вы сделали Егуазаряну? Ничего не сделали! Для чего снимали? Под суд, отдайте под суд! Я требую отдать под суд! Я требую самого жестокого наказания! Но нету оснований. А здесь есть основания! Потому что он, этот депутат, Гудков, продолжал заниматься бизнесом, и он прав, есть и другие депутаты. Давайте и ими займёмся» [8]. В данном отрывке реализуются тактики обвинения и обличения. В.В. Жириновский требует жёсткого наказания для депутата, который занимался бизнесом. Кроме того, политик раскрывает тот факт, что Гудков – не единственный такой депутат, и Владимир Вольфович настаивает на дальнейшем расследовании.

«Значит, спортивный телекомментатор государственного телеканала МатчТВ Алексей Андронов в своём твиттере, сообщение: «Всё швондеровщина, мерзость, нечисть, любители Новороссии, Русского мира, и прочие клошары отсюда вычищены». Это последний негодяй мог так писать! Подлец и подонок! Вот так про русских написать!» [6]. Здесь используется тактика оскорбления (негодяй – подлый, низкий человек; подлец – бран. подлый, низкий, бесчестный человек, негодяй; подонок – разг. бран. низкий, подлый человек, подлец, мерзавец [1]).

«Но нынешняя власть уже себя исчерпала, и впереди хуже быть не может, потому что хуже уже некуда! Обязательно все идите на выборы в декабре и в марте! Я уверен, в 12-ом году мы постараемся улучшить жизнь. И не стесняйтесь, пишите нам! Направляйте письма с любыми жалобами. Мы поможем! Вы мучаетесь, но мы же не знаем ваш адрес. Как мы можем помогать на деревню в Барнаул? Кому помогать? Люди стесняются! Напишите – всем поможем. И с лекарством, и с лечением – бесплатно вас вылечим всех! Всем поможем! Всех успокоим! А чиновников, бракоделов и коррупционеров – всех накажем!» [8]. В этом отрывке можно проследить стратегию понижения статуса политического оппонента: тактику обвинения, а затем уже стратегию самопрезентации. В.В. Жириновский обвиняет власть в плохой политической игре, в игнорировании проблем граждан России, он утверждает, что с этим правлением дальше будет только хуже. Но, по его словам, есть выход из этой ситуации – политик созывает россиян на выборы, где они уже смогут проголосовать за того, кто им всегда поможет. Тактика обвинения также прослеживается и в том, как он называет депутатов.

«Знаем людей. Вот то, что люди «внизу» чувствуют, вот приходим, допустим, сирота – до сих пор квартиру не дают, а уже нарушен за-

кон на три года. Совершеннолетие, и их выписывают из детского дома. На улицу нельзя. Всем сиротам Российской Федерации обязаны местные органы власти предоставить однокомнатную квартиру. Всё. Три года парню не дают. Или, допустим, везде одинаково, бань нет, ну баню оставьте, коммунальные бани. Не забирайте их под всякого рода «виповские» варианты. Или дороги плохие. Пришёл на рынок – колдобины вот такие, там люди будут спотыкаться. Жильё – тоже проблемы, некоторые мучаются» [8]. Используется стратегия понижения статуса политического оппонента. Политик обвиняет власть в бездействии (тактика обвинения).

На основании проведённого анализа языковой личности В.В. Жириновского можно сделать определённые выводы. Политик много говорит о России и конкретно о её коренных жителях. Об этом свидетельствует анализ вербально-семантического и когнитивного уровней языковой личности. В.В. Жириновский использует такие конфликтные стратегии и тактики, как обвинение, обличение, оскорбление, самопрезентация, понижение статуса политического оппонента.

Литература

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка; под ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва: Институт русского языка Академии наук СССР, 1990. – 921 с.
2. Толковый словарь русского языка: в 4-х т.; под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: Государственный институт Советская энциклопедия, 1935–1940. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/789778> (дата обращения: 28.03.19).
3. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – 2-е изд., стереотип. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 600 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/fc/slovar-198.htm> (дата обращения: 28.03.19).
4. Интервью В.В. Жириновского в программе «Особое мнение» на канале «Россия 24» от 7.09.2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://e-news.su/mnenie-i-analitika/131851-osoboe-mnenie-vladimir-zhirinovskiy-07092016.html> (дата обращения: 15.02.19).
5. Видеоинтервью В.В. Жириновского латвийским телеканалам на пресс-конференции в г. Рига от 31.05.2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=1Vnpx7XSIgI> (дата обращения : 20.03.19).
6. Видеоинтервью В.В. Жириновского в Госдуме от 15.12.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dochronika.ru/load/politika/vystuplenie_v_zhirinovskogo_v_gosdume_15_12_2015/4-1-0-14043 (дата обращения: 20.03.19).
7. Видеоинтервью В.В. Жириновского 9 каналу от 26.10.2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.9tv.co.il/news/2014/10/26/188316.html> (дата обращения: 20.03.19).
8. Видеоинтервью В.В. Жириновского от 27.07.2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=EQIOIujwxsM> (дата обращения: 15.02.19).

**РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АЛЕКСАНДРА ГОРДОНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ)**

**SPEECH FEATURE OF ALEXANDER GORDON
(INTERVIEW MATERIAL)**

Т.А. Нехай

Научный руководитель: Н.С. Болотнова, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: речевая характеристика, речевое поведение, языковая личность, дискурс, интервью, Александр Гордон.

Key words: speech feature, language behavior, linguistic personality, discourse, interview, Alexander Gordon.

Аннотация. Изучение языковой личности является одной из самых актуальных проблем в современной лингвистике. В статье представлен анализ речевого поведения Александра Гордона, проведенный на основе телепрограмм с его участием. Выявлены отличительные речевые особенности телеведущего как публичной языковой личности.

Александр Гарриевич Гордон – известный российский радио- и телеведущий, актер, режиссер, журналист. Родился 20 февраля 1964 года в Обнинске (Калужская область) в семье поэта и художника Гарри Борисовича Гордона и медработницы Антонины Дмитриевны Стриги (Чининой). Александр является создателем и ведущим таких телепрограмм, как «Гордон», «Закрытый показ», «Гордон Кихот», «Гражданин Гордон», которые он вел на «НТВ» и «Первом» телеканалах. В настоящее время (2014–2019) Александр Гордон – бессменный ведущий известной телепередачи «Мужское / Женское», освещающей самые скандальные истории. Помимо карьеры телеведущего, он в качестве кинорежиссера создал несколько художественных фильмов, многие из которых были сняты по мотивам произведений его отца [1].

В 2014 году на экраны телевизоров вышел комедийный телесериал «Физрук», в котором Гордон выступил в роли сурового, но справедливого предпринимателя, бывшего криминального авторитета. Герою приписуи многие личные качества и характерные черты самого ведущего, в частности речевые особенности. Об этом можно судить, исходя из интервью и телепрограмм с его участием.

Поклонники, зрители и ближайшее окружение Александра Гордона по-разному оценивают его как языковую личность.

По данным эксперимента, в ходе которого было опрошено 46 информантов студентов-филологов в возрасте от 18 до 20 лет, данная личность была охарактеризована так:

- прямолинейный – 9;
- умный – 6;
- серьезный, справедливый – 4;
- мудрый, грубый, резкий – 3;
- интересный – 2.

Большинство информантов охарактеризовали А. Гордона с положительной стороны: *эрудированный, остроумный, образованный, начитанный, мыслящий, разумный, красноречивый, харизматичный, независимый, адекватный, важный, статный, активный, настойчивый, напористый, уверенный, решительный, интеллектуальный сноб, замечательный человек со своеобразным чувством юмора, любимый, искренний, теплый.*

Несмотря на огромный спектр положительных мнений, некоторые участники эксперимента дали известной личности отрицательную оценку: *дерзкий, вредный, колючий, противный, язвительный, злой, строгий, замкнутый, закрытый, скрытый, странный, не уважающий чужое мнение.*

Небольшая часть участников эксперимента отдала предпочтение внешним признакам Александра Гордона: *старый, седой, бородатый, носит очки.*

Важно отметить, что несколько информантов поставили противоположные качества в один ряд:

- интересный, скрытный;
- злой, адекватный;
- любимый, остроумный, грубый;
- теплый, колючий, резкий.

12 из 46 информантов не смогли охарактеризовать данную личность.

Наличие такого диапазона мнений вызывает интерес к ней, в том числе к тому, как Александр Гордон проявляет себя в речевом поведении.

В основе программы «Наедине со всеми» [4, 8], в которой Александр Гордон принимал неоднократное участие, лежит жанр «интервью», фиксирующий реальный процесс интервьюирования или же специально строящийся в вопросно-ответной форме. *Информационным интервью* называется такое интервью, задача которого заключается в подаче сведений, полученных от интервьюируемого лица без дополнительных комментариев от автора публикации данного интервью. Цель такого интервью – проинформировать читателя (или зрителя) о предмете авторского интереса без анализа этого предмета (см. подробнее: [2]).

В нашем случае преобладает *аналитическое интервью*, которое, помимо вышеперечисленного, содержит анализ фактов. Автор аналитического интервью своими вопросами задает, прежде всего, направление анализа, который обычно осуществляет само интервьюируемое лицо. Вопросы строятся таким образом, чтобы побудить собеседника излагать свои знания, представления, мнения о предмете будущей публикации.

Так, Юлия Меньшова получает развернутые, обоснованные ответы от Гордона при помощи наводящих вопросов. Вследствие такого приема содержание текста интервью «насыщается» элементами анализа действительности, что и делает его аналитическим медиатекстом.

Проанализировав дискурс Александра Гордона [4–8], можно выделить следующие особенности:

1. Соблюдение акцентологических норм, умелое использование логического ударения и инверсии: *Я ни разу вашей программы не видел. В это время я еще сплю дома. Если говорить честно, то однажды видел, однажды, где-то в аэропорту сидел, и меня поразило, как вы вежливо относитесь к тем, кто к вам пришел* (из интервью Ю. Меньшовой в телепрограмме «Наедине со всеми» [4]).

2. Употребление заимствованных слов. Александр Гордон является гражданином не только России, но и США. Продолжительная жизнь в Америке сказалась на речи телеведущего. Большинство заимствований, которые он использует в своем лексиконе, относятся к профессиональной сфере телеведущего: *контент, провайдер, мейнстрим, криэйтор*. Так, на мастер-классе «Говорить буду я» [5] Гордон подробно говорит о качестве телевизионных продуктов и рекламы, при этом неизбежно используя слово *контент*.

3. Использование специальной лексики, как из области своей профессиональной деятельности, так и из других сфер. Так, он употребляет в своей речи термины, связанные с телевидением: *И сейчас 90% эфирного вещания, так называемого, рассчитано именно на эту категорию, потому что их больше всех* [5]. Употребляются юридические термины: *Потому что они не просто знают заповеди, они не просто знают законы, они знают еще и традицию исполнения закона* [6].

4. Использование жаргонизмов: *джентельменский набор* («стандартный, эталонный набор») – при упоминании своих любимых фильмов; *терки* (в значении «ссора, конфликт»), *канать* и др.

5. Частое употребление различных вариантов из разговорной и просторечной лексики, реже – книжной. Иногда это из-за стремления к экономии языковых средств: *значит – [начит], кто-то – [ктот], говорю – [гр'у], кто-нибудь – [ктонить], ничего – [ничо]* и т.д. Занимательным является тот факт, что А. Гордон может использовать в одном предложении и сниженные, и книжные слова: *А эти две дуры пристали: «Ну есть любовь, нет любви». Как будто им приспичило абсолютно* (об А.А. Смирновой и Т.Н. Толстой [4]).

6. Наличие эмоциональной лексики (*какого черта, дуры, сдуру, зашибись, туши свет*), экспрессивной (*гори оно огнем, на старости лет*), оценочной (*рутина, чудовищно, тупоголовые мужики, тупиковый путь*), образной лексики, употребление фразеологизмов и метафор. Приведем примеры использования фразеологизмов: *чушь собачья, глазом моргнуть*

не успеешь, как снежный ком и др. Кроме того, Александр Гордон ассоциативно связывает некоторые понятия с конкретными образами. Так, работу он называет службой, телевидение характеризует как живой организм: *Телевидение перестало быть тем, чем оно являлось всю советскую эпоху. <...> Таким добрым соседом, которого ты всегда рад видеть в своем доме* [5].

7. Для синтаксических особенностей речи Гордона характерно употребление повтора и приема синтаксического параллелизма: *За три года работы там я был диктором, я был редактором, я был курьером, я был ведущим, я был режиссером монтажа, я был декоратором* [5]. Встречаются в медиадискурсе данной личности парцелляция и градация. Иногда речь телеведущего представляет собой своеобразный «поток сознания», о чем говорит резкий переход от одной темы к другой.

8. В качестве прецедентных феноменов в речи Гордона выступают цитаты классиков, известных людей современности, а также графоманов нашего времени. Так, он цитирует в мастер-классе «Говорить буду я» [5] русского поэта Б. Пастернака: «Лучший фон для искусства – серый». Здесь же ведущий с иронией упоминает строчку из сборника «Графоманы России»: «Так со мной иногда происходит всегда».

9. Языковая игра является неотъемлемым компонентом речи Гордона. В качестве языковой игры он использует замену компонента устойчивого выражения: *Габли, на которых я мастер плясать, они всякий раз разные* [8]; нарушение норм лексической сочетаемости; использование в одном контексте слов с различной стилистической окраской: *Мужчина хочет любви и покоя. <...> Вот в сочетании двух этих величин «покой» и «любовь», да, проходит вся счастливая семейная жизнь* [4]; каламбуры, антитезу: *Я разочарован во времени, в зрителях, но не в себе. Я не могу быть в себе разочарован, потому что у меня маленький трехмесячный ребенок. Тут я в себе очарован, да* [4].

Таким образом, на основе материала аналитических интервью и телепрограмм с непосредственным участием данной языковой личности была представлена речевая характеристика Александра Гордона как уникального человека с богатой речью, владеющего разными стилистическими регистрами русского языка, умело использующего его ресурсы в различных ситуациях публичного общения.

Литература

1. Александр Гордон: биография, личная жизнь, семья, жена, дети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://krestyanka.com/biografii-izvestnyh-ljudej/aleksandr-gordon.html> (дата обращения: 8.04.2019).
2. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие / А.А. Тертычный. – Москва: Изд-во: «Аспект Пресс», 2000. – 172 с.
3. Крысин, Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л.П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – Москва, 2001. – № 1. – С. 90–106.

4. Youtube. Гость Александр Гордон. Наедине со всеми. Выпуск от 15.03.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=A2A7Z3DkkgU&t=435s> (дата обращения: 8.04.2019).
5. Youtube. «Говорить буду я» – мастер-класс от Александра Гордона | МТС #WOWMOSCOW от 28.04.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 8.04.2019).
6. Youtube. «Церковь и мир» от 12 марта 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=JYkzcz9t_Xg (дата обращения: 8.04.2019).
7. Youtube. Правила роста. Май 2015. Гость в студии – Александр Гордон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=GNXJty5frXo> (дата обращения: 8.04.2019).
8. Youtube. Александр Гордон – Наедине со всеми (26.10.16) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cQGOfyZrFOc> (дата обращения: 8.04.2019).

УДК 811.161.1'38'44
ГРНТИ 16.21.55

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В.В. ПОЗНЕРА

ABOUT SOME FEATURES OF THE LANGUAGE PERSONALITY V.V. POSNER

К.В. Осипова

Научный руководитель: Н.С. Болотнова, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: языковая личность, речевое поведение, интервью, речевые особенности личности.

Key words: language personality, speech behavior, interview, speech peculiarities of a person.

Аннотация. Речевые особенности публичной языковой личности журналиста рассмотрены на материале интервью с участием И. Ургантa и личной страницы В.В. Познера в социальной сети Инстаграм. По характеру вопросов в передаче «Познер» и анализу речевого поведения сделан вывод о некоторых стилистических особенностях В.В. Познера.

Речь – это важнейшая грань человеческой личности, посредством которой осуществляется коммуникация. Внешняя речь транслирует внутреннюю, являясь отражением мыслительных процессов, типичных для каждого отдельного субъекта. Речь человека – это мозаика, собранная из обрывков обстоятельств, которые, так или иначе, повлияли на становление личности. Это семья, компания друзей, языковая среда и другие сферы коммуникации. Всё это делает речь каждого из нас неповторимой, подобно отпечаткам пальцев. Полагаю, не существует хотя бы двух людей, которые имели бы идентичный речевой портрет.

Языковая личность фокусирует не только информацию о часто употребляемых словах и синтаксических конструкциях. В первую очередь она отражает определенный тип коммуникации, связь внутреннего сознания с внешним миром, посредством которой человек познаёт мир и удовлетворяет различные потребности. Языковая личность – человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов [1: 8]; это «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [2]. Языковой портрет отражает особенности языка его носителя, обусловленные задачами его речи, спецификой мышления.

Изучение языковой личности представляет большой интерес для такой науки, как психолингвистика. Оно даёт нам представление о характере речевого мышления человека. Однако для более полного представления необходимо использовать материалы и выводы и в области смежных наук, таких как социолингвистика, история, социология, психология и многие другие. При составлении портрета языковой личности необходимо учитывать не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы.

Почему считается, что изучение типов языковой личности является важным направлением в лингвистике? Каждый человек – это своего рода загадка. Уникальный субъект с множеством разных граней и оттенков. Однако каждый человек развивается в единой системе, и существуют некоторые закономерности в становлении его личности. Поняв природу такой системы и процессов, происходящих в ней, мы сможем приблизиться к лучшему пониманию себя.

Для анализа языкового портрета остановимся на личности В.В. Познера. В качестве основных материалов для исследования использованы интервью из программы «Познер» с Иваном Ургантом как образец устной речи [3] и публикации из личной страницы журналиста в социальной сети Инстаграм как образец письменной речи [4].

О биографии В.В. Познера можно говорить довольно много. Это человек с активной жизненной позицией, разносторонний и увлекающийся. Поэтому остановимся лишь на основных моментах, отдав предпочтение самому анализу. В.В. Познер родился 1 апреля 1934 года (85 лет) в Париже. На данный момент основная сфера его профессиональной деятельности – это телевидение, журналистика, публицистика. В 1958 г. окончил биолого-почвенный факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «физиология человека». После окончания университета зарабатывал на жизнь научными переводами с английского и на английский, увлекался художественными переводами английской поэзии елизаветинского периода. С 1961 года ведет журналистскую деятельность, становится

телеведущим [5]. В совершенстве владеет русским, английским и французским языками. Французский язык является родным.

Остановимся подробнее на интервью с Иваном Ургантом в программе «Познер». Иван Ургант – телеведущий развлекательного шоу на Первом канале. Его деятельность напрямую связана с активной вербальной коммуникацией. По тому, как он подбирает слова, какие синтаксические конструкции использует, как ведёт беседу, мы делаем вывод о его личностных качествах.

По результатам пилотажного направленного ассоциативного эксперимента с участием 19 студентов-филологов Томского государственного университета были выявлены некоторые закономерности в восприятии данной личности. Информантам было предложено написать ассоциации, вызванные именем данного человека, в виде определений. Среди 55 слов-реакций на стимул «Иван Ургант» отмечены: весёлый (12), смешной (11), забавный (5), ведущий (4), умный (3), харизматичный (3), добрый (2), популярный (2), современный (2), интересный (2), остроумный (2), высокий (2), позитивный (2), красивый (2) и т.д.

Абсолютное большинство ассоциаций носит оценочный характер. Наблюдая с экрана телевизора за речевым поведением человека, адресат делает вывод о его личных качествах. Такая оценка со временем становится в нашем сознании всё более устойчивой, но человек всегда стремится к истине, следовательно, возникает вопрос: можем ли мы, пользуясь лишь методом наблюдения за речевым поведением человека, составить истинный портрет личности?

Считается, что, помимо наблюдения, важно правильно выстраивать диалог, задавать правильные вопросы, наблюдая за реакцией. В этом плане интересен такой формат беседы, как интервью. Не имея возможности лично задать вопрос человеку, можно, тем не менее, узнать о нём немного больше.

Жанр интервью очень интересен и имеет ряд особенностей. Рассмотрим их на примере интервью Ивана Урганта в программе «Познер», выпуск от 15.05.2017 г. [3]. Обозначим некоторые особенности языковой личности Познера, способы построения его вопросов, их семантическую категорию и кратко отметим то, как, благодаря журналисту, раскрывается личность Ивана Урганта.

Ранее было установлено, что для многих зрителей телевизионный ведущий создаёт впечатление лёгкого, непринужденного человека с темпераментом экстраверта. Является ли он таким и в жизни? Как Владимир Познер раскрывает личность телевизионного ведущего? Какими методами он пользуется? По характеру задаваемых вопросов можно будет судить о личности В. Познера. Обобщим полученные нами наблюдения.

1. Вопросы журналиста располагаются с возрастающей градацией: от нейтральных – до более личных:

«Как Вы относитесь к российскому ТВ?». «Что Вы думаете о современной эстрадной музыке?». «Что деньги вообще для Вас?». «Вы очень близко это [убийство животных] принимаете к сердцу? Вы противник охоты? Очень любите животных?».

Судя по вопросам, Познер «присматривается» к человеку, оценивая ситуацию, ведя себя при этом независимо, прямолинейно, настойчиво. Например, в рассматриваемом нами интервью общение было начато с вопросов зрителей, которые не касались внутренней стороны личности Ивана и были связаны в основном с его профессией. («Есть ли что-нибудь, помимо ТВ и кино, чем бы Вы хотели заняться?», «Если бы Вы родились женщиной, в какой профессии хотели бы себя реализовать?» и т.д.). Здесь Иван позволяет себе некоторую долю иронии и шутки. Так, на второй вопрос он отвечает, что «профессии были бы те же, но реализация была бы успешней».

Такой подход журналиста к системе вопросов позволяет подготовить собеседника к более серьёзному разговору, ведь вопросы от зрителей недостаточно глубоки, нет той ментальной близости, когда ты его даже не видишь. Вопросы Познера строятся на контрасте, и любая ирония или перевод в шутку при ответе будут выглядеть не совсем уместно.

2. Тип вопросов, которые наиболее часто задаёт Познер, называется эмпатическим. Такие вопросы задаются с целью понять внутреннее состояние человека. Большинство вопросов носит личный характер (о мечтах и целях): «А какое Ваше любимое времяпрепровождения? У вас есть такое, что Вы больше всего любите делать? Об этом думаете, иногда скучаете...»; «Пытаясь глядеть туда, в будущее, кем Вы себя видите на самом деле, профессионально? Вы об этом думаете?»; «Чего Вы боитесь больше всего?» и пр.

Познер задаёт вопрос об образе Ивана Урганта также в эмпатической форме: «Кстати, в этом списке было несколько довольно злых вопроса типа «Ну, сколько можно шутить вообще? Вы можете быть серьёзным?». На это ведущий уже не отшучивается, а рефлексировать и делится своей позицией и взглядом на мир сквозь призму юмора, говоря: «Я принадлежу к тем людям, которые полагают, что всё равно даже в самых грустных вещах можно увидеть смешное. Что-то смешное есть во всём. Мне помогает эта способность в жизни». Также был задан вопрос относительно спора с одним из журналистов: «Брайан – полупрофессиональный охотник. Он много об этом рассказывал, и Вы пару раз чуть с ним не поссорились вокруг темы охоты: убийства животных. Вы очень близко принимаете это к сердцу вообще?». На это Иван Ургант отвечает довольно серьёзно, прямолинейно и принципиально: «Вспоминая о том, как Ваш приятель (а это именно Вы пригласили его в это кино) с упоением рассказывал, как он убивает животных, сдирает с них шкуры, надевает на себя и танцует по Монтане, сердце любого дрогнуло бы,

и моё не стало исключением». Данная позиция и сочувствие животным характеризует ведущего как чувствительного, сентиментального и глубоко мыслящего человека.

3. Характер общения во многом зависит от цели этого общения. В своих интервью Познер стремится понять для себя и разъяснить публике, что за человек сидит перед ним. По этой причине в речи журналиста содержится достаточное количество вводных конструкций, побуждающих раскрывать субъективное мнение собеседника. Это вопросы типа: «А как бы ВЫ хотели?», «Просто мне интересны ВАШИ соображения по этому поводу», «Как ВЫ думаете...» и т.д.

4. Один вопрос может быть задан ведущим несколько раз, но в различных вариациях при условии, если собеседник не ответил на него полно, тем самым заставляя участника интервью ещё глубже задуматься над содержанием вопроса. Это даёт ещё больше информации о мышлении и позиции интервьюируемого. Например, желая уточнить позицию собеседника, журналист уточняет: «Это не форма защиты?», на что следует: «В том числе и форма защиты». Такой выбор вопросов, его тип, структура и семантика позволяют раскрыть особенности человека. Это действительно заставляет по-новому взглянуть на личность Ивана Урганта.

Анализ письменной речи журналиста на материале публикаций в социальной сети Инстаграм показал, что В.В. Познер – яркий представитель элитарной речевой культуры. Тележурналист уделяет большое внимание стилистике и синтаксису текста. Спектр речевых решений довольно широк: от книжно-литературных слов до разговорных. Использование языковых средств в медиадискурсе Познера зависит от типа адресата, к которому он обращается. Тележурналист уделяет большое внимание разнообразию синтаксических конструкций: использует деепричастные обороты, эллиптические предложения, конструкции с синтаксическим параллелизмом и анафорой: 1) «Правда это или нет, я не знаю, то есть фейк это или не фейк, но **за что купил – за то продаю**»; 2) «**Пока** они сами не захотят жить иначе, **пока** сами не потребуют изменения своей жизни, **пока** сами не будут готовы принять активное участие в этом, а не ждать, **пока** государство «даст», никаких серьезных изменений не следует ожидать».

Эмоциональность В. Познера чаще всего проявляется не в лексике, а в тональности речи, для которой характерны иронические нотки. Доминирующим свойством речи В. Познера является логичность, которая выражается в последовательности, непротиворечивости, аргументированности выражения мысли: «Я это сказал и полагаю, что мне за это никакого наказания не будет, и я смогу это говорить, сколько хочу»; «Он меня не дожимал совершенно. Видимо, чувствуя опасность. Не знаю».

Таким образом, разные аспекты устной и письменной речи В.В. Познера позволяют судить о нём как о носителе элитарной речевой культуры, для которого характерен высокий профессионализм.

Литература

1. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука, 1987. – 263 с.
3. Познер – Гость Иван Ургант. Выпуск от 15.05.2017 [Электронный ресурс]: URL: https://www.youtube.com/watch?v=LT_CFXорnnE (дата обращения: 02.04.2019).
4. Личная страница журналиста в социальной сети Инстаграм [Электронный ресурс]: URL: <https://www.instagram.com/pozneronline/> (дата обращения: 02.04.2019).
5. Официальный сайт В.В. Познера [Электронный ресурс]: URL: <https://pozneronline.ru/biografiya/> (дата обращения: 02.04.2019).

УДК 81'42
ГРНТИ 14.25.09

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ВО ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ СПЕЦКУРСА «ЛЮБИ И ЗНАЙ СВОЙ РОДНОЙ КРАЙ» (КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ)

LOCAL HISTORY TEXTS IN THE EXTRACURRICULAR SPECIALIZED COURSE “LOVE AND KNOW YOUR MOTHERLAND” (LOCAL HISTORY TEXT AS AN OBJECT OF STUDY)

Т.А. Федосенко

Научный руководитель: А.В. Болотнов, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, Россия, г. Томск

Ключевые слова: ФГОС, региональный компонент, филология, краеведение, лингвокраеведение, внеурочная деятельность, спецкурс.

Key words: FSES (Federal State Education Standards), a regional component, philology, local history, linguistic local history, extracurricular activities, specialized course.

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме в системе современного образования – отсутствию интереса учащихся к некоторым дисциплинам. Рассматриваются пути решения этой проблемы, одним из которых является включение различных форм внеурочной деятельности в образовательный процесс. Представлена разработка спецкурса «Люби и знай свой родной край» на материале краеведческих текстов (книги очерков В. Попка «Посолонь» и текстов экскурсий Алексея Багаева).

Актуальной проблемой в системе современного образования является низкая заинтересованность школьников в обучении русскому языку и истории родного края, что напрямую влияет на формирование личностных результатов у детей, включая воспитание гражданской идентичности, патриотизма, уважения к своему народу, чувства ответственности перед

Родиной. В связи с этим одной из главных целей российской системы образования на данный момент является повышение интереса учащихся к изучению перечисленных выше дисциплин. Достижение поставленной цели возможно через активное использование внеурочной работы, которая является неотъемлемой составляющей учебно-воспитательного процесса, а также равноправным, взаимодополняющим компонентом базового образования.

Современная система образования предоставляет школам различный спектр видов внеурочной деятельности: творческие студии, клубы по интересам, кружки, элективные курсы, секции, спецкурсы и т.д.

Данная статья посвящена рассмотрению спецкурса как факультативной формы обучения, гармонично совмещающей в себе образовательный и воспитательный компоненты. На данный момент в системе образования выделяется два вида спецкурсов: спецкурсы по углубленному изучению предмета и тематические. Основное различие в их построении заключается в том, что первый вид спецкурсов разрабатывается в соответствии с логикой науки, нормами образовательных программ и концептуальными положениями программы школы; второй же вид обеспечивает преподавание на высоком уровне сложности, учитывает интересы учащихся по отдельным проблемам, создает системные представления и целостную картину мира. Главная особенность вариативных (тематических) спецкурсов – их проницаемость. В течение месяца учащиеся имеют возможность посещать вводные занятия любых спецкурсов с целью дальнейшего осознанного выбора.

Далее рассмотрим материал спецкурса «Люби и знай свой родной край», разработанного для учащихся девятого класса. Актуальность выбора данного спецкурса обусловлена тем, что углубленное изучение определенного круга тем, затрагивающего сложную синтаксическую единицу – текст, поможет учащимся в написании сочинений при сдаче ОГЭ (в дальнейшем ЕГЭ), а правильно подобранный краеведческий материал для занятий позволит развить чувство патриотизма у школьников и сформировать культуру речевого общения.

Основная **цель** спецкурса состоит в воспитании чувства национального самосознания, любви к Родине и гражданской ответственности за ее судьбу. Наряду с этим, курс ориентирован на совершенствование приобретенных ранее обучающимися знаний, накопление устойчивых практических навыков выполнения различных задач, формирование лингвистической, языковой и коммуникативной компетенций, расширение кругозора детей, дальнейшее профессиональное самоопределение.

Задачи спецкурса включают в себя:

- углубленное рассмотрение ранее известных понятий и знакомство с новыми терминами (стиль текста (функциональный стиль), жанр, очерк, экскурсия, индивидуально-авторский стиль, языковая личность);

- актуализацию знаний о языковых средствах и их связи со стилями текста;
- овладение основными нормами литературного языка и их практическим использованием в речевой коммуникации;
- создание прочной базы языковой грамотности учащихся;
- формирование умения составлять тексты публицистического стиля (очерк, текст для проведения экскурсии).

При изучении спецкурса предполагаются следующие формы деятельности: работа с текстами журналистов (В. Попка и А. Багаева), составление собственных текстов по образцу, использование вопросно-ответной формы (решение лингвистических и коммуникативных задач).

Данный спецкурс рассчитан на 9 занятий.

Первый, вводный урок предлагается провести на тему «Прогулка по Томску». Цель данного занятия: показать практическую специфику всей дальнейшей деятельности школьников в рамках выбранного спецкурса. Игровая форма урока с делением на группы позволит повысить интерес к данной дисциплине среди учащихся, а презентация своих продуктов в виде текстов мини-экскурсий с посещением одной из достопримечательностей города поможет создать мотивацию у детей на проектную деятельность. Занятие демонстрирует один из возможных продуктов всей дальнейшей работы обучающихся в рамках спецкурса.

Следующий блок из двух уроков можно посвятить рассмотрению особенностей функциональных стилей. В рамках данных занятий предполагается знакомство школьников со всеми стилями текста, углубленное изучение публицистического и художественного стилей, работа с текстами журналистов, выявление особенностей представленных текстов на практике, систематизация приобретенных знаний в виде таблицы/схемы/рисунка, презентация полученных результатов перед остальными учащимися. Данный перечень тем по стилистике идет в соответствии с календарно-тематическим планированием девятого класса с целью закрепления материала, пройденного на занятиях. На этом этапе целесообразно углубление теоретических знаний на основе знакомства с такими понятиями, как «языковая личность», модель языковой личности Ю.Н. Караулова и «индивидуально-авторский стиль».

Следующий блок может включать в себя три занятия: «Публицистические жанры», «Пограничный характер жанра "очерк"», «"Экскурсия" как публицистический жанр» – и логично продолжать знакомство учащихся с особенностями публицистического и художественного стилей. Параллельно школьники определяются с конечным продуктом: представление очерка, текста для проведения экскурсии (или реальное проведение экскурсии).

Занятие на тему «Особенности языковых средств в краеведческих текстах (на материале очерков В. Попка и экскурсий А. Багаева) представляет

собой практическую часть с закреплением изученного ранее теоретического материала. Учащиеся презентуют свои работы.

Заключительные занятия могут включать: 1) тему «Итоговый контроль знаний» в виде круглого стола (возможна иная форма проведения: тест, устный опрос и т.д.), где можно представить основные темы спецкурса и затронуть проблемы, требующие обсуждения (они выясняются в ходе всего спецкурса); 2) презентацию творческих работ учащихся. При этом наблюдается выход на проектную деятельность: индивидуальную деятельность с учащимися, заинтересованными в дальнейшей разработке их продуктов и их презентации на школьной конференции.

Методическое обеспечение программы спецкурса предусматривает блоковое повторение теоретического материала, отработку практических навыков, а также домашнюю самоподготовку учащихся. Практическая деятельность учащихся в рамках данного спецкурса выходит на первый план и связана с анализом краеведческих текстов, поиском и отбором материала, написанием собственных текстов определенных жанров, что способствует росту интереса к изучению русского языка и истории своего края, а также формированию чувства любви к малой Родине.

Данный спецкурс был частично апробирован в МАОУ Лицее № 51 г. Томска в 2018 году. При проведении устной рефлексии после занятий было отмечено, что школьники овладели новой, интересной и актуальной для них информацией.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. – Москва: Просвещение, 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://минобрнауки.рф/документы/543> (дата обращения: 08.04.2019).
2. Абдрахманова, А.М. Внеурочная деятельность: виды, формы организации, образовательные результаты / А.М. Абдрахманова // [Электронный ресурс] URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2012/12/16/vneurochnaya-deyatelnost-vidy-formy-organizatsii> (дата обращения 19.03.19).
3. Барышников, Е.Н. Внеурочная деятельность обучающихся: основные подходы и условия осуществления: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А.В. Кислякова, А.В. Щербакова. – Челябинск: ЧИППКРО, 2014. – 416 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – Москва: Наука, 1989. – С. 3–8.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ТЕКСТА

УДК 81.38/42
ГРНТИ 16.21.55

ВАРИАНТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ»)

VARIANTS OF SPEECH BEHAVIOR OF LYRICAL HEROINE (ON THE MATERIAL OF THE COLLECTOR “EVENING ALBUM”)

Н.В. Захарчевская

Научный руководитель: Н.С. Болотнова, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: речевое поведение, коммуникативное поведение, М.И. Цветаева, лирическая героиня, коммуникативная стилистика текста.

Key words: speech behavior, communicative behavior, M.I. Tsvetaeva, lyrical heroine, communicative stylistics of the text.

Аннотация. Статья посвящена анализу речевого поведения лирической героини М.И. Цветаевой в стихах сборника «Вечерний альбом». Целью данной работы является анализ лексических средств, благодаря которым автор выстраивает коммуникацию с читателями. Сборник «Вечерний альбом» – первая публичная презентация собраний поэтических текстов Цветаевой, поэтому в нем наиболее полно автор взаимодействует с адресатом, делая акцент на самопрезентации.

Речевое поведение отражает особенности языковой личности автора и персонажей, если речь идет о художественном произведении. В современной лингвистике данное понятие определяется по-разному.

1. И.А. Зимняя трактует термин следующим образом: «Речевое поведение – специфическая и неотъемлемая часть поведения в целом как сложной системы поступков, действий, движений. Речевое поведение есть форма социального бытия человека, в нем проявляется вся совокупность речевых действий и речевой деятельности человека» [1, с. 56].

2. А.Е. Супрун определяет данный термин так: «Весь комплекс отношений, включенных в коммуникативный акт, т.е. вербальную и невербальную информацию, паралингвистические факторы, а также место

и время речевого акта, обстановку, в которых этот акт происходит. Следовательно, речевое поведение – это речевые поступки индивидуумов в типовых ситуациях, отражающих специфику языкового сознания данного социума» [2, с. 125].

3. И.А. Стернин ввел смежное понятие «коммуникативное поведение», под которым исследователем понимается «совокупность реализуемых в коммуникации правил и традиций общения той или иной лингвокультурной общности» или «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [3, с. 279–282].

Таким образом, термин «коммуникативное поведение» выступает синонимом термина «речевое поведение» в интерпретации И.А. Стернина и А.Е. Супруна. С точки зрения И.А. Зимней, речевое поведение включает только речевые действия человека, т.е. является более узким понятием, чем коммуникативное поведение.

В данном исследовании мы будем придерживаться определения А.Е. Супруна, поскольку оно, на наш взгляд, наиболее точно отражает специфику данного термина.

Множество исследователей уделяли внимание поэтической организации текста и его своеобразию. Например, В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов, Т.Г. Винокур, Н.С. Болотнова и другие исследователи.

Т.Г. Винокур в работе «Говорящий и слушающий» пишет о том, что речевое поведение (далее РП) – это область пересечения феномена «владение языком» и «употребление языка» [4, с. 16].

Для данного исследования неслучайно был выбран в качестве материала сборник М.И. Цветаевой «Вечерний альбом», в котором, на наш взгляд, Цветаева уделяет особое внимание фатической функции поэтического текста и структурной организации всего сборника.

Сборник был издан в 1910 году, когда поэту было 18 лет. Несмотря на молодость Цветаевой, содержание сборника выстроено как живой организм, из него нельзя убрать ни одного стихотворения. Максимилиан Волошин отметил, что сборник нужно читать последовательно, как дневник, чтобы проникнуться им. Автор выражает предельную искренность и выстраивает доверительные отношения с читателями, поскольку «Вечерний альбом» – первое вышедшее в свет собрание поэтических текстов автора. Поэтический талант М.И. Цветаевой заключается в способности построить лирическое произведение в форме диалога с адресатом. Словообраз очень важно для эффективной коммуникации, поскольку оно позволяет развивать воображение у читателя, тем самым представлять картинку и, следовательно, делать выводы о лирической героине Цветаевой, образ которой автобиографичен, её внешности, психологических данных, настроении и чувствах, возрасте и т.д.

Отметим, что общая тональность стихотворений ранней лирики М.И. Цветаевой мажорная. Ранняя лирика Цветаевой полна света и ярких красок, в стихотворениях данного периода лирическая героиня молодая, поэтому выражает гамму чувств. Живость, чуткость, способность увлекаться и увлекать, горячее сердце, жгучий темперамент – это и есть характерные черты лирической героини Цветаевой, а вместе с тем и ее самой [5, с. 75].

Л. Аннинский в работе «Серебро и чернь» говорит, что лирическая героиня Цветаевой – это сильная девушка, так как она прошла суровые испытания, например, разрушение прежнего мира и разрушение культуры. Зачастую стихотворения автора были «перенапряжены непосильной ношей», они могли рассказать нам о той боли, которую испытывал поэт [6, с. 87]. Рассматривая лирику М.И. Цветаевой, можно сказать, что лирическая героиня проходит все этапы взросления вместе с автором. В данном сборнике она юна, но все равно мы можем проследить отношение лирической героини (далее ЛГ) к окружающему миру: она ставит себя выше других, отстранена от суеты, сконцентрирована на своем внутреннем мире, что, несомненно, отражается на лексической организации поэтического текста.

В сборнике «Вечерний альбом» можно выделить следующие речевые жанры и приемы, которые определяют речевое поведение лирической героини М. Цветаевой. Отметим их.

Этикетные речевые жанры:

1) речевой жанр «обращение»: данный жанр активно используется в ранней лирике автора, так как было уже отмечено, что М.И. Цветаева не соотносит себя с обществом, поэтому в данном аспекте четко прослеживается противопоставление «я – ты». Цветаева обращается к сверстникам: «*Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред, // Ты ушел, сомнений не тревожа... // Ты ушел... Ты мудрый был, Сережа! // В мире грусть. У Бога грусти нет!*» (Сереже), «– *«Herr Володя, глядите в тетрадь!» // – «Ты опять не читаешь, обманщик?»* (Шарманка Весной); к сестре: «– *«Ася, поверьте!» и что-то дрожит // В Гришином деланном баре*» (Летом).

2) Оценочные речевые жанры, в которых оцениваются бытовые ситуации, мимолетные события жизни, что характерно для поэтической ЯЛ:

– Оценка ситуации сожаления: «*Он был так близок, но увы – // Его мы в сети не поймали!*» (Первое путешествие).

– Оценка ситуации восхищения: «*Ночью ж... Милый, дальний... Ах! // Лунный серп уже над лесом!*» (Новолуние).

Данные речевые жанры отражают любовь к жизни ЛГ М.И. Цветаевой, которая видела в обыденном привлекательное и необычное.

Отметим приемы, которые использует автор, создавая образ лирической героини.

М.И. Цветаева использует прием языковой игры, основанный на омографах, например, в стихотворении «Мука́ и му́ка»: «*Станет мукою, что было тоской? // Нет, лучше му́кой!*».

Прием обращения к Богу отражает мировоззрение Цветаевой: «*Прости, Господь, злой помысел и грех!*» (Эпитафия). Цветаева была уверена, что она непохожа на других, ее одарил Господь, поэтому писательский талант ей дарован свыше.

Частое употребление вопросительных и восклицательных предложений: «– *Правы ли на смерть идущие? // Вечно ли будет темно?*» (Жертвам школьных сумерек), «*Святая ль ты, иль нет тебя грешнее, // Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, – // О, лишь люби, люби его нежнее! // Как мальчика, баюкай на груди, // Не забывай, что ласки сон нужнее, // И вдруг от сна объятьем не буди*» (Следующей).

По мнению А.С. Кудряковой, в женской лирике часто встречается использование риторических вопросов и восклицаний. Это помогает «озвучить» главную тему произведения, «прояснить положение дел», «снять с души груз» [7, с. 22].

Как уже было отмечено ранее, лирические произведения М.И. Цветаевой обладают коммуникативно-когнитивным потенциалом, следовательно, можно говорить о важности вопросительных предложений, так как они помогают автору построить диалог между лирической героиней и ее собеседником, обозначить участников коммуникации, помочь читателю осмыслить проблематику поэтического текста.

Важно и то, что с юности поэт уделяет особое внимание невербальным средствам коммуникации, например, движению рук, контакту глазами и пр. Для поэтов, погруженных в свой внутренний мир, на наш взгляд, легче выразить свои эмоции и переживания путем невербальных средств общения: «*Держала мама наши руки, // К нам заглянув на дно души. // О, этот час, канун разлуки, // О предзакатный час в Ouchy!*» (Ouchy), «*Не сгнивший плод, – цветок неживше-свежий // Втоптала в грязь народная гроза. // У всех детей глаза одни и те же: // Невыразимо-нежные глаза!*» (Людювик XVII).

Нами был проведен количественный анализ частотности употребления в сборнике «Вечерний альбом» речевых жанров путем сплошной выборки. Было выявлено количество употреблений в сборнике стихов речевого жанра обращение, включая обращение к Богу, использования риторических вопросов, оценки сожаления и восхищения. Целью данного анализа было определение доминирующего элементарного речевого жанра (по типологии М.М. Бахтина) в сборнике, а также анализ наиболее ярких, по мнению М.И. Цветаевой, способов представления ЛГ. Итоги анализа отражены на рис. 1.

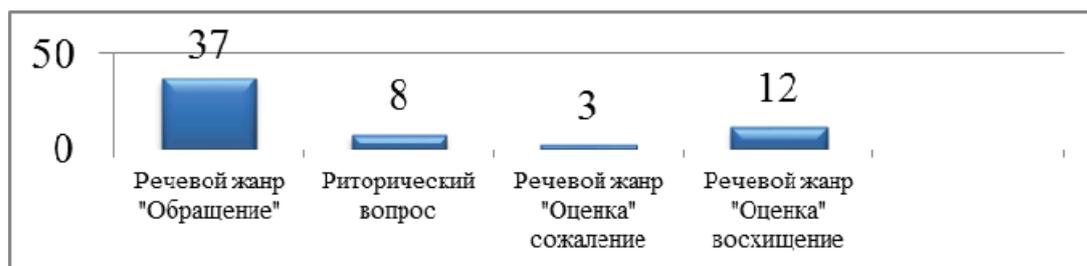

Рис. 1

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что чаще всего автор употребляет жанр «Обращение», включая 20 обращений к Богу, что характеризует его мировоззрение, которое определилось с самого начала творческого пути.

Позитивная оценка окружающего мира также прослеживается в создании образа лирической героини, менее всего употребляется такой вид оценки, как «сожаление», которое часто характеризуется словом «Увы», что также подтверждает оптимистическую тональность стихотворений раннего творчества автора. Риторические вопросы помогали автору настроить читателя на коммуникацию. В стихотворении «Предсказание» М.И. Цветаева особенно ярко делает акцент на этом приеме, чтобы усилить связь с читателем.

Из всего сказанного следует вывод, что данный сборник поэтических текстов М.И. Цветаевой отличается особой эмоциональностью. «Вечерний альбом» – самая ответственная публикация Цветаевой, поэтому, как и для любого начинающего автора, принцип самопрезентации на данном этапе творчества для поэта был очень важен. Он позволил наиболее точно отразить духовную сущность автора, его мировоззрение, эмоции и отношение к окружающим людям. На наш взгляд, выпуск данного сборника – это не стремление автора показать свое поэтическое мастерство, а стремление выразить свои чувства и поделиться ими с читателями.

Литература

1. Зимняя, И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – Москва; Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
2. Супрун, А.Е. Лекции по теории речевой деятельности / А.Е. Супрун. – Минск; Изд-во Башкирского государственного университета, 1996. – 287 с.
3. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. С. 279–282.
4. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – Москва: Изд-во «Наука», 1993. – 172 с.
5. Павловский, А. Куст рябины: О поэзии М. Цветаевой / А. Павловский. – Ленинград: Изд-во «Советский писатель», 1989. – 352 с.
6. Аннинский Л. Серебро и чернь // Литература (Приложение к газете «Первое сентября». 1995. № 2). Воспоминания о Марине Цветаевой. – Москва, 1992.
7. Кудрякова, А.С. Речевое поведение лирических героинь А. Ахматовой и М. Цветаевой: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.С. Кудрякова. – Уфа: Изд-во

Башкирского государственного университета, 2005. – 22 с. [Электрон. ресурс]. URL: <http://morett.ru/poems/texts/tsvetaeva/album.htm> (дата обращения 15.03.2019).

8. Цветаева, М.И. Вечерний альбом, 1910 / Цветаева М.И. // Собрание сочинений в 7 тт. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1994. – 199 с.

УДК 81.38'42

ГРНТИ 16.21.55; 16.21.21

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
КОНТРАСТА КАК ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯТИВНОЙ
УНИВЕРСАЛИИ В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ)**

**EXPERIMENTAL STUDY OF THE CONTRAST
AS A LEXICAL REGULATIVE UNIVERSAL
IN THE POETRY OF M.I. TSVETAEVA**

О.Л. Кабанина

Научный руководитель: Н.С. Болотнова, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, средства и способы регулятивности, лексическая регулятивная универсалия, контраст, эксперимент.

Key words: communicative stylistics, means and methods of regularity, lexical regulatory universal, contrast, experiment.

Аннотация. Исследование выполнено в русле теории регулятивности как одного из направлений коммуникативной стилистики. На основе экспериментальных данных в статье рассматривается контраст как доминирующий тип выдвижения и как лексическая регулятивная универсалия в творчестве М.И. Цветаевой. Актуальность работы обусловлена усилением внимания исследователей в рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания к когнитивной основе текстовой деятельности и введением нового понятия *лексическая регулятивная универсалия*.

Эксперимент в филологии первых десятилетий XXI века – это «научно поставленный опыт, позволяющий следить за функционированием языкового или литературного явления в точно учитываемых условиях» [1, с. 121].

В лингвистике экспериментальный метод выступает доказательной базой тех или иных гипотез, предоставляя исследователю возможность подкрепить теорию практическим знанием. А.В. Болотнов [2], С.М. Карпенко [3], И.Н. Тюкова [4], Т.Е. Яцуга [5], Ю.Е. Бочкарева [6] и др. – это лишь малый перечень исследователей, которые использовали метод эксперимента в качестве доказательства различных теорий в своих работах по коммуникативной стилистике текста.

Основная цель, задачи и гипотеза проведенного нами эксперимента связаны с одним из направлений коммуникативной стилистики текста –

с теорией регулятивности. В задачи данного направления входит рассмотрение художественного текста как формы коммуникации, в которой отражается стилистический узус и идиостиль автора [7, с. 30]. То и другое определяется с учетом того, как текст устроен и ориентирован на адресата, как он действует, «работает» в процессе познавательной деятельности читателя, как разные авторы организуют эту деятельность средствами текста и его особой организацией [там же].

Согласно гипотезе нашего исследования, отражением механизмов мыслительной деятельности автора, воплощенных в тексте как продукте авторского сознания, являются лексические регулятивные универсалии. Под *лексическими регулятивными универсалиями* (далее ЛРУ) понимаем воплощение в характерных для автора средствах и способах лексической регулятивности особенностей его мышления и способа взаимодействия с адресатом.

Проведенное нами исследование опирается на работы по коммуникативным универсалиям [8, 9] и труды по когнитивной лингвистике и психологии [10, 11].

Выбор автором средств и способов регулятивности целесообразно рассматривать как проявление когнитивных механизмов, универсальных для конкретной поэтической языковой личности, «стоящей» за текстом. *Способы и средства регулятивности* соотносятся с *мыслительными операциями*, нацеленными на решение тех или иных мыслительных задач и реализации интенций автора. При этом доминирующий тип выдвигания отражает особенности мышления автора.

Контраст как доминирующий тип выдвигания в творчестве М. Цветаевой представляет особый интерес, учитывая коммуникативный и когнитивный аспекты его рассмотрения и непосредственную связь выделенного нами понятия лексической регулятивной универсалии со спецификой мышления автора. Важным является экспериментальное исследование прагматической эффективности лексических регулятивных структур антонимического типа в поэзии М.И. Цветаевой.

Для определения и анализа роли контрастно связанных слов в выражении смысла в поэзии автора и создании «эффективного диалога» между автором (М.И. Цветаевой) и адресатом нами был проведен эксперимент на материале стихотворения М.И. Цветаевой «Вчера еще в глаза глядел...» (1920 г.).

В эксперименте приняли участие 76 человек (10 лиц мужского пола и 66 женского от 16 до 65 лет): студенты Историко-филологического факультета ТГПУ, Фармацевтического факультета СибГМУ, Философского факультета ТГУ, студенты Томской духовной семинарии; учащиеся школ № 30, 16 г. Томска; а также лица с высшим и средним образованием от 25 до 65 лет: педагоги, экономисты, социологи, журналисты, филологи, инженеры и пр. Получено и проанализировано 1900 ответов.

Эксперимент был направлен на выявление совпадений/несовпадений выделенных исследователем и информантами регулятивных средств; на определение характера ассоциативно-смысловых приращений на основе сопоставления данных свободного ассоциативного эксперимента на уровне дотекстового восприятия отдельных элементов текста и их восприятия после прочтения текста.

Информантам было предложено записать ассоциации на слова-стимулы, в качестве которых выступили элементы оппозиций: «*вчера*» – «*нынче*», «*жаворонки*» – «*вороны*», «*мать*» – «*мачеха*», «*огонь*» – «*заледенелая*», «*живой*» – «*остолбенелая*».

Далее участникам эксперимента предлагался текст, в котором нужно было выделить ключевые для понимания его смысла слова, словосочетания, фразы, а также записать свои впечатления от целого текста (эмоции, осознание авторской идеи).

На заключительном этапе информантам предлагалось вновь зафиксировать ассоциации, вызванные указанными выше словами-стимулами.

Что показал эксперимент?

1. По результатам свободного ассоциативного эксперимента установлено, что в ядерную часть ассоциативного поля слов-стимулов входят:

а) реакции антонимического типа, связанные отношениями контраста со словами-стимулами (*вчера* – сегодня 15; *нынче* – вчера 2; *мачеха* – мать 3; *жаворонок* – сова 2; *мать* – отец 2); б) реакции синонимического типа (*нынче* – сейчас 13, сегодня 8, теперь 3, данный момент 2, сегодняшний день 2; *мать* – мама 7, родной человек 3, родная душа 2); в) реакции гиперонимического типа (*жаворонки* – птица 20; птичка 3).

2. Контраст как способ регулятивности вполне осознается читателями. Примечательно то, что информанты выделяли в большинстве случаев в качестве ключевых контрастные пары, что непосредственно указывает на их значимость в организации текста и отражении его эстетического смысла. Приведем примеры таких ответов с учетом частотности: «Не *мать*, а *мачеха* – *Любовь*» (15), «*Вчера*» – «*нынче*» (11), «*Жаворонки*» – «*вороны*»/ «Все *жаворонки* *нынче* – *вороны*» (12), «Где отступается *Любовь*, Там подступает *Смерть-садовница!*» (10), «*Живой*» – «*остолбенелая*» (7), «*Любовь*» – «*смерть*» (6), «*Мать*» – «*мачеха*» (5), «*Я глупая, а ты умен*» (4), «*Вот, что ты, милый, сделал – мне/мой милый, что тебе – я сделала?*» (4), «*Слезы*» – «*кровь*» (4), «*Жить приучил в самом огне, / Сам бросил – в степь заледенелую*» (4), «*Вода, – в крови, в слезах умылася*» / *слезы – вода – кровь* (3), «*Мачеха*» – «*Любовь*» (2), «*Жизнь*» – «*смерть*» (2), «*Целовал*» – «*отцеловал*» (2), «*Глядел*» – «*косится*» (2), «*Суд*» – «*милость*» (2), «*Ты*» – «*я*» (2).

3. Контрастные пары отражают текстовое развертывание и осознание адресатом темы, цели и эмоциональной тональности стихотворения.

Отметим две контрастные пары слов, которые являются ключевыми основаниями для противопоставления остальных контрастно связанных лексических единиц: контраст личностный («я» – «ты») и контраст хронотопа (времени): «вчера» – «нынче». Стихотворение строится на связи этих понятий, актуализируя прошлое и настоящее, событийное, подчеркивая оппозицию лирической героини и лирического героя, мужчины и женщины, их внутренних состояний, поступков. Сравняются, сближаются и противопоставляются события разных временных планов: прошлого и настоящего. Прошлое ассоциируется с положительными эмоциями, а настоящее с отрицательными.

Помимо этого, в стихотворении можно наблюдать оппозиции: «мать» – «мачеха», «мачеха» – «любовь», в которых актуализируется смысл: любовь была «родной», а стала чужой. Сравним также противопоставления: «вода» – «кровь», «жизнь» – «смерть», «любовь» – «смерть».

Тематика произведения определяется информантами в основном как тема любви (30 ответов): *забытой, безответной, ненастоящей, несчастливой, несчастной, неразделенной, потерянной, обманутой, неудавшейся*. Остальные участники эксперимента отметили темы *предательства* (6), *расставания* (6), *любимый бросил ее* (5), *разрыва* (3), *измены* (2), *мимолетности и скоротечности чувств* (2), «*Милый, что я тебе сделала?*» (2), *тема разлуки* (2).

Преобладающими ответами на вопрос об эмоциях, которые вызывает данное произведение, были следующие: грусть (16), жалость (15), печаль (12), сострадание (10), тоска (5), обида (5), боль (4), сочувствие (4), сопереживание (3), разочарование (2), непонимание (2), потеря (2), несправедливость (2), одиночество (2), отчаяние (2), чувство любви (2), задумчивость (2), возмущение (2).

Цель автора была определена информантами таким образом: *выплеснуть свою боль на бумагу, высказаться, выразить, передать чувства читателям, любимому; показать любовь, настроение, переживание, обиду, непонимание* (29); *узнать, найти ответ на вопрос: «Что я тебе сделала?»; понять, почему так произошло, и простить* (9); *рассказать о своей боли* (9).

4. Сопоставление результатов свободных ассоциативных экспериментов после знакомства с текстом и на уровне дотекстового восприятия позволяет судить о том, что в ряде случаев наблюдается опора на типовые ассоциации. Вместе с тем в большинстве случаев на прежнее слово-стимул у информантов появлялись новые ассоциации, непосредственно связанные с текстом и общим смыслом произведения (*вчера* – хорошее 5, прошло безвозвратно 3, любовь 2, любил 2, сегодня хуже, до катастрофы 1; *нынче* – косится 3, плохо 3, боль 2, после разрыва 2, расставание, разлука, бросил 1; *мать* – мачеха 2; *мачеха* – любовь 6, разлука 2,

нелюбимая 2; *живой* – смерть-садовница 3, продолжает жить 2, мужчина, муж, бывший 1; *остолбенелая* – мертвая 5, брошенная 4, пораженная 2, неживая 2, женщина 2, бесчувственная 2, лишенная чувств 2).

Приведенные примеры раскрывают эмоционально-оценочный отклик информантов на стихотворение. С помощью лексических регулятивных структур антонимического типа автору удалось передать свои эмоции, свою точку зрения. Информанты «встали на сторону» лирической героини стихотворения, не приняв позицию лирического героя, отвергнувшего, предавшего ее. Лирический герой получил неодобрение и осуждение информантов, что еще раз свидетельствует о регулятивном эффекте состоявшегося на основе текста диалога автора и адресата.

Контраст как тип выдвижения и доминанта регулятивности в данном произведении связан с неоднозначностью состояния героини, «двойственностью» борющихся в ней чувств. Подтверждением этого является анализ результатов эксперимента, который показал, что в качестве ключевых слов информантами были отмечены все контрастные пары, имеющиеся в данном стихотворении, хотя некоторые из них («огонь» – «заледенелая», «в глаза глядел» – «косится в сторону» и др.) являются индивидуально-авторскими.

Результаты эксперимента подтверждают особую значимость контраста в поэзии М. Цветаевой, который является, как показал анализ лирики автора, ключевым типом выдвижения и одним из важнейших способов управления познавательной и интерпретационной деятельностью читателя [12 и др.].

Если *способы и средства регулятивности* соотносятся с *мыслительными операциями*, нацеленными на решение тех или иных мыслительных задач и реализаций интенций автора, то контраст как доминирующий тип выдвижения в лирике М.И. Цветаевой непосредственно отражает особенности мышления поэтической языковой личности и механизмы мыслительной деятельности автора. У М.И. Цветаевой «все познается не в сравнении», а в противопоставлении. Именно благодаря ключевым оппозициям: «вчера» – «нынче», «я» – «ты», «живой» – «остолбенелая» и др., которые формируют образы лирических героев стихотворения и отражают событийный ряд, адресаты произведения становятся эмоционально причастными к состоянию лирической героини.

Изучение контраста как лексической регулятивной универсалии в поэзии М.И. Цветаевой видится нам перспективным и значимым, открывающим новые возможности в анализе поэтического мышления автора, его идиостиля и изучении картины мира.

Литература

1. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – Томск: Издательство ТГПУ, 2009. – 384 с.

2. Болотнов, А.В. Использование экспериментальной методики в анализе воздействия публичной языковой личности и ее медиатекстов на массового адресата / А.В. Болотнов // Вестник ТГПУ. – Томск, 2018. – № 2 (191). – С. 68–74.
3. Карпенко, С.М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н.С. Гумилева): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Карпенко С.М. – Томск, 2000. – 26 с.
4. Тюкова, И.Н. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в лирике Б.Л. Пастернака (на материале книги «Сестра-моя жизнь»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Н. Тюкова. – Томск, 2005. – 21 с.
5. Яцуга, Т.Е. Ключевые концепты и их вербализация в аспекте регулятивности в поэтическом тексте З. Гиппиус: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Е. Яцуга. – Томск, 2006. – 30 с.
6. Бочкарева, Ю.Е. Вариативные лексические повторы как средство регулятивности в лирике М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Е. Бочкарева. – Томск, 2007. – 23 с.
7. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева и др. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. – 331 с.
8. Болотнова, Н.С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте / Н.С. Болотнова // Филологические науки. – М., 1992. – № 4. – С. 75–87.
9. Тюкова, И.Н. Коммуникативные универсалии и формы их реализации в поэтических текстах Б. Пастернака / И.Н. Тюкова // Художественный текст и языковая личность: Материалы III Всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики ТГПУ (29–30 октября 2003 г.). – Томск, 2003. – С. 53–61.
10. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
11. Ступницкий, В.П., Щербакова, О.И., Степанов, В.Е. Психология: учебник / В.П. Ступницкий, О.И. Щербакова, В.Е. Степанов. – М., 2013. – 521 с.
12. Кабанина, О.Л. Текстовые парадигмы антонимического типа как отражение поэтической картины мира М.И. Цветаевой / О.Л. Кабанина // Вестник ТГПУ. – Томск, 2017. – № 3 (180). – С. 126–131.

УДК 81.38'42
ГРНТИ 16.21.55

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ СУГГЕСТИВНЫХ СРЕДСТВ И ТЕКСТОВ ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА

PRAGMATIC EFFECT OF SUGGESTIVE MEANS AND TEXTS ACCORDING TO THE EXPERIMENT

Е.М. Казанцева

Научный руководитель: А.В. Болотнов, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: суггестия, регулятивные средства, регулятивы, регулятивные цепочки.

Key words: suggestion, regulatory means, regulatory structures, regulatory chains.

Аннотация. В данной статье представлен анализ результатов эксперимента, направленного на выявление воздействующей силы регулятивных средств и структур, используемых в суггестивных текстах, на подсознание читателя. Большое внимание уделяется выявлению степени воздействия взаимосвязи регулятивных цепочек с тропами и стилистическими приемами. В качестве материала для исследования используются медицинские настроения Г.Н. Сытина («На смелое речевое поведение», «На работу», «На смелое поведение и высокую работоспособность», «Против заикания») из работы «Животворящая сила. Помогите себе сам».

Одним из важных способов речевого воздействия является внушение (суггестия). Под *суггестией* в данной работе понимается «воздействие на человека (прежде всего, словесное), воспринимаемое им без критической оценки – латентное (скрытое) вербальное воздействие» [1]. К.М. Варшавский, говоря о внушении, указывает на его отличия от убеждения – воздействия одного человека на другого доводами разума; сознательного восприятия слова [2, с. 4].

Наукой, предметом изучения которой является исследование лингвистических аспектов суггестии (средств и приемов изменения установок личности и общества, обеспечивающих эффективность суггестивных текстов), является *суггестивная лингвистика*. Это качественная лингвистическая теория, объясняющая воздействие языка на подсознание.

Внушение традиционно относили к областям магии, религии, медицины и психологии. К нему издавна прибегали как к способу воздействия людей друг на друга, исцеления некоторых больных, демонстрации своего могущества и чудодейственной силы (служители религиозных культов). Изначально такое воздействие применялось интуитивно, но с развитием науки явление суггестии пытались объяснить.

Наиболее часто суггестия целенаправленно и сознательно используется в медицине и изучается преимущественно в связи с вопросами психотерапии. Так, Г.Н. Сытин в своей работе «Животворящая сила. Помогите себе сам» [3] предлагает метод СОЭВУС (словесно-образного эмоционально-волевого управления состоянием человека) (или метод психокоррекции), который базируется на методах психотерапии и некоторых аспектах нетрадиционной медицины.

В качестве материала для нашего исследования были взяты четыре суггестивных текста из данной работы («На смелое речевое поведение», «На смелое поведение и высокую работоспособность», «Против заикания», «На работу»). При анализе настроев нами были выделены лексические регулятивные средства и регулятивные структуры, благодаря которым автор организует познавательную деятельность читателей.

К лексическим регулятивным средствам относятся тропы. В процессе исследования из 6342 слов было выявлено 379 изобразительно-выразительных средств, используемых ученым для речевого воздействия на

адресата. Среди них: эпитет (194), гипербола (68), метафора (58), олицетворение (37), сравнение (13) и перифраз (9).

Для изучения регулятивной силы тропов в суггестивных текстах Г.Н. Сытина нами был проведен эксперимент, в котором приняло участие 42 человека в возрасте от 18 до 22 лет с неполным высшим гуманитарным и техническим образованием.

Информантам были предложены следующие задания:

1) Прочитать текст. Подчеркнуть фрагмент, который привлек внимание, объяснить, почему.

2) Оценить по 5-балльной шкале степень воздействия выделенных респондентами фрагментов.

По итогам эксперимента было установлено, что большинство опрашиваемых в первом задании привлекали фрагменты, содержащие изобразительно-выразительные средства. Например, отмечались гиперболы: «я с беспредельной дерзновенностью верю», «в миллион раз сильнее всех речевых трудностей», «моя уверенность сильнее всего во всей Вселенной»; метафоры: «весь насквозь абсолютно спокоен»; сравнения: «спокоен, как зеркальная гладь озера».

Также была отмечена высокая степень влияния выделенных отрывков: 67% респондентов во втором задании оценили воздействие 4 и 5 баллами.

На основании данных результатов можно сделать вывод, что тропы в текстах Г.Н. Сытина легко выявляются читателями и обладают высокой регулятивной силой.

Взаимосвязь регулятивных средств формирует регулятивные структуры (регулятивы). «Регулятивы создают регулятивную макроструктуру, по-разному определяющую способность текста управлять познавательной деятельностью читателя в зависимости от индивидуальной манеры писателя» [4, с. 164–165].

В результате наблюдений нами было установлено, что на уровне высказывания Г. Сытин организует деятельность читателя главным образом за счет повтора лексических единиц. Были выделены следующие группы: повторы однокоренных слов; повторы, содержащие тождественные лексические единицы, осложненные конкретизаторами; повторы разных форм слова; повторы, содержащие тождественные лексические единицы; повторы, основанные на семантической соотнесенности слов. Причем два последних вида повтора составляют самые объемные группы и встречаются во всех текстах.

На основе приёма повтора формируются регулятивные цепочки разных видов. Регулятивные цепочки, основанные на повторах, содержащих тождественные лексические единицы, делятся на именные, глагольные и наречные. Вторая часть эксперимента была направлена на изучение воздействующего эффекта регулятивных цепочек данных групп.

В качестве материала были использованы 19 фрагментов медицинских настроев, содержащих регулятивы разных типов. В качестве задания респондентам предлагалось прочитать их и указать, какие ощущения они вызывают, а также оценить по 5-балльной шкале степень воздействия, произведенного каждым из высказываний.

По результатам первого задания второй части эксперимента можно сделать вывод, что после прочтения настроев у разных людей могут возникать противоположные ощущения. У большинства участников эксперимента тексты вызвали положительные ощущения (см. ответы: «легкое воодушевление», «уверенность в себе и удовлетворённость своей жизнью», «мотивирует на реализацию всех своих целей, на стремление вперед», «заряд оптимизма, бодрости, чувство внутренне свободы», «уверенность в том, что я могу контролировать себя и свои внутренние процессы», «ощущения расслабления и освобождения от скованности»). Было дано большое количество ответов с уточнением того, что при многократном повторении тексты заставляют поверить в себя; но также были ответы, в которых отмечалось отрицательное воздействие: 5 человек отметили, что многократные повторения вызывают у них раздражение, 4 – трудность восприятия, у 2-х человек тексты не вызвали никакой реакции.

Высказывания, содержащие различные виды регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц, оказывают (судя по среднему показателю) схожее воздействие на информантов. Тексты с наречными и глагольными регулятивными цепочками по степени воздействия были оценены на 4 и 5 баллов 43% информантов, а тексты с именными регулятивными цепочками – 39%.

Интересной особенностью является степень воздействия текстов, содержащих взаимосвязь регулятивных цепочек с тропами и стилистическими приемами.

Тексты, в которых использовались наречные регулятивные цепочки в сочетании с гиперболой, были оценены как тексты с высокой степенью воздействия только 23% опрошенных; с градацией – 42%; с эпитетом – 71%. Повтор наречий в текстах Г.Н. Сытина в основном используется для обозначения интенсивности действий, их качеств, а также для усиления значения качеств человека. Благодаря сочетанию наречных регулятивных цепочек с гиперболой и градацией подчеркивается особая значимость этих действий и качеств человека. А употребление эпитетов акцентирует внимание читателя на важных моментах в тексте, подчеркивает и усиливает семантику стоящих рядом с ним слов, с помощью определений в несколько раз усиливаются их качества. Получается, что совместное употребление повторов наречий и усиливающих их эпитетов оказывает большее воздействие на подсознание человека, чем употребле-

ление тех же регулятивных цепочек совместно с гиперболой и градацией.

Глагольные регулятивные цепочки в сочетании с эпитетами и градацией в среднем были оценены высшими баллами 88% респондентов. Наоборот, цепочки, содержащие только лексический повтор, без усиления изобразительно-выразительными средствами, были отмечены низкими показателями 47% и средними – 28%. Это связано с тем, что повтор глаголов активизирует воображения читателя и способствует созданию образов в сознании адресата, а сочетание с изобразительно-выразительными средствами (эпитеты и градация) производит двойной воздействующий эффект на информантов.

Среди именных регулятивных цепочек высокой степенью воздействия обладают те, которые находятся в сочетании с эпитетами, гиперболой, синонимами (54% участников эксперимента поставили высокие баллы), а также в сочетании с эпитетами, гиперболой и градацией (63%). Совместное употребление именных регулятивных цепочек с метафорами, эпитетами и градацией показало средний результат среди анкетированных – 42%. Цепочки, состоящие только из повторов, были отмечены низкими баллами 46% участников и средними – 28%.

Использование именных регулятивных цепочек служит для выражения значений множественности, полноты и интенсивности. В сочетании с тропами и приемами эти значения усиливаются, тем самым, производя больший эффект. Этим объясняется разница в результатах цепочек только с повторами и цепочек с использованием средств выразительности. А вот различие в показателях между цепочками с разным набором данных средств (гипербола, эпитеты и градация; метафоры, эпитеты и градация) может быть связано с тем, что метафоричные образы более мягкие и являются украшением речи, в отличие от гиперболы, которая обладает эффектом усиления и сильным воздействием на подсознание.

Таким образом, Г.Н. Сытин организует познавательную деятельность читателей с помощью лексических регулятивных средств и регулятивных структур. В качестве регулятивных средств выступают тропы. На основании результатов эксперимента было выявлено, что тропы, используемые в настроениях, легко выявляются читателями и обладают высокой регулятивной силой.

На уровне высказывания автор организует деятельность читателя за счет повтора лексических единиц. На основе приёма повтора формируются регулятивные цепочки разных видов. Интерес вызывает степень воздействия текстов, содержащих взаимосвязь регулятивных цепочек с тропами и стилистическими приемами. Самые высокие показатели среди наречных регулятивных цепочек были отмечены при совместном использовании с эпитетами; глагольных – с эпитетами и градацией; а среди именных – с эпитетами, гиперболой и градацией.

Литература

1. Черепанова, И.В. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного / И.В. Черепанова. – Москва: «КСП+», 1999. – 416 с.
2. Варшавский, К.М. Гипносуггестивная терапия (Лечение внушением в гипнозе) / К.М. Варшавский. – Ленинград: Медицина, Ленингр. отд., 1973. – 192 с.
3. Сытин, Г.Н. Животворящая сила. Помоги себе сам / Г.Н. Сытин. – Москва: Энергоатомиздат, 1990. – 416 с.
4. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.

УДК 81.38/42
ГРНТИ 16.21.55

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ А. АХМАТОВОЙ ШКОЛЬНИКАМИ (НА ОСНОВЕ АНКЕТИРОВАНИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТА)

FEATURES OF THE PERCEPTION OF POETIC TEXTS OF A. AKHMATOVA BY SCHOOLCHILDREN (BASED ON QUESTIONING AND EXPERIMENT)

И.А. Килина

Научный руководитель: Н.С. Болотнова, д-р филол. наук, проф.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: языковая личность, текстовая компетенция, текст, анкетирование, эксперимент, регулятивность.

Key words: language personality, textual competence, text, questioning, experiment, regulativeness.

Аннотация. В статье представлены результаты анкетирования и трех экспериментов, посвященных изучению воздействия текста и его элементов на читателя, отражающих показания языкового сознания информантов. Исследование выполнено на материале стихотворений А.А. Ахматовой различной тематики.

Статья написана в русле коммуникативной стилистики текста, ориентирована на анализ диалога автора и читателя, выявление идиостиля автора и некоторых особенностей вторичной коммуникативной деятельности читателя.

В настоящее время в образовательном пространстве особое внимание уделяется формированию языковой личности школьников и развитию текстовых компетенций. Вслед за Е.В. Иванцовой языковая личность определяется нами как «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [1, с. 10]. Особенно важным является вопрос о формировании культуры речевого общения учащихся, осуществляемого на основе текстовой деятельности. Именно

текст является одним из ключевых понятий для формирования текстовой компетенции, поэтому умение работать с текстом (читать, понимать, анализировать, воспринимать авторский замысел) рассматривается как необходимое учебное умение, отражающее не только уровень успешного обучения, функциональной грамотности, но и культуры человека вообще. Текст является именно тем ключевым фактором, который формирует языковую личность и отражает уровень ее общей и коммуникативной культуры: «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [2, с. 27] и «за каждой языковой личностью стоит множество производимых ею текстов» [3, с. 6].

Каждый школьник – это формирующаяся языковая личность, именно поэтому нам представляется крайне значимым включение в образовательный процесс творческой работы, проявляющейся в формате анкетирования и эксперимента с текстами высокой культурологической значимости, какими являются стихи А.А. Ахматовой.

К одному из общенаучных методов в процессе филологического анализа художественного текста относится эксперимент – «метод познания, при помощи которого в контролируемых условиях исследуются явления действительности. Применительно к филологическому анализу художественного текста это научно поставленный опыт, позволяющий следить за функционированием языкового или литературного явления в точно учитываемых условиях» [4, с. 556]. Эксперимент, основанный на показаниях языкового сознания реципиентов, активно используется в коммуникативной стилистике текста. Исследование опирается на теорию регулятивности, функция которой «заключается в способности управлять читательским восприятием и интерпретационной деятельностью благодаря особому отбору средств и организации текста в соответствии с авторской интенцией» [5, с. 164–165]. Н.С. Болотновой было отмечено, что «регулятивность текста имеет прагматическую основу и соотносится с рядом выделенных исследователями свойств текста: модальностью, эмотивностью, экспрессивностью, прагматичностью» [4, с. 142].

В период производственной практики по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности в МБОУ «Бакчарская СОШ» нами были проведены анкетирование и эксперименты, направленные на выявление степени воздействия поэтического слова А. Ахматовой и определение его регулятивных возможностей.

В исследовании мы обратились к таким экспериментам, как:

- 1) свободный ассоциативный эксперимент;
- 2) рецептивный эксперимент, направленный на выявление эстетического смысла поэтических текстов, их анализ;
- 3) эксперименты по методике шкалирования на определение регулятивной силы поэтического слова А. Ахматовой.

Целью проведенных экспериментов было выявление средств регулятивности в поэтических текстах А. Ахматовой. С помощью регулятивных средств «выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя» [5, с. 167].

В качестве основных гипотез исследования были выделены следующие: 1) лирика А. Ахматовой является близкой и актуальной современному читателю, благодаря чему возможна адекватная вторичная коммуникативная деятельность адресата; 2) к сильным средствам регулятивности в поэтических текстах А. Ахматовой относится лексика, способная управлять познавательной деятельностью читателя, воздействовать на него.

В анкетировании и эксперименте приняли участие 102 информанта в возрасте от 15 до 18 лет (обучающиеся 9-х и 11-х классов в МБОУ «Бакчарская СОШ» Томской области), среди них – 59 девочек, 43 мальчика. Выполнение заданий у учащихся заняло в среднем 15 минут. Обучающиеся отвечали на вопросы заинтересованно, некоторые школьники не раз возвращались к заданиям с целью продолжить свой ответ. Стоит отметить, что не каждый учащийся справился со всеми заданиями (5 человек не смогли назвать известные им стихотворения А. Ахматовой, 1 человек ответил только на первый вопрос). Всего было получено 905 ответов.

В задачи анкетирования входило: определить, знают ли учащиеся творчество А. Ахматовой; выявить личностные предпочтения относительно поэтических текстов вообще и поэтических текстов А. Ахматовой, в частности; описать ассоциации, возникающие в сознании учащихся на стимул «Анна Ахматова».

Анкетирование показало, что практически все участники опроса любят читать поэтические тексты и ценят их (99 чел.), большая часть информантов знакома с творчеством А. Ахматовой (97 чел.).

На вопрос: «Какие ассоциации возникают у Вас при упоминании имени Анны Андреевны Ахматовой?» нами были получены следующие ответы (приведены наиболее частотные): «поэт» (19) «сострадательная» (17), «талантливая» (15), «сильная (женщина)» (13), «тонко чувствующая» (10), «любящая» (5).

На предложение перечислить известные учащимся стихи А. Ахматовой были получены ответы: «Реквием» (16), «Я научилась просто, мудро жить» (6), «А ты думал, я тоже такая» (4), «Молитва» (4), «Все обещало мне его» «Сжала руки под темной вуалью» (4), «Какая есть, желаю вам другую» (3), «Сероглазый король» (3), «Мне голос был» (3), «Мужество» (3), «Муза» (3), «Двадцать первое. Ночь. Понедельник» (3), «Белой ночью» (3) и др.

Следующее задание «Прочитайте названия стихотворений А. Ахматовой и отметьте, какой теме, на Ваш взгляд, они посвящены? Аргументируйте свой выбор» у информантов не вызвало затруднений. Практически все (88 чел.) справились, точно определив тему, но аргументировать

свой выбор смог далеко не каждый (49 чел). Школьники отметили, что стихотворения А. Ахматовой «Лилии», «Над черной бездной с тобою я шла», «Сердце к сердцу не приковано», «У меня есть улыбка одна» посвящены теме любви; «Молюсь оконному лучу» – выражению тоски, одиночества; стихотворение «Я научилась просто, мудро жить» посвящено теме любви, гармонии, истинного счастья.

Особенно интересной для анализа стала аргументация учащимися названий стихотворений Ахматовой. Некоторым школьникам удалось приблизиться к пониманию идеи стихотворения, что свидетельствует о высокой регулятивности названий поэтических текстов А. Ахматовой. Обратимся к примеру в качестве иллюстрации: *«Почти все приведенные названия стихотворений посвящены теме любви, но совершенно в разных нюансах. Так, в «Лилиях» любовь больше нежная, тихая и спокойная. Скорее всего, лирическая героиня вспоминала о своих былых чувствах, к которым относилась с особым трепетом, ведь лилии – это символ непорочности. Стихотворение «Над черной бездной с тобою я шла» окрашено совсем иной тональностью. Я считаю, что лирическая героиня очень влюблена в своего молодого человека, но что-то им не дает быть вместе, видимо, какие-то жизненные обстоятельства, отчего она явно пребывает в печали и грусти. Стихотворение, носящее название «У меня есть улыбка одна...», позволяет мне представить лирическую героиню девушкой-кокеткой, которая борется за своего возлюбленного. Ей дороги чувства, она готова ради них на все».*

Следующее задание было связано с рецептивным экспериментом, направленным на анализ поэтического текста (стихотворение А. Ахматовой «Песня о песне» (1916 г.)), выявление его эстетического смысла, работу с толковым словарем при объяснении лексем, нахождение средств выразительности, умение свободно интерпретировать текст. Для большинства информантов данное задание оказалось сложным, лишь 48 из них удалось успешно его выполнить. Стоит отметить, что 19 человек (из 38 справившихся) не смогли объяснить значение выражения «жниц ликующую рать», даже пользуясь словарем. Эстетический смысл текста был интерпретирован правильно у 76 респондентов. Было отмечено, что в стихотворении заявлена тема поэта и поэзии, подчеркнута особая роль творца.

Свободный ассоциативный эксперимент оказался самым интересным для информантов. Респондентам было необходимо указать ассоциации на следующие слова-стимулы: поэзия, любовь, жизнь смерть. Выбор данных лексем связан с их идейной значимостью в творчестве А. Ахматовой. Результаты проведенного эксперимента следующие (отмечены наиболее частотные реакции):

Поэзия: «поэт» (20), «нежность» (16), «волнующая» (16), «вечная» (15), «женская» (8), «пламенная» (8), «успокаивающая» (8) и др.

Любовь: «счастье» (22), «красивая» (14), «искренняя» (14), «боль» (8), «страдания» (8), «женщины и мужчины» (7), «отношения» (7), «безответная» (7), «сердце» (6) и др.

Жизнь: «взрослая» (16), «красивая» (15), «поиск» (14) «тяжелая» (13), «неизвестность» (8), «гармония» (8), «от рождения» (4) и др.

Смерть: «конец» (15), «неизбежность» (14), «страх» (14), «безысходность» (13), «тайна» (6), «покой» (5), «не хочу» (4) и др.

Анализируя полученные результаты, мы пришли к выводу, что информанты, участвуя в эксперименте, руководствовались жизненным опытом. Кроме того, свободный ассоциативный эксперимент позволил обнаружить особенности диалога между автором и адресатами-школьниками, поскольку наиболее частотные реакции на указанные слова-стимулы совпадают с ключевыми словами автора, коррелируют с идейной значимостью текста.

В экспериментах по методике шкалирования информантам предлагалось подчеркнуть ключевые слова и обороты, которые, по их мнению, обладают наибольшей силой эмоционального воздействия. В качестве материала для эксперимента было выбрано стихотворение А. Ахматовой «А ты думал, я тоже такая...» (1921 г.). Целью эксперимента было выявить специфику восприятия школьниками стихотворения, определить его регулятивность.

Последние 6 строк в тексте, как отметил 91 респондент, обладают наибольшей силой эмоционального воздействия (10 баллов). Стоит отметить, что многие учащиеся аргументировали свой выбор примерно одинаково. Приведем пример одного из ответов: *«Стихотворение А. Ахматовой "А ты думал – я тоже такая..." обладает огромной силой эмоционального воздействия. Оно произвело на меня неизгладимое впечатление! Представляю, до какого отчаяния была доведена лирическая героиня! Из ее уст вырвалась фраза «будь же проклят», которую можно услышать от человека, который отчаялся, разочаровался, находится в ярости, вне себя. Эта любовная трагедия очень задела лирическую героиню. Стихотворение насквозь пропитано словами, образами, от прочтения и представления которых становится не по себе. Очень сильное стихотворение, проникает насквозь в душу!»*

Многие респонденты, объясняя свой выбор, отмечали, что *«слова и сочетания слов, использованные автором, очень сильны по силе своего воздействия и заставляют ощущать то настроение, в котором пребывает лирическая героиня»*: «забыть меня», «брошусь, моля и рыдая», «окаянной души не коснусь», «чудотворной иконой клянусь», «я к тебе никогда не вернусь», «будь ты проклят» (подчеркнуто у 54 информантов).

Второй эксперимент по методике шкалирования был завершающим в проведенной работе. Информантам предлагалось рассмотреть два сти-

хотворения А. Ахматовой «Это просто, это ясно... (1917 г.), «Особых претензий не имею» (1952 г.) и определить, какое из них представляется более легким для восприятия и понятным, аргументировав свой ответ. Кроме того, обучающиеся должны были оценить силу эмоционального воздействия каждого стихотворения по 5-балльной шкале. Результаты показали, что наибольшим воздействием обладает стихотворение «Это просто, это ясно...» (99 чел.), стихотворение «Особых претензий не имею» у 80 чел. было отмечено 3 баллами, у 21 чел. – 2 баллами. Информанты отмечали, что *«легче и понятнее для восприятия стихотворение А. Ахматовой 1917 года по нескольким причинам: наличие четкого ритма, большого количества изобразительно-выразительных средств, использование простых и понятных слов. Стихотворение напоминает песню»*. Второе стихотворение, по мнению учащихся, *«хоть и достаточно короткое, но тяжелое для восприятия. Отсутствие рифмы не располагает к прочтению. Стихотворение бедное на средства выразительности, авторская идея не ясна. Несомненно, в данное стихотворение автор при написании вкладывал определенный смысл, но я его не понимаю, и поэтому я поставлю 2 балла за силу эмоционального воздействия. Эта сила практически не ощутима»*.

Обобщая представленный материал, можно сделать следующие выводы: практически всем школьникам близко и понятно творчество А. Ахматовой; лирика автора обладает высокой степенью воздействия на читателя благодаря наличию точных, образных изобразительно-выразительных средств, ярких лексических регулятивов. Особенности восприятия поэтических текстов Ахматовой информантами подтвердили выдвинутую гипотезу о том, что именно лексика стала основным регулятивным средством, с помощью которого осуществлялась вторичная коммуникативная деятельность читателя, достигался прагматический эффект.

Внимание к языковой стороне художественного текста способствует обучению лингвистическому анализу поэтического текста, более глубокому пониманию его смысла. Эксперимент наглядно продемонстрировал особую значимость поэтического слова А. Ахматовой, которое стимулирует у школьников познавательный, языковой и культурный потенциал личности, способствует развитию текстовой компетенции.

Литература

1. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности: монография / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во ТГУ. – 2002. – 312 с.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука. – 1987. – 263 с.
3. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – Москва: Лабиринт. – 2004. – 317 с.

4. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., доп. / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та. – 2006. – 631 с.
5. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – Томск. – 2008. – 384 с.

УДК 81'38
ГРНТИ 16.21.51

**АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ
РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ**

**ANALYSIS OF THE SPEECH BEHAVIOR OF THE PERSONS
OF THE NOVEL I.S. TURGENEV "FATHERS AND CHILDREN"
AS A METHOD OF FORMING COMMUNICATIVE
COMPETENCE OF STUDENTS**

П.А. Митрошина

Научный руководитель: С.М. Карпенко, канд. филол. наук, доцент

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, речевое поведение, языковая личность, литературный персонаж.

Key words: communicative competence, speech behavior, linguistic personality, literary character.

Аннотация. Статья посвящена анализу речевого поведения персонажа романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева в аспекте формирования коммуникативной компетенции обучающихся. Речевое поведение литературного персонажа рассматривается с учётом модели языковой личности. Предложена система заданий для изучения речи персонажа в коммуникативном контексте.

Реализация основной образовательной программы невозможна без учета требований Федерального государственного образовательного стандарта, основным требованием которого является развитие у обучающихся личностных, предметных и метапредметных универсальных учебных действий с целью формирования всесторонне и гармонично развитой личности. В связи с этим выделяют несколько подходов в образовании, один из которых компетентностный. Понятие «подход» определяется как «совокупность приемов, способов в изучении чего-либо» [1, с. 579]. В значении термина *компетентность* отражены знаниевый и процессуальный компоненты, то есть компетентность предполагает способность индивидуума к осуществлению реальной деятельности. Следовательно, компетентностный подход – это совокупность способов и прие-

мов, которые направлены на формирование компетенций. В рамках данного подхода выделяют следующие компетенции: языковую, информационную, лингвистическую, предметную, профессиональную, коммуникативную. Под коммуникативной компетенцией понимается «способность реализовывать лингвистическую компетенцию в различных условиях речевого общения с учетом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразности высказывания» [2, с. 80]. Таким образом, обучающиеся должны уметь выражать свои мысли в устной и письменной форме, взаимодействовать с людьми различного социального положения и возраста, находить компромиссы в разных коммуникативных ситуациях с учётом ситуативных, социальных и других экстралингвистических факторов.

В статье рассматривается речевое поведение героини романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» – Анны Сергеевны Одинцовой, в аспекте формирования коммуникативной компетенции обучающихся. Разработаны задания для анализа речевого поведения литературного персонажа в коммуникативном контексте, под которым понимаются «концептуально обусловленные авторской интенцией, коммуникативные условия общения персонажей, включая описание ситуации общения и обстоятельств общения» [3, с. 61]. Предлагаемые задания направлены на формирование коммуникативной компетенции школьников.

Творчество И.С. Тургенева интересно тем, что писатель в своих произведениях создает, как правило, персонажей, которые обладают яркими индивидуальными речевыми характеристиками, отражающими их образ мыслей, чувства, социальное положение и характер. Кроме того, изучение наследия И.С. Тургенева входит в календарно-тематическое планирование по литературе. В общеобразовательной школе знакомство с произведениями писателя начинается уже с 5-го класса, роман «Отцы и дети» вводится в программу в 10–11 классах.

Изучение речевого поведения литературных персонажей может осуществляться на уроках литературы, а также на занятиях в рамках отдельного элективного курса. Термин «литературный персонаж» определяется как «действующее лицо в литературном произведении» [1, с. 369]. Автор создает образ героя, который может иметь прототип в реальной жизни или может быть вымышленным. Под речевым поведением понимаются «речевые поступки индивидуумов в типовых ситуациях, отражающих специфику языкового сознания данного социума» [4, с. 138]. Анализ речевого поведения персонажа осуществляется в контексте коммуникативных ситуаций художественного произведения.

Приведём варианты заданий, в которых предлагается проанализировать речевое поведение Анны Сергеевны Одинцовой. Рассматривать речевое поведение персонажа будем с учётом концепции языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым. Языковая личность – это «человек

как носитель определённых речевых предпочтений, знаний и умений, установок и поведения» [5, с. 412]; «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [6, с. 671]. Учёным разработана модель языковой личности, включающая в себя следующие уровни и соответствующие им единицы: 1) вербально-семантический (лексика); 2) тезаурусный (знания); 3) мотивационный (цели и мотивы) [7]. Так как персонажи художественного произведения проявляют себя в коммуникативных ситуациях как языковые личности, считаем, что при анализе их речевого поведения необходимо учитывать особенности всех уровней: вербально-семантического, тезаурусного и прагматического. Считаем, что анализ речевого поведения персонажей с учётом данной модели будет способствовать формированию коммуникативной компетенции обучающихся.

Героиня романа – Анна Сергеевна Одинцова, является одним из главных персонажей. При чтении романа можно отметить неоднозначность её поведения и намерений, противоречивость характера.

Задание № 1. Необходимо дать общую характеристику Анны Сергеевны Одинцовой.

Пример. Молодая женщина 29 лет. Она умна, спокойна, холодна, любопытна, имеет свободный и решительный характер. Дочь известного афериста, игрока Сергея Николаевича Локтева, проигравшего состояние и вынужденного переехать в деревню, после смерти оставившего крошечное состояние Анне и ее сестре Екатерине.

Анна Сергеевна получила блестящее воспитание, но была совершенно не приспособлена к деревенской жизни. Поэтому вскоре вышла замуж по расчету за Одинцова – богатого человека 46 лет, чудака, однако не глупого и не злого. Одинцов вскоре умер, оставив все наследство Анне Сергеевне.

Одинцову не любили в губернии, часто распускали про нее слухи, говорили, что она «прошла огонь и воду».

Задание № 2. Охарактеризовать вербально-семантический уровень языковой личности героини. Проанализировать изобразительно-выразительные средства языка, используемые при описании речевого поведения Одинцовой; особенности лексики, словообразования, построения предложений. Сделать выводы.

При описании речевого поведения героини автор использует выразительные средства:

1) синтаксический параллелизм: «она **многое** ясно видела, **многое** ее занимало», «**не имея** никаких предрассудков, **не имея** даже никаких верований»;

2) олицетворение: «*ее ум был пытлив и равнодушен*»;

3) эпитеты: «*не имея даже никаких сильных верований*», «*радужные краски загорались иногда и у ней перед глазами*», «*но и тогда кровь ее по-прежнему тихо катилась в ее обаятельно стройном и спокойном теле*»;

4) метафоры: «*радужные краски загорались иногда и у ней перед глазами*»;

5) повтор: «*Не имея никаких предрассудков, не имея даже никаких сильных верований*», «*она ни перед чем не отступала и никуда не шла*».

В речи Анны Сергеевны присутствует оценочная лексика со значением «уверенность» («*Я убеждена, что мы не в последний раз видимся, – произнесла Анна Сергеевна с невольным движением*»). В то же время встречаются вводные слова, выражающие сомнение («*Мы говорили с вами, кажется, о счастье*», «*Может быть, они кажутся вам смешными?*», «*Я прошла, может быть, через такие же испытания, как и вы*», «*Или, может быть, вы меня, как женщину, не считаете достойною вашего доверия?*»), неоднократно встречаются вопросительные предложения («*– Вы забыли?*», «*– И так-таки у вас ни капельки художественного смысла нет?*», «*И вы полагаете, – промолвила Анна Сергеевна, – что, когда общество исправится, уже не будет ни глупых, ни злых людей?*», «*А ваше какое мнение, Аркадий Николаевич?*»). Все это отражает, с одной стороны, – твёрдость характера и способность иметь своё мнение, с другой стороны – некоторые сомнения, неуверенность и склонность к рефлексии.

Задание № 3. Проанализировать тезаурусный уровень. Рассмотреть речевое поведение Одинцовой в аспекте ее представлений о мире. Что можно сказать об её образовании и умственном развитии? О чем это может свидетельствовать?

В речи Анна Сергеевны встречается французская лексика («*– Merci, – промолвила Одинцова, вставая*»). Героиня использует слова вежливого обращения к мужчине, которые приняты в речевом этикете Франции и некоторых других стран («*– Вам, мсьё Базаров, это все равно; но вы, мсьё Кирсанов, кажется, любите музыку*»). Героиня интересуется французскими романами («*Она потянулась, улыбнулась, закинула руки за голову, потом пробежала глазами страницы две глупого французского романа, выронила книжку – и заснула, вся чистая и холодная, в чистом и душистом белье*»), не равнодушна и к точным наукам («*– Вы забыли? Вы хотели дать мне несколько уроков химии*», «*За ужином Анна Сергеевна снова завела речь о ботанике*»).

Все это свидетельствует об образованности, начитанности, интеллигентности, высоком уровне общей и речевой культуры героини, что обусловлено ее высоким положением в обществе. Однако можно говорить о том, что Одинцова использует французский язык только потому, что так принято в её среде, или с целью оказать впечатление на окружающих.

Так, в её прямой речи можно выделить лишь две французские лексемы – «мерсі» и «мсьё», в несобственно-прямой речи обнаруживается неодобрительное отношение к французским романам – «глупого французского романа».

Задание № 4. Проанализировать мотивационный уровень. Что можно сказать о целях А.С. Одинцовой на основе анализа её речевого поведения?

Как уже было отмечено, в речи Одинцовой встречаются две лексемы из французского языка – это «мерсі» и «мсьё», французские романы для нее являются глупыми, однако она все же к ним обращается. Поэтому можно сделать вывод о том, что Анна Сергеевна хочет казаться окружающим заинтересованной культурой того общества, членом которого является, и знающей французский язык. Героиня пытается создать впечатление более умной, начитанной женщины, чем является на самом деле.

До встречи с Базаровым Одинцова была равнодушна, холодна, безэмоциональна, спокойна и уравновешенна, испытывала неприязнь к светскому обществу: *«По лицу Анны Сергеевны трудно было догадаться, какие она испытывала впечатления: оно сохраняло одно и то же выражение, приветливое, тонкое; ее прекрасные глаза светились вниманием, но вниманием безмятежным».*

В ее речевой характеристике часто используется глагол «промолвила», что может свидетельствовать о нерешительности, колебании, робости героини. Например: *«– Merci, – промолвила Одинцова, вставая»; «– И так-таки у вас ни капельки художественного смысла нет? – промолвила она, облокотясь на стол и с этим самым движением приблизив свое лицо к Базарову»; «И вы полагаете, – промолвила Анна Сергеевна, – что, когда общество исправится, уже не будет ни глупых, ни злых людей?»; «Она выслушала его и промолвила ...».*

Анна Сергеевна пунктуальна. Она считает, что во всем необходимо придерживаться порядка: *«Этому отчасти способствовал порядок, который она завела у себя в доме и в жизни. Она его строго придерживалась и заставляла других ему покоряться. <...> Утром, ровно в восемь часов, все общество собиралось к чаю; от чая до завтрака всякий делал что хотел, сама хозяйка занималась с приказчиком (имение было на оброке), с дворецким, с главной ключницей. Перед обедом общество опять сходилось для беседы или для чтения; вечер посвящался прогулке, картам, музыке; в половине одиннадцатого Анна Сергеевна уходила к себе в комнату, отдавала приказания на следующий день и ложилась спать».*

После того как Одинцова сближается с Базаровым, в её речи и поведении происходят изменения. Реакция на происходящее вокруг становится более эмоциональной: *с живостью подхватила, усмехнулась, нахмурилась, ей стало досадно, промолвила с расстановкой, шепнула.* Меняется и речевая характеристика героини: глагол «промолвила» заменяется лексемами «проговорила», «произнесла». Ее речь становится

решительной, уверенной, сопровождается невербальными средствами: «– Евгений Васильевич, – **проговорила она, и невольная нежность зазвенела в ее голосе**», «– Я убеждена, что мы не в последний раз видимся, – **произнесла Анна Сергеевна с невольным движением**». После встречи героини с Базаровым нарушается порядок в доме: «– *Еще бы! Да вот, например: через несколько минут пробьет десять часов, и я уже наперед знаю, что вы прогоните меня (Базаров).*

– *Нет, не прогоню...», «На следующий день, когда Одинцова явилась к чаю, Базаров долго сидел, нагнувшись над своею чашкою, да вдруг взглянул на нее... <...>. Она скоро ушла к себе в комнату и появилась только к завтраку».*

Такое поведение Одинцовой можно объяснить влюбленностью героини и нежеланием отпугнуть Базарова своей холодностью, безразличием и неуверенностью (хотя сама героиня не признается в своей любви). Или, что более вероятно, Анна Сергеевна хотела привлечь Базарова, чтобы убедиться в своей неспособности полюбить кого-либо.

На основе анализа речевого поведения А.С.Одинцовой можно сделать вывод о том, что ее образ очень противоречивый и сложный.

Таким образом, анализ речевого поведения литературного персонажа способствует формированию коммуникативной компетенции обучающихся, которым в процессе совместной работы необходимо решать коммуникативные задачи: высказывать свое мнение, слушать ответы одноклассников и понимать их точку зрения, вести дискуссию, уметь выражать свои предположения в устной или письменной форме. Анализ речевого поведения персонажа с учётом модели языковой личности позволяет акцентировать внимание обучающихся на значимости в процессе коммуникации разных аспектов – как вербального, так и невербального поведения коммуникантов, а также особенностей их тезауруса, целей и мотивов, отражающихся в речи.

Литература

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – Москва: ИТИ Технологии, 2008. – 944 с.
2. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
3. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
4. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
5. Матвеева, Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 432.
6. Караулов, Ю.Н. Языковая личность / Ю.Н. Караулов // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – Москва: Большая Российская энциклопедия; Изд. дом «Дрофа», 1997. С. 671–672.
7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 7-е. – Москва: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СТИХАХ МАНДЕЛЬШТАМА 1930–1937 ГГ.

UNIQUE FEATURES OF THE VERBALIZATION OF THE SOUND WORLDVIEW IN MANDELSTAM'S POEMS 1930–1937

А.В. Шутова

Научный руководитель: Н.С. Болотнова, д-р филол. наук, профессор

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Ключевые слова: звуковая картина мира, средства вербализации звуковой картины мира, звук, поэтический текст.

Key words: sound worldview, means of verbalization of the sound worldview, sound, poetic text.

Аннотация. Статья посвящена исследованию звуковой картины мира О.Э. Мандельштама на материале стихотворений, относящихся к позднему периоду в творчестве поэта (1930–1937 гг.). Описание основных средств экспликации звуковой картины мира проведено в соотнесенности с особенностями мировидения автора, отраженными в поэтических текстах данного периода.

О.Э. Мандельштам – поэт с трагической судьбой, переживший и пропустивший через себя все тяготы начала 20 века с его репрессиями, гонениями и бесконечными доносами. Люди боялись произнести лишнее слово, негодное власти. Мандельштам этого принять не смог. Его жизнь – постоянное противостояние, борьба до последнего момента. Свои мысли поэт отражал всякий раз в творчестве, исповедальном по своему характеру.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены особенности репрезентации звуковой картины мира в творчестве автора. Материалом для исследования послужили стихотворения поэта 1930–1937 гг. Музыка, как фрагмент звуковой картины мира, занимает важное место в творчестве Мандельштама. Ранее нами был исследован концепт «музыка» в раннем творчестве поэта (на материале сборника «Камень» (1913)). Было установлено, что музыка для поэта – это особенная стихия, слияние с которой приводит к всеобщей гармонии [1].

Аналізу звуковой картины мира или ее фрагментов посвящены работы ряда исследователей. Вызывает интерес диссертационное исследование Е.Н. Ежовой, в центре внимания которой оказались лингвистические средства организации звукового мира в поэтических текстах О.Э. Мандельштама [2]. С.В. Стефановской в статье «Звуковая картина мира» предпринята попытка построения звуковой картины мира как фрагмента общей картины мира [3] и др.

В монографии С.С. Шляховой, М.Г. Вершининой звуковая картина мира определяется как «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о звучащем мире, один из способов концептуализации действительности; фрагмент языковой картины мира и фоносферы одновременно» [4, с. 417–418]. Под фоносферой исследователи понимают звуковой континуум, окружающий человека.

По мнению С.В. Стефановской, главным каналом поступления информации о мире считается зрительное восприятие. Однако нельзя утверждать, что слуховой канал не играет важной роли в данном процессе. Именно в совокупности зрительного и слухового восприятия у человека формируется целостный образ мира. Единицей звуковой картины мира является звук как «физическое явление (распространение колебаний в воздухе) и ощущение слушателя» [3, с. 119]. В своей статье С.В. Стефановская предлагает следующую дифференциацию звуков [там же, с. 119–120]:

- 1) звуки человека как биологического существа, которые, в свою очередь, могут быть представлены следующими группами звуков:
 - а) физиологические звуки человека, сопровождающие различные физические состояния и некоторые действия;
 - б) звуки, сопровождающие различные движения человека.
- 2) звуки человека как чувствующего и говорящего существа:
 - а) звуки, передающие различные чувства и эмоциональные состояния;
 - б) звуки, отражающие фонационные особенности звучащей речи (произношение) и манеру говорения;
- 3) звуки работающего человека, возникающие в связи с использованием человеком различных орудий труда;
- 4) звуки человека творческого:
 - а) звуки пения;
 - б) звуки, издаваемые музыкальными инструментами.

В качестве основного языкового средства экспликации звуковой картины мира исследователи называют оноματοпею (первичные звукоподражания и звукоподражательная лексика). «Экспликация фоносферы представлена в виде фоносемантических полей с ядерной и периферийными зонами на основании категориального признака «источник звучания», которые отражены в языке акустическими и артикуляторными ономатопами [Воронин 1982] и ономатопами говорения [Шляхова 2003]» [4, с. 11–12].

Для обозначения понятия «звуковой континуум» в русском языке имеется большое количество словесных знаков, звукообозначений. Они образуют ЛСГ, включающие в себя единицы разной частеречной принадлежности (глаголы, существительные, прилагательные, наречия). В словаре «Лексико-семантические группы русских глаголов» под редакцией

Т.В. Матвеевой подполе «Речевая деятельность» включает в себя глаголы произнесения, речевого сообщения, речевого общения, обращения и речевого воздействия, речевого выражения эмоций [5, с. 52–56]. Подполе «Звучание» включает в себя ЛСГ глаголов звучания, издаваемого живыми существами и неодушевленными предметами [там же, с. 62–63].

В данной статье анализ звуковой картины мира Мандельштама был осуществлен нами на материале 82 стихотворений, написанных в период с 1930 по 1937 годы. Позднее творчество автора отличается драматичностью и пронзительностью образного строя. Связано это, в первую очередь, с событиями в стране в целом и в жизни поэта, в частности. В связи с этим звуковая картина мира автора приобретает особую тональность и средства выражения.

В стихотворениях данного периода нами было обнаружено 85 звукообозначений. Исследование частеречной принадлежности выбранных лексем позволило выявить следующее количественное соотношение: существительные (40), глаголы (28), прилагательные (7), краткие формы прилагательных (4), наречия (4), причастия (2).

В ходе исследования было обнаружено частое использование поэтом в стихотворных текстах однокорневых лексем, относящихся к разным частям речи. Например, звукообозначения с корнем «звук» / «звуч» (*звуки, звучит, звуковые, звучанье, отзвук*), с корнем «говор» (*не говори, полразговорца, говор, говорливые, разговор*), с корнем «тих» (*тишь, тихо* (нар.), *тиха* (кр. прил.), *тихий*) и др.

Одним из способов выражения звука в лирике поэта является введение окказиональной лексики («картавая мокрая *шёпоть*», «*полразговорца*», «*черноречивое молчание*»). Первый окказионализм («– Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый» (23 апреля 1931 – <июль 1935>)) позволяет в общей системе текста охарактеризовать жизнь лирического героя (жизнь – это «мигрень», «копоть», «ворвань» (существительные женского рода, 3 лица)). По этому же принципу образован окказионализм «шёпоть» с помощью нулевой суффиксации. Н.Я. Мандельштам пишет об истории создания стихотворения: «*Вскоре после моего возвращения из Москвы мы увидели из окна своей комнаты <...> похороны жертв летной катастрофы, военных летчиков, которых хоронили с воинскими почестями. <...> Возникло маленькое стихотворение в двух вариантах: "Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый" <...> Во втором варианте Мандельштам, сопереживая смерть летчиков, погибает той же смертью и в миг летной катастрофы видит начало жизни» [6].*

Окказиональное образование «полразговорца» в стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны» указывает на ничтожное положение простого народа во время правления И.В. Сталина. Стихотворение написано в ноябре 1933 года. Чтение данного стихотворения Мандельштамом

Б.Л. Пастернак назвал самоубийством. Поэт сознательно шел на смерть, преследуя единственную цель – открыть людям глаза на происходящую вокруг них действительность.

Окказионализм «черноречивое молчание», использованный в поэтическом тексте «Чернозем» (апрель 1935), как бы совмещает в себе два смысла: красоту, выразительность (красноречивое) и труд, работу с землей, черноземом (черноречивое). Мандельштамом создано так называемое «черноземное» стихотворное «гнездо» – несколько стихотворений, объединенных общей темой. Л.Д. Гутрина, анализируя в своей статье авторское «я» в рамках данного гнезда, говорит, в том числе, о стихотворении «Чернозем»: «стихотворение строится на последовательной смене метафор: Земля – Дом, Семья, Уют; Земля – «хор»; Земля – «безокружное в окружности»; Земля – «проруха и обух»; Земля – творчество, поэзия; Земля – сам поэт» [7, с. 31].

Встречающиеся в стихотворениях данного периода лексемы, передающие звуки животного мира, зачастую схожи по функции, которую они выполняют в рамках определенного текста, – указание на отсутствие собственной воли, своего мнения у простого народа. В стихотворении «Мы живем, под собою не чуя земли» с помощью звукообозначений данного типа люди, подчиненные Сталину, показаны подобными безропотным животным, не умеющим мыслить и выражать самостоятельно свое мнение («*Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет...*»).

В стихотворении «И по-звериному воет людье» (ноябрь 1930) использована лексема с пренебрежительной эмоциональной окраской «людье» и метафорическое сравнение людей со зверями, не произносящими членораздельные слова, а лишь воющими. В Толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова представлено такое определение: «выть – издавать вой (в 1, 2 и 3 знач.). Собака воет. В. по покойнику. С волками жить по-волчьи в. (посл.). В. на луну (перен.: изнывать от тоски, скуки; разг.). Воет выюга. Воет сирена» [8]. Следовательно, в рамках данного поэтического текста глагол «выть» использован в переносном значении («изнывать от тоски, скуки»). Наряду с отсутствием возможности высказаться актуализирован смысл *страдания людей от собственного бесправного положения*.

Помимо уже отмеченного, при анализе средств вербализации звуковой картины мира в поздней лирике поэта нами было выявлено следующее: в связи с тяжелым положением в стране, когда за одно «неправильно» произнесенное слово можно было потерять жизнь, в нескольких поэтических текстах автора присутствует прямой запрет на произнесение слов – использованы глаголы в повелительном наклонении («*не говори никому*» («Не говори никому» (1930), «*молчи, в себе таи*», «*не спрашивай*» («Наушники, наушнички мои» (1935)).

Однако сам поэт молчать не собирался («*Я не смолчу, не заглушу боли*» («Если б меня наши враги взяли» (1937)); «*Пою, когда гортань сыра*,

душа – суха»; «Уже **не я пою – поет** мое дыханье» («Пою, когда гортань сыра, душа – суха» (1937)). И песня поэта не простая, а пронзительная, глубокая, надрывная по своему характеру («Я **запрягу десять волов в голос**» («Если б меня наши враги взяли» (1937)). Показательно использование в ряде стихотворений лексем «губы», «рот» как источника звука, которого у поэта никто отнять не смог («**мыслящий бессмертный рот**» («Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть» (1933)), «**Чего добились вы? Блестящего расчета: / Губ шевелящихся отнять вы не могли**» («Лишив меня морей, разбега и разлета» (1935)).

Не менее значимое место в общей ткани произведений данного периода занимают лексемы, актуализирующие смысл «молчание/шёпот/тишина». Связано это, в первую очередь, с постоянным страхом быть случайно кем-то услышанным, ведь в 1930-е годы даже у стен были уши («**запрещенная тишь**» («После полуночи сердце ворует» (1931)), «**квартира тиха, как бумага**» («Квартира тиха, как бумага» (1933)), «**Тихо, тихо его мне прочти...**» («Может быть, это точка безумия» (1937)) и др.).

Значимость звука в поздних стихотворениях Мандельштама определяется его многофункциональностью (описание речи человека и звуков окружающего мира), многообразием, широкой распространенностью (звуки, издаваемые или производимые человеком; животными; звуки неживой природы, неодушевленных предметов).

Доминирующими способами выражения звуков являются художественные средства выразительности: повтор («**Тихий, тихий по воде линиялой**» («Нынче день какой-то желторотый» (1936); «**Тихо, тихо его мне прочти**» («Может быть, это точка безумия» (1937) и др.), метафора («**по-звериному воет людье**» («И по-звериному воет людье» (1930) и др.), окказионализмы («**полразговорца**», «**бабачит**» («Мы живем, под собою не чуя земли» (1933); «**шёпот**» («– Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый» (23 апреля 1931 – <июль 1935>) и др.), метонимия («**мыслящий бессмертный рот**» («Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть» (1933); «**Губ шевелящихся отнять вы не могли**» («Лишив меня морей, разбега и разлета» (1935)).

В содержании использованных автором звукообозначений проявляются специфические черты языковой картины мира поэта, характерные для позднего творчества (особого рода метафоричность, проявляющаяся в создании ярких, пронзительных образов, характеризующих жизненную позицию поэта как независимой, сильной личности, не сломленной под гнетом ужасающей действительности, в которой ей суждено существовать.).

Важное место в звуковой картине мира позднего Мандельштама занимают лексемы, обозначающие речевую деятельность (*голос, разговор/говор, речь, говорить, сказать, спросить* и др.) и лексемы молчания

(*тишь, тишина, шёпот/шёпот* и др.), связанные со звуковой картиной мира автора определенными отношениями. Проведенный анализ показал наличие зыбкой грани между этими парадигмами антонимического типа. Связано это, в первую очередь, с эпохой, в которую жил и творил автор – с постоянным страхом за свою жизнь, четким разделением на власть имеющих и подвластных, безропотных. Однако были среди них и те, кто не мог молча смотреть на происходящее вокруг. Тишина, к которой, с одной стороны, призывает народ Мандельштам, с другой стороны, прерывается его поэтическим словом, с помощью которого автор хотел донести до людей правду, не боясь возможных последствий.

Литература

1. Шутова, А.В. Концепт «музыка» в ранней лирике О.Э. Мандельштама и его отражение в лексической структуре поэтических текстов автора / А.В. Шутова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – Выпуск 2. – С. 49–55.
2. Ежова, Е.Н. Лингвистические средства организации звукового мира в поэтических текстах О.Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ежова Елена Николаевна. – Ставрополь, 1999. – 22 с.
3. Стефановская, С.В. Звуковая картина мира / С.В. Стефановская // Вестник ИГЛУ. – 2009. – № 4. – С. 117–121.
4. Шляхова, С.С. Фоносемантическая звуковая картина мира: монография / С.С. Шляхова, М.Г. Вершинина. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2016. – 424 с.
5. Матвеева, Т.В. Лексико-семантические группы русских глаголов: учеб. слов.-справ. / под общ. ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 153 с.
6. Мандельштам, Н.Я. Вторая книга / Н.Я. Мандельштам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=64675&p=157> (дата обращения: 4.04.2019).
7. Гутрина, Л.Д. Авторское Я в «черноземном» стихотворном «гнезде» О. Мандельштама / Л.Д. Гутрина // Филологический класс. Уральский государственный педагогический университет. – 2011. – № 25. – С. 28–33.
8. Ожегов, СИ. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_m_o.txt (дата обращения: 5.04.2019).
9. Мандельштам, О.Э. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / О.Э. Мандельштам. – Москва: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2017. – 1182 с.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМИКСОВ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛАНА МУРА LITERARY AND ARTISTIC POTENTIAL OF COMICS ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF ALAN MUR <i>Козорез А.В., Плотников Е.Ю.</i>	3
--	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ЖАНРЕ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ <i>ХОККУ</i> EXPRANCE AS A TEXT CATEGORY IN THE GENRE OF JAPANESE POETRY <i>HAIKU</i> <i>Андреева О.В.</i>	11
РОЛЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ THE ROLE OF INTERTEXTUAL ANALYSIS IN THE FORMATION OF LINGUO-CULTUROLOGICAL COMPETENCE OF PUPILS <i>Вегнер А.А.</i>	16
СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ИНФОРМАНТАМИ В СКАЗКЕ Л. КЭРРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС» ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА THE SPECIFICITY OF PERCEPTION OF OCCASIONAL VOCABULARY INFORMANTS IN THE STORY L. CARROLL'S "ALICE IN WONDERLAND" ACCORDING TO THE LINGUISTIC EXPERIMENT <i>Ворожейкина В.К.</i>	21
АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА О ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ANALYSIS OF MATERIAL ABOUT EXPRESSIVE MEANS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN SCHOOL TEXTBOOKS <i>Гуляева Ю.С.</i>	26
ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ <i>БЕЛЫЙ</i> И <i>ЧЕРНЫЙ</i> В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ <i>Кубрина М.А.</i>	32
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ <i>ВЗЛЕТЕТЬ НА ГЕЛИКОН</i> , <i>ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ</i> И <i>АВГИЕВЫ КОНЮШНИ</i> НА ОСНОВЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ И НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА LEXICO-SEMANTIC AND LINGUOCULTURAL ANALISYS OF IDIOMS <i>FLY TO HELICON</i> , <i>AUGEAN STABLES</i> AND <i>WITH ALL ONE'S MIGHT</i> ON THE BASIS OF LEXOCOGRAPHIC SOURCES AND THE NATIONAL CORPS OF THE RUSSIAN LANGUAGE <i>Кукурина Т.Н.</i>	40

<p>ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ПОЭЗИИ Н.С. ГУМИЛЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ЖЕМЧУГА») FUNCTIONAL ROLE OF PRECEDENT TEXTS IN POETRY BY N.S. GUMILYEV (ON THE MATERIAL OF VERSE COLLECTION “PEARLS”) <i>Мехович В.В.</i></p>	45
<p>ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ» OCCASIONAL WORDS IN WORK BY J. ROWLING “HARRY POTTER AND THE PHILOSOPHERS STONE” <i>Мухин М.С.</i></p>	50
<p>ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ <i>ДОБРО</i> И <i>ЗЛО</i> В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ VALUABLE CATEGORIES <i>GOOD</i> AND <i>EVIL</i> IN RUSSIAN PAREMIOLOGY AND PHRASEOLOGY <i>Новикова Е.А.</i></p>	55
<p>СОЧИНЕНИЕ-ОПИСАНИЕ И ЕГО ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕЧИ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ COMPOSITION-DESCRIPTION AND ITS POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF SPEECH OF SCHOOLCHILDREN OF THE SECONDARY SCHOOL <i>Окель К.И.</i></p>	61
<p>ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА <i>ПРИРОДА</i> В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ» CONCEPT <i>NATURE</i> VERBALIZATION IN WORK BY V. RASPUTIN “FAREWELL TO MATYORA” <i>Фридрихсон Е.К.</i></p>	66
<p>ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ 6-ГО КЛАССА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ВНЕКЛАССНОМУ ЧТЕНИЮ FORMATION OF LINGUOCULTURAL COMPETENCE OF THE 6TH LEVEL PUPILS AT CLASSES OF HOME READING <i>Чернышева Е.М.</i></p>	72

МЕДИАДИСКУРС И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

<p>ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРЕДАЧИ «ГОВОРИМ ПО-РУССКИ» В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА USING OF THE LINGUO-DIDACTIC POTENTIAL OF BROADCAST PROGRAMME “SPEAK RUSSIAN” TO FORM STUDENTS LINGUISTIC PERSONALITY <i>Извекова Ю.Б.</i></p>	78
<p>РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ДМИТРИЯ КИСЕЛЁВА SPEECH PORTRAIT OF DMITRY KISELYOV <i>Клышова К.Е.</i></p>	83

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТИЕМ А.А. ВЕНЕДИКТОВА МАССОВЫМ АДРЕСАТОМ FEATURES OF PERCEPTION OF INTERVIEW WITH PARTICIPATION BY A.A. VENEDIKTOV MASS ADDRESS <i>Кондратец Ю.К.</i>	87
РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИКА: КОММУНИКАТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ SPEECH PORTRAIT OF POLITICIAN: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT <i>Маслова А.А.</i>	92
РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АЛЕКСАНДРА ГОРДОНА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ) SPEECH FEATURE OF ALEXANDER GORDON (INTERVIEW MATERIAL) <i>Нехай Т.А.</i>	98
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В.В. ПОЗНЕРА ABOUT SOME FEATURES OF THE LANGUAGE PERSONALITY V.V. POSNER <i>Осипова К.В.</i>	102
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ВО ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ СПЕЦКУРСА «ЛЮБИ И ЗНАЙ СВОЙ РОДНОЙ КРАЙ» (КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ) LOCAL HISTORY TEXTS IN THE EXTRACURRICULAR SPECIALIZED COURSE “LOVE AND KNOW YOUR MOTHERLAND” (LOCAL HISTORY TEXT AS AN OBJECT OF STUDY) <i>Федосенко Т.А.</i>	107

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ТЕКСТА

ВАРИАНТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ») VARIANTS OF SPEECH BEHAVIOR OF LYRICAL HEROINE (ON THE MATERIAL OF THE COLLECTOR “EVENING ALBUM”) <i>Захарчевская Н.В.</i>	111
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНТРАСТА КАК ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯТИВНОЙ УНИВЕРСАЛИИ В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ) EXPERIMENTAL STUDY OF THE CONTRAST AS A LEXICAL REGULATIVE UNIVERSAL IN THE POETRY OF M.I. TSVETAeva <i>Кабанина О.Л.</i>	116
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ СУГГЕСТИВНЫХ СРЕДСТВ И ТЕКСТОВ ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА PRAGMATIC EFFECT OF SUGGESTIVE MEANS AND TEXTS ACCORDING TO THE EXPERIMENT <i>Казанцева Е.М.</i>	121

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ А. АХМАТОВОЙ ШКОЛЬНИКАМИ (НА ОСНОВЕ АНКЕТИРОВАНИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТА) FEATURES OF THE PERCEPTION OF POETIC TEXTS OF A. AKHMATOVA BY SCHOOLCHILDREN (BASED ON QUESTIONING AND EXPERIMENT)	
<i>Клима И.А.</i>	126
АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ ANALYSIS OF THE SPEECH BEHAVIOR OF THE PERSONS OF THE NOVEL I.S. TURGENEV "FATHERS AND CHILDREN" AS A METHOD OF FORMING COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS	
<i>Митрошина П.А.</i>	132
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СТИХАХ МАНДЕЛЬШТАМА 1930–1937 ГГ. UNIQUE FEATURES OF THE VERBALIZATION OF THE SOUND WORLDVIEW IN MANDELSTAM'S POEMS 1930–1937	
<i>Шутова А.В.</i>	138

Научное издание

**ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ НАУКА 0+
XXIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»**

22–26 апреля 2019 г.

**Том II
Филология**

Часть 2

**Актуальные проблемы русского языка и литературы.
Актуальные проблемы русистики.
Медиадискурс и языковая личность.
Коммуникативная стилистика текста**

Материалы публикуются в авторской редакции

Ответственный за выпуск: Л.В. Домбраускайте
Технический редактор: Н.Н. Сафронова

Бумага: офсетная
Печать: трафаретная
Усл. печ. л.: 9,0
Уч. изд. л.: 8,9

Сдано в печать: 4.02.2020 г.
Формат: 64×80/16
Заказ: 1124/Н
Тираж: 100 экз.

Издательство Томского государственного педагогического университета
634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
Отпечатано в типографии Издательства ТГПУ
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 31-14-84.
e-mail: tipograf@tspu.edu.ru